

ПУТЬ

12 - 13

Православный альманах издается при храме Христа Спасителя. Нью Йорк
PUT' (THE WAY). Almanac, published by Russian Orthodox Church of Christ the Savior New York
The Orthodox Church in America.

ОБЗОР СОБЫТИЙ

ЭКУМЕНИЧЕСКОЕ ПРАЗДНОВАНИЕ 1200-ОЙ

На заглавном листе:

Католический архиепископ Нью-Йоркский О'Коннор и глава Православной Церкви в Америке архиепископ Вашингтонский митрополит Феодосий.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЗОР СОБЫТИЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ

ЭКУМЕНИЧЕСКОЕ ПРАЗДНОВАНИЕ 1200-ОЙ ГОДОВЩИНЫ СЕДЬМОГО ВСЕЛЕНСКОГО СОБОРА

ВСЕЛЕНСКИЙ ПАТРИАРХ В РИМЕ

ПОДГОТОВКА К ВСЕПРАВΟΣЛАВНОМУ СОБОРУ

ПЛАЧУЩАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ В АМЕРИКЕ

ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ ПЕРЕДАЧИ О ПРАВОСЛАВИИ В ФРГ

БЕАТИФИКАЦИЯ ЭДИТ СТАЙН

СЪЕЗД АМЕРИКАНСКОГО СОЮЗА МЕССИАНСКИХ ЕВРЕЕВ

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

АНРИ ВОЛОХОНСКИЙ ПСАЛМЫ

ПАТМОС:

МЕЖПРАВΟΣЛАВНЫЙ ЦЕНТР СВ. ИОАННА БОГОСЛОВА НА ПАТМОСЕ

ОСТРОВ СВ. ИОАННА БОГОСЛОВА. СЕСТРА ТАТЬЯНА

СЕМИДЕСЯТИЛЕТНИЕ ОКТЯБРЯ

РЕЛИГИЯ В СССР ПРИ ГОРБАЧЕВЕ

ПРОФ. ДЖЕЙМС БИЛЛИНГТОН О РЕВОЛЮЦИИ И РЕВОЛЮЦИОНЕРАХ (ИНТЕРВЬЮ БОРИСА ШРАГИНА)

ГЕОРГИЙ ФЕДОТОВ. "РУССКАЯ ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И РЕВОЛЮЦИЯ"

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ. "РАЗМЫШЛЕНИЯ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ"

ДАВИД ОСМАН. СТИХИ

АЛЕКСАНДР ГАССЕЛЬ. ОБ ИКОНЕ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

АНРИ ВОЛОХОНСКИЙ. АНГЕЛЬСКИЙ ПОЛ

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

О КНИГЕ ДЖЕЙН ЭЛЛИС "РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ"

ОБЗОР "ВЕСТНИКА РХД" №149

ОБЗОР ЖУРНАЛА "СИМВОЛ" №16

ИЗ ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В АМЕРИКЕ

Г. СОЛДАТОВ. "ЮБИЛЕЙ СВЯТО-ПОКРОВСКОГО ПРИХОДА В МИННЕАПОЛИСЕ"

Процессия с иконой

В прошлом году исполнилось 1200 лет со времени Седьмого Вселенского Собора. Это был последний собор в котором участвовали совместно Восточная и Западная Церковь.

Седьмой собор, как и Первый Вселенский Собор, был созван в городе Никее, неподалеку от Константинополя. Он заседал в ходе восьми сессий с 24-го сентября по 23-е октября 787 г. В истории этот собор известен тем, что он осудил иконоборческую ересь и восстановил иконопочитание.

Вкратце история его такова. После долгого периода иконоборчества православные стойкостью защиты иконопочитания одержали верх и византийская императрица Ирина, сама разделявшая православные убеждения, созвала всех епископов империи на собор, предварительно обсудив это посредством переписки с римским папой Адрианом I, которого она пригласила принять участие в соборе либо лично, либо через своих легатов. На соборе председательствовал константинопольский патриарх Тарасий, двое папских легатов подписали решения собора от имени Адриана I.

В этом году христиане на Западе решили совместно отметить годовщину последнего вселенского собора. В Париже юбилей был отмечен симпозиумом, в котором приняли участие православные, католические и протестантские богословы. Симпозиум был организован парижским православным братством и приурочен к празднику Торжества Православия, а именно церковного празднования годовщины собора, которое всегда совершается в первое воскресенье Великого Поста.

Симпозиум проходил под председательством епископа Иеремии, который представлял главу епископского православного комитета Франции митрополита Мелетия, экзарха Вселенского патриарха. "Исповедание Христа в свете Никейского собора" было темой симпозиума, состоявшегося в зале Мариополис. На нем выступили президент протестантской федерации Франции пастор Жак Мори, глава парижского округа доминиканского ордена о. Жан-Рене Буше и профессор Святосергиевского православного богословского институ-

Воскресение Христово. Виз. миниатюра.

РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ

ГОДОВЩИНЫ СЕДЬМОГО ВСЕЛЕНСКОГО СОБОРА

та о. Борис Бобринский.

Пастор Мори, объясняя иконоборческую позицию протестантов, говорил, что в свое время она была вызвана не столько отрицанием догматических определений древней Церкви, сколько актуальностью исторического момента, требовавшего оградить чистоту благочестия от суеверий. "В наше же время, — сказал пастор Мори, — протестанты всё сильнее впечатляются центральной ролью иконы в православном благочестии, которое видит в ней сконцентрированную тайну присутствия Бога во Христе и Воплощения.

Доминиканец о. Буше указал, что католический народ традиционно привык молиться перед образами, особенно перед Распятием, изображениями Божией Матери и Пресвятого Лица, но также отметил, что в католической Церкви отсутствовал положительный импульс к богословию образов. Тем временем тихо прошла эстетическая революция и религиозное искусство обернулось абстрактным: нитевидный Христос, святые

без лиц. И вот сегодня католики открывают православную икону. Мода ли это, или живая потребность? "Я, со своей стороны, — заявил о. Жан-Рене Буше, — верю, что мы имеем дело с таинственным и духовным признанием. Тем самым верующий народ признает и свидетельствует, что вере и молитве приличествует образ-икона. Нам нужно новое богословие иконы, в котором остро нуждается наша современность, перенасыщенная разными образами и жаждущая обрести смысл существования."

Православный богослов о. Борис Бобринский говорил о месте иконы в святоотеческом богословии.

В Соединенных Штатах православно-католическая богословская комиссия решила отметить этот юбилей совместным богослужением в центральном католическом соборе Нью-Йорка, в церкви Святого Патрика, просветителя Ирландии.

Это совместное богослужение состоялось 7-го октября 1987 г. в семь часов вечера. Оно началось с торжественной процессии

Епископское благословение

духовенства. Во главе ее православные несли икону, а католики — статую Божией Матери. Процессию завершали католический архиепископ Нью-Йорка кардинал О. Коннор и глава Православной Церкви в Америке архиепископ Вашингтонский митрополит Феодосий с многочисленными православными и католическими епископами.

Два хора, католический и православный, попеременно исполняли западные и византийские песнопения. После пения "Свете Тихий" духовенство пропело антифонно 141 псалом, был прочитан отрывок из книги Второзакония и из Евангелия от Иоанна, и все присутствующие речитативом прочли исповедание веры Седьмого Вселенского Собора. Кардинал о'Коннор прочел послание Папы Иоанна-Павла II, присланное к этому событию, а греческий епископ Афинагор прочел проповедь представителя Константинопольского патриархата и главы греческой архиепископии Соверной Америки архиепископа Иаковоса, организатора этого богослужения, который сам не смог на нем присутствовать. В заключении богослужения кардинал о'Коннор предложил всем своим братьям епископам, католическим и православным, преподать общее благословение присутствующим на богослужении духовенству и народу. Тысячная толпа расходилась под пение "Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко".

Это совместное празднование юбилея 7-го Вселенского собора отразило не только экуменическое стремление к сближению между католиками и православными, но и растущее осознание среди католиков актуальности православной иконографии.

Может возникнуть вопрос, что общего между иконоборческим движением в 7-ом и 8-ом веках в Византии и нашим временем. Напомним в двух словах, о чем спорили иконоборцы с православными, почитавшими иконы. Иконоборцы ссылались на запрещение Ветхого Завета делать какие-либо изображения и поклоняться им на том основании, что Бог невидим. Действительно Ветхий Завет запрещал изображения. И вот почему. В древнем мире люди как и в наше время были окружены образами. Но образы у древних были не эстетикой, а политикой, или, как выразился один французский историк о социалистическом реализме, это была политика, действующая эстетическими средствами. Ведь подчеркнув политическую и идеологическую роль искусства, коммунизм ничего не выдумал, он лишь вернул искусству

ту роль, которую то играло в дохристианском мире. Он поставил его на службу власти. Ведь изображения фараона, статуи римским императоров не были простыми портретами. Они напоминали о том, что власть священна, что она требует поклонения и трепета от всех подданных. Это значение иконографического образа политического вождя, идеолога и главы государства прекрасно поняли тоталитарные режимы нашей эпохи. Вождю подабают мавзолей. Власть ставится на пьедестал, рисуется на портретах, в несколько раз превышающих человеческий рост. Советский опыт воздействия на психику посредством плакатов может помочь понять психологию древнего мира, в котором царствовали обоготворенные изображения носителей власти. И вот Ветхий Завет, запретив изображения, приносит освобождение человеку. Только Бог требует поклонения, но Он неизобразим.

Чем же стали, однако, христианские иконы, или образы Христа, Богородицы и святых? Не отменили ли они освобождающий запрет Библии? Нет. Православное богословие допустило почитание икон, потому что отныне они стали образами Бога, ставшего человеком, Богочеловека Иисуса Христа. На иконах Церковь изображала не Бога и не человека, требующего себе божественных почестей, а осуществленное Богочеловечество, говоря словами святых отцов, человечество обоженное, победившее смерть, вступившее в вечность.

Иконопочитание было дальнейшей декрализацией политической власти. Оно утверждало новый гуманизм, абсолютную ценность человеческой личности, в святости достигшей вечности. Это почувствовали императоры-иконоборцы, желавшие подчинить Церковь государству. Однако Церковь, особенно в лице монашества, встала стеной на защиту икон, увидев в гонениях на них посягание на свою свободу от мира, от властей мира сего. И победила. Эта победа сохраняет свою актуальность и сегодня. Какие образы будут владеть сознанием человека? Образы обоготворенной власти, как это происходит при тоталитаризме, или образы агрессивной рекламы, утверждающей материализм бытовой? И те и другие отрицают свободу человека, снова поработают его стихиям мира. Образы Христа и святых напоминают нам о нашей небесной родине, о богоподобие человека, или говоря словами апостола Павла, о том, что "Горний Иерусалим свободен, и он мать всем нам."

ЗИМА-ВЕСНА 1988

Видение пророка Аввакума. Виз. миниатюра

Церковь и синагога. Виз. миниатюра.

ВСЕЛЕНСКИЙ ПАТРИАРХ В РИМЕ

Патриарх Димитрий I и Папа Иоанн-Павел II

(Из журнала "La documentation catholique")

Недавний визит Вселенского патриарха в Рим снова поставил перед широкими массами православных и католиков вопрос о церковном единстве: что продолжает отделять нас от общения в таинствах и что сделано с обеих сторон для преодоления этого разрыва.

Поездка константинопольского патриарха Димитрия Первого в Рим стояла в серии запланированных визитов к главам большинства православных автокефальных церквей, к папе, архиепископу Кентерберийскому и во Всемирный Совет Церквей.

Патриарх провел в гостях у Римской Церкви четыре дня, с 3-го по 7-ое декабря прошлого года, в ответ на приезд Папы в Истамбул в ноябре 1979 года.

Эта встреча Димитрия Первого и Иоанна Павла Второго была пятой по счету встречей между римским епископом и вселенским патриархом. Первая состоялась 5 января 1964 года в Иерусалиме между папой Павлом Шестым и патриархом Афинагором. В 1967 году оба обменялись визитами. Четвертая встреча состоялась в Истамбуле в 79 году при посещении Иоанном Павлом II патриарха Димитрия I.

Прибыв в Рим 3-го декабря патриарх, отправившись в базилику святого Петра, где он первым делом помолился на гробнице апостола и у гробниц двух пап, Иоанна XXIII и Павла VI. Во время приема у Иоанна Павла II в тот же день, в ходе которого папа и патриарх обменялись приветственными речами, Димитрий I выразил надежду, что нынешняя встреча послужит сближению двух церквей. "Мы прибыли к Вам, — сказал патриарх, — неся с любовью дух свободы во Христе и, в то же время, богатую традицию нашего восточного православия. С другой стороны мы прибыли, чтобы принять то, что предлагает нам западная латинская церковь в обмене духовными сокровищами, в духе свободы и уважения."

Программа патриаршего визита была весьма

насыщена. 4-го декабря в 9 утра патриарх посетил базилику Святого Павла за стенами в бенедиктинском монастыре. Помолившись, Димитрий I обратился к братии с проповедью, в которой отметил значение этой базилики, откуда папа Иоанн XXIII объявил созыв Второго Ватиканского собора, открывшего эру экуменизма в Римско-католической Церкви. "Я верю, — сказал патриарх, — что Святые апостолы Пётр и Павел, совместно со святым Бенедиктом и со Святым Василием Великим, вместе с Матерью Божией и многочисленными святыми непрестанно молятся об объединении церквей."

В 1020 того же дня патриарх посетил папский собор, базилику Святого Иоанна Латеранского, и после молитвы в нем, обратился с речью перед ректором, профессурой и студентами примыкающего к ней Латеранского университета. В этой речи патриарх напомнил о фундаментальном гносеологическом принципе богословской традиции восточных Отцов и подвижников, согласно которому основным инструментом познания и седалищем, где обитает Премудрость Божия, является человеческое сердце, очищенное от страстей любовью к Богу и ближнему через соблюдение божественных заповедей. Патриарх также говорил о многообразных преимуществах изучения богословия в наш век с его потрясающим развитием библейских, патристических и литургических исследований. В тот же вечер, после визита в Секстинскую капеллу, патриарх был принят Римской курией, где он обменялся речами с кардиналом Виллибрандсом.

5-го утром патриарх посетил катакомбы святой Прискиллы, а вечером молился с папой за вечерней в базилике Санта Мария Маджоре перед почитаемой иконой Богоматери "Salus populi romani". На вечерне оба проповедывали.

В воскресенье 6-го декабря патриарх и

папа отслужили вместе первую часть Божественной Литургии, литургию слова, в базилике Св. Петра, за которой каждый сказал проповедь. После окончания мессы патриарх преподдал благословение всем верным.

7-го, перед отлетом патриарха в Англию для встречи с архиепископом Кентерберийским Димитрий I и Иоанн-Павел II подписали совместную декларацию, в которой выразили твердую решимость продолжать идти по пути взаимного сближения, который в конце концов должен привести Восточную и Западную церкви к единству в общении Святой Евхаристии.

Визит Вселенского патриарха в Рим был самым ярким, но не единственным актом сближения между Восточной и Западной церквями в прошедшем году.

В октябре прошлого года в Венеции состоялось богословское совещание представителей католической и русской православной церквей, в июне в Бари проходила пленарная сессия смешанной международной комиссии по православно-католическому богословскому диалогу, на которой был принят важный документ под названием "Вера, таинства и единство Церкви".

Эта тема была поставлена на пленарной сессии смешанной богословской комиссии в Мюнхене в 1982 году. После параллельного изучения этой темы тремя смешанными подкомиссиями, смешанный координационный комитет в 83-ем году в Никосии на Кипре выработал органический синтез, который был представлен для обсуждения на пленарную сессию на Крите в 84-ом году. Вслед за этим координационный комитет в 85 году в Ополе, в Польше, пересмотрел этот проект, внося в него исправления, которые потребовала сделать пленарная сессия. Этот окончательный вариант текста был снова изучен пленарной сессией в ходе двух фаз в 86 и 87 году. Таким образом этот окончательный текст документа "Вера, таинства и единство Церкви" отразил многолетнюю деятельность смешанной православно-католической богословской комиссии.

Это второй богословский документ смешанной комиссии. Он является продолжением и развитием первого документа, "Тайна Церкви и Евхаристии в свете Тайны Пресвятой Троицы", опубликованного в 1982 году.

Нынешний документ состоит из двух частей. Первая часть называется "Вера и общение в таинствах", вторая часть - "Таинства христианского посвящения и их отношение к единству Церкви". Как это явствует из названий, в первой части говорится о таинстве Евхаристии, а во второй о таинствах Крещения и Миропомазания в Восточной и Западной церквях.

Первая часть начинается исповеданием того, что вера является даром Божиим, который открывается и отвечает человеку, желающему этот дар принять. Она представляет собою взаимодействие (или "сюнергию", если использовать термин Отцов Церкви) благодати Божией и человеческой свободы. Мостом этого общения является Церковь, потому вера Церкви представляет собой норму и критерий акта личной веры.

Вера есть дар Святого Духа. Но данная Богом вера, которую возвещает Церковь, исповедуется, практикуется и передается в видимой поместной церкви, пребывающей в общении со всеми поместными церквями, рассеянными в мире, т.е. католической Церковью всех времен и народов.

Преимущественным местом в Церкви, где вера исповедуется, практикуется и передается, являются таинства. Таинства это дар и благодать Святого Духа в Иисусе Христе, в Церкви. "В наших двух церквях, - подчеркивается в документе, - литургическое предание является аутентичной интерпретацией откровения.

Каковы же условия общения в вере? Доку-

мент признает, что первым условием для истинного общения между Церквями является отношение каждой из них к Никео-константинопольскому символу веры как необходимой норме общения единой Церкви, рассеянной во времени и пространстве.

Таким образом единство веры - это основной элемент церковного общения в совершении таинств. Но некоторое разногласие в формулировках не компрометирует общения между поместными церквями, если другие церкви могут за разнообразием формулировок признать единую веру, полученную от апостолов. В течение веков разнообразие богословских выражений единой доктрины не ставило под удар общение в таинствах неразделенной Церкви.

Какие же принципы следует применять теперь после многих веков разделения между двумя Церквями? Приемство традиции, в первую очередь: Церковь должна отвечать на новые проблемы в соответствии со Священным Писанием и смыслом своих догматов. Второй принцип - это доксологическое значение веры: всякое литургическое развитие в поместной церкви допустимо, если оно воспринимается другими церквями как соответствующее тайне спасения, каковой она была получена. Наконец важно сотериологическое значение веры: всякое выражение веры должно представлять конечную судьбу человека как сына Божия по благодати в его обожении через победу над смертью и через преобразование творения. Если выражение веры противоречит какому-либо из этих критериев, то оно становится препятствием к взаимному общению. И, наоборот, если частная формулировка веры не противоречит никакому из этих критериев, то ее можно считать законным выражением веры, не препятствующим общению в таинствах.

Документ подчеркивает, что единство веры внутри каждой поместной церкви и между церквями имеет в качестве гаранта епископа, который в общении с духовенством и всем церковным народом, является свидетелем церковного предания.

Во второй части, рассматривающей таинства посвящения, т.е. крещения и миропомазания, объясняются различные способы администрирования этих таинств, развитые в Восточной и Западной церквях, и определяются общие для обеих церквей принципы этих таинств. Среди них - необходимость катехизации, т.е. духовного формирования неопита в вере.

В заключение документа приводится постановление Константинопольского собора 879-880 гг., в котором участвовали обе церкви, Восточная и Римская, который постановил, что каждая кафедра вправе сохранять древ-

Митрополит Феодосий приветствует Иоанна-Павла II в Колумбии, в Южной Каролине во время визита папы в США

ние обычаи своего предания, Римская церковь — свойственные ей обычаи, а Константинопольская церковь, равно как и восточные престолы — свои.

Таковы в общих чертах положения документа "Вера, таинства и единство Церкви". Бросятся в глаза, какое огромное место в нем занимает так называемая евхаристическая экклезиология развитая русскими православными богословами в нашем веке. Современное твор-

ческое богословское развитие помогает воссоздать образ древней неразделенной Церкви и на этой основе идти к единению в таинствах между двумя апостольскими церквями, Восточной и Западной, прерванными евхаристическим общением в 1054 году.

Составлено на основе материалов в "La Documentation catholique" # 1954, (17 января 1988)

ПОДГОТОВКА К ВСЕПРАВОСЛАВНОМУ СОБОРУ

ГЛАЗАМИ ПРАВОСЛАВНЫХ БОГОСЛОВОВ

Оливье Клеман

(Из журнала "L'actualite religieuse")

Вот уже 25 лет ведется подготовка к всеправославному собору. Осенью 1986 года, с 28 октября по 6 ноября, в Шамбези в Швейцарии, в западноевропейском центре Вселенского патриархата проходила третья всеправославная предсоборная конференция. Конференция приняла четыре документа о посте, об отношении православия к неправославным христианам и ко Всемирному Совету Церквей и о позиции православия перед проблемами современного общества.

По поводу этой конференции православный ежемесячник, издающийся во Франции, информационный бюллетень "Православное агентство печати" в двух номерах за прошлый год, 117 и 118, напечатал два интервью с ведущими европейскими православными богословами: Оливье Клеманом, профессором Святосергиевского православного института в Париже, и румынским православным богословом Даном-Илией Саботей, заместителем директора и профессором экуменического института в Босси, в Швейцарии.

Отметив, что конференция продемонстрировала как православие собирается воедино и прививаются навыки сотрудничества, профессор Оливье Клеман отметил и существенную слабость подготовки к собору. Эта подготовка остается элитарным предприятием. Клеман сослался на слова митрополита Хризостома Мирского, который во вступительном слове к конференции сетовал, что роль самого народа Божия в подготовке к собору на уровне приходских и епархиальных остается минимальной.

Понятно отсутствие информации о готовящемся соборе в коммунистическом мире, однако непонятно, почему в свободном мире православная пресса на епархиальном и приходском уровне не упоминает о соборе. Оливье Клеман также выразил сожаление, что православная диаспора, церкви в Америке и Западной Европе не принимают участия в этом подготовительном процессе. То, что предсоборная конференция не уделила должного внимания проблеме православной диаспоры: православным общинам в Америке,

Австралии и Западной Европе, — также отметил профессор Саботей.

На вопрос, каково его мнение по поводу первого документа, называемого "Важность поста и его соблюдения в наши дни", Клеман ответил: "Я считаю, что этот документ очень хорош, что он говорит главное. Он напоминает о духовном значении поста, как личного очищения, подчеркивая аспект христоцентрического движения от смерти к воскресению, и как братского дележа.

Документ связывает аспект индивидуальной аскезы с аспектом политическим, или метаполитическим, говоря, что в наше время неравное и несправедливое распределение благ доходит до того, что целые народы лишаются хлеба насущного".

Однако Клеман подверг критике язык документа, охарактеризовав его слишком "церковным". По его мнению, в данном случае был бы уместнее экзистенциальный язык, вроде языка о. Александра Шмемана в его книге "Великий Пост", и следовало бы сослаться более на библейские и евангельские тексты, чем на стихиры постной триоди, равно как и больше говорить об отношении аскезы к общим проблемам нашей цивилизации. Пост неотделим от глобального аскетического усилия. Аскеза ведет к примирению, объединению, внутреннему освобождению, к возможности чистой любви, то есть способной вложить все жизненные силы в личные отношения. (Наш мир, отравленный эротизмом, нуждается в простом и глубоком слове о любви.) Аскеза высвобождает в нас силы воскресения. Наконец, пост есть средство лечения глубокой болезни нашей цивилизации потребления, которая стремится обратить бесконечное стремление в человеке в сторону бесконечного умножения его потребностей. Пост ставит под вопрос саму цивилизацию потребления, он призывает нас к экономии и дележу во всемирном масштабе. Он воспитывает отношение уважения и симпатии к миру животных и растений, то есть дает решение главным экономическим и экологическим проблемам современности.

Профессор Саботей также отметил, что язык документа о посте мог бы быть более пасторским, живым и обращенным к современному миру. Слишком мало было сказано о посте, как способе подхода к окружающему миру, как к знаку освобождения. Пост упраздняет "тоталитарную" зависимость от материальных благ, утверждает, что человеческая жизнь зависит от любви Бога Живого.

На вопрос, каково его мнение о втором документе предсоборной конференции, "Отношения Православной Церкви с христианским миром", профессор Оливье Клеман ответил: "Следует вспомнить призыв о. Георгия Флоровского к современному экуменизму искать общих корней, общей традиции древней неразделенной Церкви". К сожалению, в документе не определен основной вопрос: церковности не-православных исповеданий. Чем является наше разделение? Разделением ли между православной Церковью и всем

Дан-Илия Саботей

(Из журнала "L'actualite religieuse")

христианством, находящимся за ее пределами, или внутренним разделением внутри одной Церкви? Если мы примем первую точку зрения, тогда примирение возможно только через обращение всех христиан в православие. Если же принять вторую точку зрения, то единение становится возможным через догматическую эволюцию ума и сердца, такое чудо представляется осуществимым в предвидимом будущем церковной истории.

"Не можем же мы отрицать тысячелетие святости в западном христианстве, — спрашивает Клеман, — можем ли мы отрицать, что Франциск Ассизский, Иоанн от Креста, Паскаль, Тереза из Лизье, о. Фуко были крещены и приобщены Телу Христову?"

Часто говорят, что раскол шестнадцатого века в Западной Европе стал неизбежен в результате раскола между восточным и западным христианством в одиннадцатом-тринадцатом веках; возможно, что католики и протестанты обретут искомое единение при посредстве православия, если последнее под воздействием их вопрошания дойдет до своей собственной примиряющей глубины.

Профессор Саботей также отметил в этом документе определенный православный триумфализм: "От его чтения создается впечатление, что путь к объединению христиан лежит через их обращение в православие в его исторической и современной литургической и канонической форме".

Относительно третьего документа предсоборной конференции "Православная Церковь и экуменическое движение" профессор Оливье Клеман, отметив его богословские достоинства, выразил неудовлетворение тем, что документ никак не осуждает молчания Всемирного Совета Церквей относительно реального положения христиан в странах Восточной Европы, нарушения прав человека и длительного удушья свободы духа в этих странах.

Со своей стороны профессор Саботей отметил, что документу следовало бы призвать православ-

ные церкви самым активно рекрутировать своих кандидатов на посты ВСЦ, чтобы обеспечить заметное присутствие православной Церкви в этой организации с ее постоянно растущим числом протестантских исповеданий.

Обсуждая четвертый документ конференции под названием "Вклад Православной Церкви в осуществление мира, справедливости, свободы, братства и любви между народами и в борьбу с расовой и прочей дискриминацией" Оливье Клеман сказал, что хотя он и написан "дубовым языком", напоминая некую пропаганду, по существу он является самым существенным и наиболее глубоким документом предсоборного совещания. "Потребовалось немало мужества и душевной силы от епископов стран Восточной Европы для участия в составлении и в подписании этого документа. Документ утверждает бесконечную ценность человеческой личности и является замечательным свидетельством того, как православные богословие и антропология

могут быть приложимы к нашей исторической ситуации", — сказал Клеман. "Без Бога, — утверждает документ, — человек является ничтожной

Предсоборная конференция в Шамбези
(Из журнала "L'actualite religieuse")

частицей космоса и общества. Как образ Божий человек благороднее всей вселенной; разнообразные формы общественной жизни суть лишь разные измерения его личного существования." Хотя документ не входит в рассуждение о капитализме и коммунизме, он отмечает, что подлинной проблемой Востока является отсутствие свободы духа, тогда как настоящей проблемой Запада является духовная пустота, которую тщетно пытаются заполнить личным потреблением.

Оценивая Третью Предсоборную конференцию в целом профессор Оливье Клеман сказал: "Меня поразило единомыслие по всем существенным вопросам епископов, собравшихся на эту конференцию. Несмотря на рассеяние православных церквей по миру, весьма удаленным друг от друга в географическом, политическом и культурном отношении, их представители проявили одну и ту же духовную чуткость. И это есть чудо Духа Святого, чудо Церкви".

ПЛАЧУЩАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ В АМЕРИКЕ

Тысячи людей приезжают в православную албанскую церковь святого Николая в Чикаго, чтобы засвидетельствовать необъяснимое явление — слезы на глазах и на руках Божией Матери на иконе Одигитрия, которые появились впервые в приходской праздник святителя Николая 6 декабря 1986 года, и которые с того времени продолжает источать икона.

Теперь небольшая церковь, в которой может поместиться не более двухсот пятидесяти человек, никогда не пустует, верующие и скептики в равной мере толпятся вокруг иконы, украшенной постоянно живыми цветами, перед которой не затухают свечи. Паломники приезжают со всех концов Соединенных Штатов и из-за границы.

Эта икона, написанная нью-йоркским иконописцем Константином Йоссисом 23 года назад для иконостаса, не привлекала особенно ничьего внимания до тех пор, пока на ней не стала выступать влага, по составу не отличимая от человеческих слез. После того, как на иконе стали появляться слезы, она была тщательно исследована епископом вместе с духовенством и представителями от мирян.

В официальном коммюнике глава православной греческой архиепископии Северной Америки, архиепископ Иаковос заявил: "Знаменательно, что накануне тысяча двухсотлетнего юбилея Седьмого Вселенского Собора Господь соблаго-

волил явить Свою благодать через Свою Пречистую Мать. Этот собор определил место икон в жизни Церкви. Слезы на иконе не требуют научного объяснения. Важно не то, как они получаются, а почему. А это "почему" мне представляется очевидным: Божья Мать призывает нас обратиться ко Христу, к Его состраданию и милосердию."

(Православное агентство печати, №116)

ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ ПЕРЕДАЧИ О ПРАВОСЛАВИИ В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

Отдел педагогических и семейных радиотелевизионных передач Баден-Баденского района в Западной Германии показал телевизионную программу из девяти получасовых передач, посвященных православию, под названием "Вера, подымающаяся из сердца". Цель программы — познакомить широкую публику с религиозным миром православия. Съемки телефильма проводились в Греции, на Афоне, на Крите и многочисленных греческих островах, на Кипре, в Иерусалиме, в Женеве, в Западной Германии и Франции. Первая из серии передач старалась открыть за интригующей и кажущейся экзотической символикой сокровенный и богатый религиозный смысл православной веры. Вторая передача, посвятившая подготовку встречи к всеправославному собору, проходившие в центре Вселенского патриархата в Шамбези, в Швейцарии, ознакомила

с многообразием поместных православных церквей, объединенных общей верой. Третья передача посвятила телезрителей в повседневную жизнь православных монахов и монахинь монастыря св. Антония в Веркоре во Франции. Три следующие передачи были посвящены православным святыням на Святой Земле с торжественными богослужениями на местах, связанных с земной жизнью Спасителя. Зрители увидели великое освящение воды, демонстрирующее единство духа и материи в православном богочитании. Седьмая передача познакомила телезрителей с епископом Иринеем Киссамоским на Крите, архипастырем беднейшей части населения острова и с его усилиями помочь экономическому развитию своего района. Передача о крестном ходе в Тиносе в Греции на празднике Успения показала, какое огромное место почитание Девы Марии занимает в православном благочестии. Девятая, последняя передача познакомила телезрителей с таинствами: евхаристией, крещением, миропомазанием, венчанием и соборованием больных.

Создатель этой телесериал режиссер Вернер Фейст работал над нею в сотрудничестве с греческими богословами из Афин и Фессалоник Георгием Галитисом и Георгием Манцаридисом и с западногерманским богословом Паулом Верцем из Бонна.

(Православное агентство печати, №117)

АНРИ ВОЛОХОНСКИЙ

ПСАЛОМ ДАВИДА (син. 23)

Господу — земля с ее мирозданьем
И все, чем Вселенная преисполнена.
Это Он над морями ее основал
Воздвиг как на сваях, на струях рек —
Кто ж взойдет на Господню горную высь?
Кто встанет там, где святыня Его?
— У кого чистые руки и открытое сердце,
Кто лжи не присягал, не превозносил пустое;
Вознесет его Господне благословение,
Оправданье ему — сам Бог-спаситель;
Они из рода, который ищет —
От Иакова они — лика Твоего взыскаю.
Взвейтесь, о гордые своды, над воротами,
Распахните, двери вечности, да придет Царь славы!
Кто Он, Царь славы? — Господь могучий,
Исполн браней, Господь — муж ратный.
Вейтесь гордые своды над вратами!
Распахните, двери вечности, грядет Царь славы!
Кто же Он, Царь славы? — Господь сил и воинств,
Господь Саваоф, это Он Царь славы.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ: ПСАЛМЫ

ПСАЛОМ 3

ПЕСНЬ ДАВИДОВА

во время его бегства от собственного сына Авессалома

О как множатся, Яхве, враги кругом,
что во множестве отовсюду восстав,
Изрекают, многие, о жизни моей,
будто нет мне спасенья и в Боге. О, да!

Но Ты, о Яхве, Ты моя броня,
Ты — гордыня и честь, мой доспех и щит,

Вот я брошу Яхве призывный клич —
и с Горы Святой отзовется. О, да!

Даже сном уснув, снова жив проснусь:
ведь на Яхве я возложил дозор,

Не страшусь, что народа враждебный строй
мне во множестве полчищ кругом грозит.

— Боже, выручи! Яхве, воспринь и рази,
нечестивым зубастую челюсть круша!

Ты спаситель, о Яхве, и всем кто Твой —
благословенье Твое. О, да!

БЕАТИФИКАЦИЯ ЭДИТ СТАЙН

В мае прошлого года в Кельне в Западной Германии была причтена к лику блаженных сестра Тереза-Бенедикта от Креста, в миру Эдит Стайн, философ и мистик, жертва нацистского геноцида против евреев и христианская мученица.

Эдит Стайн родилась в Бреслау 12-го октября 1891 года одиннадцатым ребенком в верующей еврейской семье. В гимназические годы она стала атеисткой, студенткой попала под влияние своего профессора Гуссерля, стала его любимой ученицей и ассистенткой (1913-1918 гг.).

Позднее она разошлась с ним из-за несовместимости философских воззрений, сохранив глубокое его почитание. В эти годы шли ее собственные философские поиски, которые завершились открытием христианства и обращением в католичество, а затем и принятием монашества в одном из самых строгих орденов созерцательной жизни - кармелитском. Период с 21-го по 33-ий год - год вступления в монастырь, был временем ее многосторонней философской деятельности в качестве профессора, воспитателя и лектора. Своими выступлениями она приобретает известность по всей Германии. Прозрачным видением вещей отличаются ее лекции и философские статьи этого времени. Достаточно прочесть ее прекрасную маленькую книгу, наиболее известную и доступную из ее философского наследия, "Женщина и ее судьба", чтобы вместе с ней приобщиться к этой очевидности истины. Уже в кармелитском монастыре в Кельне в 1933 году она написала свое главное произведение "Быть конечным и быть вечным", представляющим ее размышления над Фомой Аквинатом, пронизанные феноменологическими интуициями, с приложением ее же непревзойденной по верности критики книги Хайдеггера "Бытие и время". Эту великую книгу называют ее посмертным памятником, поскольку ее невозможно было напечатать при нацистах и она увидела свет лишь после войны. Перед своим отъездом из кармелитского монастыря в Кельне она оставила настоятельнице свою семейную хронику под названием "Жизнь еврейской семьи", доведенную до времени обращения Эдит. Скрытой целью этой книги - в 1933-ем году, когда нацисты смеивали с грязью не-арийцев, - было представить "апологию еврейской человечности" через изображение ее собственной семьи и воспоминание о матери. Написанная с удивительной свежестью и искренностью эта хроника состоит из рассказа Эдит, младшего ребенка, о себе самой, смешанного с рассказами о своих братьях и сестрах. Погрешности тех и других не утаены, но главное, что выделяется, это потомственные добродетели еврейской семьи в среде сыздавна пропитанной хасидизмом: строгость, сдержанность, честность, трудолюбие и благочестие. Незабываемо нарисован портрет ее матери, Августины Стайн, урожденной Куран происхождением из Люблинитц - центра хасидизма. Рано овдовевшая, привязанная к семейному очагу, постоянно посещающая синагогу, активная и мужественная, госпожа Стайн была поистине библейской женщиной, исполненной достоинства своего архаизма и своей религии. Она умерла в 1936-ом

году 87-ми лет. Эдит ее почитала, хотя ее обращение, а затем монашество причиняли матери сильные страдания, что в свою очередь мучило и саму Эдит. Эти две великие души, бескомпромиссно верные Богу, каждая по своему, объединялись в общем сознании жертвенности и в воле к истине. С годами Эдит все больше и больше напоминала мать.

В этом прославлении Эдит следует вспомнить и ее старшую сестру Розу, спутницу по мученичеству, не уступавшую ей в святости. Чтобы не покидать Розу, Эдит запланировала побег в Швейцарию. Тут ее и настигла рука судьбы.

Вслед за описанием маленького мирка Стайнов следуют ее воспоминания о маленьком феноменологическом мирке Гёттингена с его бородатым богом Гуссерлем и группой приспешников и учеников, поведение и портреты которых живым пером описала при бывшая из Бреслау на первый семестр 1913 года Эдит. Многие из одноклассников юной девушки были или стали заметными фигурами: Макс Шелер, Геринг, Кауфман, Койре, Адольф Рейнах, Гедвига Конрад-Мартэнз. Кружок был столь невелик, что большую часть фотографий можно было бы назвать "Групповой портрет с дамой". Война его разбросала. Гуссерль получил кафедру во Фрибургском университете. Эдит отслужила в Красном Кресте перед возвращением на его лекции.

Первый контакт с христианством у нее возник через подругу Анну Рейнах, открывшую для себя веру недавно. Спустя два года, гостя у своей другой подруги, Гедвиги Конрад-Мартэнз, она с жадностью читает религиозные книги, находившиеся в библиотеке. В одну ночь проглатывает автобиографию св. Терезы Авильской, и это определяет ее решение креститься. Она сама готовится к крещению, которое принимает 1-го января 1922 года.

В течение следующего десятилетия она продолжает вести жизнь ученого: публикации и философские конференции, преподавание в доминиканской школе в Спире, в педагогическом институте в Мюнстере. Но при этом ее образ жизни почти монашеский. Каждое утро фрейлен доктор прислуживает за мессой, оставаясь подолгу в церкви за молитвой.

В 1933 году нацистский режим лишает ее права преподавания. Эдит принимает это как знак свыше и поступает в Кельнский кармелитский монастырь. В 38-ом году она укрывается в кармелитском монастыре в Голландии, куда к ней подселается и ее старшая сестра, кармелитка третьего ордена, Роза. 2 августа 1942 года в ходе нацистской облавы в ответ на письмо гол-

ландского епископата, осуждающее преследование евреев, двух сестер-кармелиток арестовывают и с тысячами других евреев в скотских вагонах везут на Восток.

9-го августа по прибытии в лагерь Аушвиц их посылают в газовую печь.

Первого мая 1987 года Эдит Стайн, в монашестве сестра Тереза - Бенедикта от Креста, была причислена Католической Церковью к лику блаженных. В своем слове, сказанном на беатификации, немецкий кардинал Хофнер отметил, что корона блаженных и святых: Урсулы, Бруно, Альберта Великого и других получает новый драгоценный камень в лице сестры Терезы-Бенедикты от Креста. Он также выразил веру в то, что подобно тому, как мученик Аушвица Максимилиан Кольбе предстательствует перед Богом о примирении поляков с немцами, так и мученица Аушвица Эдит Стайн предстательствует перед Всевышним о примирении евреев с германским народом.

В проповеди, сказанной на этой беатификации, папа Иоанн-Павел II определил всю жизнь Эдит Стайн как единое устремление в поиске истины. Приведем эту проповедь с сокращениями.

"Духовный путь этой женщины, - сказал Папа, - взявшей в кармелитском ордена имя Терезы, Благословенной Крестом, начался с убежденности, что Бога нет. Ни в свои юные годы, ни в годы обучения она не была еще отмечена искупительным Крестом Иисуса Христа. В 15 лет, гимназисткой, она решила перестать молиться, как сама вспоминала впоследствии. Хотя она в течение всей своей жизни сохраняла глубокое почитание матери, всегда впечатлявшей ее строгостью соблюдения еврейского закона, с иудаизмом она разрывает уже на школьной скамье. В студенческие годы она тесно сходитя со средой атеистической интеллигенции. В эти годы изучения психологии и философии, истории и немецкой литературы в Геттингене и Фрибурге Бог не играет в ее мировоззрении никакой роли. Ничто не остается за пределами ее пытливого философского анализа, включая и веру ее отцов. Она стремится дойти до сути вещей и неустанно ищет истину.

Вспоминая этот период духовного беспоконства, она признавала в нем важный этап своего внутреннего становления, говоря: "мой поиск истины был моей единственной молитвой". Какая замечательная фраза, обращенная ко всем, не могущим обрести веру в Бога! Поиск истины есть уже глубочайший поиск Бога.

Под сильным влиянием своего профессора Гуссерля и его феноменологической школы эта беспокойная студентка обратилась к профессиональному занятию философией. Постепенно она научилась "рассматривать всё без предрассудков, отбросив всякие "шоры". Знакомство с Максом Шеллером в Геттингене означило для Эдит Стайн первое соприкосновение с католическими идеями. Впоследствии она вспоминала: "Постепенно устранялись препятствия, созданные моими рационалистическими предрассудками, в которых я выросла, никогда не подвергая их сомнению. Внезапно передо мною явилась вселенная веры."

Эта долгая внутренняя борьба, предшествующая личному приятию веры в Иисуса Христа, завершилась в 1921 году, когда она взялась за чтение "Жизни святой Терезы Авильской". Эта книга ее сразу же пленила. Она прочла ее залпом. "Когда я ее закрыла, я подумала: Вот истина!" Она читала ее всю ночь до восхода солнца. И в эту ночь она нашла истину, не истину философии, а истину, воплощен-

ную в личности, любовь Божию.

Эдит Стайн искала истину. Она нашла Бога. Не откладывая она крестилась и стала католичкой.

Для Эдит Стайн крещение не означало никакого разрыва с еврейским народом, ее народом. Наоборот, она писала: "Я перестала практиковать иудаизм в возрасте четырнадцати лет. И я себя не чувствовала еврейкой до тех пор, пока не возобновила моих связей с Богом." Она всегда ощущала свою принадлежность Христу "не только духовную, но и через кровные узы". Она страшно страдала от той горечи, которую переживала ее мать от ее обращения. Позднее она ходила вместе с ней в синагогу и читала вместе с ней псалмы.

После знакомства с писаниями св. Терезы Авильской конечной целью Стайн сделался Кармель, однако прошло еще десять лет, прежде чем она в него вступила. В качестве преподавателя философии в Спире, а затем в Мюнстере, она старается объединить науку и истину в формировании взглядов своей аудитории. Но уже тогда она начинает вести монашескую жизнь, тайно дав три обета, и становится великой молитвенницей, отмеченной благодатью. Интенсивно изучая св. Фому Аквинского, она учиться "заниматься наукой как богослужением", проникаясь тем не менее сознанием, что сердцем христианского существования является не наука, а любовь.

Когда Эдит Стайн, наконец, поступила в 1933 году в кармелитский монастырь, этот акт означал для нее не побег от мира и своих обязанностей, а "безоговорочную решимость следовать за Христом путем Креста."

Здесь, у подножия Креста, она стала лучше понимать судьбу народа Израилева и все более углубляться в тайну искупления. Самим своим новым именем "Бенедикты от Креста, т.е. Благословенной Крестом", Эдит-Тереза подчеркнула свое желание нести на себе Крест Христов ради спасения своего народа, Церкви и всего мира. Она приносит себя Богу "искупительной жертвой ради истинного мира", особенно ради собственного еврейского народа, унижаемого и стоящего под угрозой смерти, все более осознавая, что "судьба моего народа это и моя судьба".

В духе этой солидарности сестра Тереза-Бенедикта от Креста провожает собственную сестру Розу на голгофу газовой камеры, чтобы вскоре за ней последовать.

Возлюбленные братья и сестры, сегодня великий день для Церкви XX века: поклонимся же перед этим свидетельством жизни и смерти, которое принесла Эдит Стайн, эта замечательная дочь Израиля, бывшая в то же время дочерью Кармеля, личность, которая так патетически в ходе своей богатой жизни приняла участие в драмах нашего века.

Если мы перенесемся в духе на место пытки этой великой еврейки и христианской мученицы, на место этого устрашающего события, которое сегодня называется "Шоа", "Всесоужение", то мы в то же время услышим и голос Христа, Мессии и Сына Человеческого, Господа и Искупителя.

Открывая неисповедимую тайну божественного спасения, Он говорит самаритянке у колодца Иакова: "Спасение от иудеев. Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться в духе и истине; ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть дух: и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине." (Ин. 22-24)

Да будет объявлена блаженной Эдит Стайн- сестра Тереза-Бенедикта от Креста истинная поклонница Бога в духе и истине. Да, она блаженна. Аминь."

(Составлено на основе материалов в журналах: "L'actualite religieuse" #44, 1987 и "La Documentation Catholique" n.1941, 1987)

СЪЕЗД АМЕРИКАНСКОГО СОЮЗА МЕССИАНСКИХ ЕВРЕЕВ

О. МИХАИЛ АКСЕНОВ-МЕЕРСОН

С 28-го июня по 4-ое июля прошлого года в протестантском университете "Мессайя-колледж" в Пенсильвании проходил ежегодный съезд Американского Союза Мессиянских Евреев. (МЖАА, Messianic Jewish Alliance of America). На съезд приехали представители и наблюдатели и из других стран: Англии, Швеции, Австралии, Израиля, Аргентины и др. "Мессиянские евреи" - это евреи, верящие во Христа и исповедующие Бога-Троицу, крещенные во имя Отца, Сына и Святого Духа, но при этом считающие, что и в своем новом качестве они призваны сохранять принадлежность к еврейской общине, как исторически сложившейся форме существования еврейского народа в рассеянии. Потому свои религиозные общины они называют синагогами, или конгрегациями, большинство из которых носят христианские названия на иврите, как, например, "Бейт Иешуа", что значит "Дом Иисуса" или "Бейт Машиах", что значит "Дом Мессии, или Христа".

Мой хороший знакомый, Максим Дориани, долгие годы бывший пастором американской протестантской церкви "Assemblies of God",

а теперь, уйдя на пенсию, возглавляющий в качестве добровольца русский отдел американской организации "Евреи за Иисуса", посоветовал мне посетить этот съезд, чтобы посмотреть на это движение собственными глазами и написать о нем репортаж.

Максим Владимирович и сам направился на этот съезд, на котором пробыл от начала до конца. Мне же удалось поехать на пару дней, за время которых, впрочем, удалось создать о нем определенное впечатление. Я прослушал несколько лекций, побывал на вечернем концерте и молитвенном собрании, повстречался с множеством участников и гостей и взял несколько интервью: у рядового члена этого движения, Рэнди Катца, который ежегодно посещает эти съезды вот уже в течение десяти лет, у нынешнего президента Американского Альянса, пастора конгрегации "Бейт Мессайя" в Цинцинати, Майкла Вольфа, у гостя съезда, протестантки из Швеции, у делегатки съезда, приехавшей из Израиля, у раввина одной из мессиянских синагог в Филадельфии наконец, у одного из основателей этого движения, относящегося ныне к нему крайне

критически, англиканского пастора Боба, и у самого Максима Владимировича Дориани.

В заключении я накупил собрание кассет с большинством докладов, прочитанных на съезде, которые я не имел возможности прослушать непосредственно. На основании этих материалов и наблюдений и написан этот очерк.

Порядок съезда был обыкновением для такого рода религиозных собраний в Америке. Гостей разместили в университетских общежитиях, на завтрак, обед и ужин все собирались в огромную столовую, где могло разместиться более тысячи человек. Она и служила основным местом знакомств и общений. В первую половину дня в разных аудиториях читались лекции, по 8-10 в день, так что общим числом на съезде было прочитано более пятидесяти часовых лекций. Послеобеденное время собравшиеся проводили в прогулках, в бассейне, в спортивном комплексе колледжа или репетировали для вечерних выступлений, смотрели стенды альянса и раскупали его книги и кассеты. По вечерам собирались на молитвенное собрание, начинавшееся в семь и иногда продолжавшееся за полночь.

ВСТРЕЧИ

Приехав на короткий срок, я опасался, что не успею опросить достаточное число людей, а главное руководителей движения, чтобы составить представление о его богословии и религиозном происхождении — куда его можно конфессионально поместить. Мои опасения рассеялись при достаточно комических обстоятельствах. Стоило мне во время первого же обеденного собрания в огромной столовой на вопрос, откуда я, заявить, что я православный священник, как образовалась толпа народа, которая со мной захотела познакомиться. Я попытался воспользоваться этим общим любопытством и в ответ на любознательные вопросы сам в свою очередь включал магнитофон и задавал свои. Когда меня подвели к одному столу, чтобы представить делегатам мессианской конгрегации из Лондона, то вся почтенная делегация встала.

Из того фурора, который произвело мое появление, стало ясно что, во-первых, православное духовенство не очень балует своим посещением такого рода протестантские собрания, и что, во-вторых, у движения мессианских евреев сильная потребность в признании и интересе со стороны апостольских церквей. Но был еще и факт общей заинтригованности православием, которая характерна для западных людей, достаточно привыкших к собственным исповеданиям.

Несколько смущенный такой почестью со стороны лондонской делегации, я тут же предложил её сфотографировать для газетной статьи.

Среди прочих интересных встреч надо упомянуть знакомство с госпожой Марией Эйнспрух, вдовой переводчика Нового Завета на Идиш. Оказывается перевод Генри Эйнспруха считается современными идишистскими писателями лучшим из всех переводов Нового Завета на идиш. Лауреат нобелевской премии писатель Исаак Башевис Зингер даже писал в рецензии на этот перевод в еврейской американской газете "Форвард", что он, Башевис, уже многие годы не читал такого прекрасного идиша, какой он нашел в новом переводе Нового Завета доктора Эйнспруха.

Для меня вообще было новостью, что существует перевод Нового Завета на идиш, и уж особенно удивителен был факт, что таких переводов — несколько и при этом делаются все новые, несмотря на то, что число читающих на идиш, все уменьшается, да и для тех, кто читает, Новый Завет не является самой популярной книгой.

Другой участник съезда, у которого я

взял интервью, был сосед по комнате моего знакомого, уже упомянутого пастора Макса Дориани, Рэнди Катц. Рэнди рассказал, что ему 35 лет, что он техник по электронике, что вырос он в традиционной американской еврейской семье, но к религии был равнодушен, пока не встретился в свои студенческие годы с проповедниками евангелического движения "Университетского крестового похода ради Христа".

Как сказал Рэнди, в эти годы (60-ые) идеологические и религиозные вопросы особенно сильно занимали студенческие головы, разного рода дискуссии велись постоянно, и он в ходе бесед с проповедниками уверовал в Евангелие, и вступил в молитвенный кружок в своем колледже. Через несколько лет в своем родном городе Ротчестере он с группой таких же как он евреев, уверовавших во Христа, основал некое подобие религиозной общины, которая выросла в мессианскую синагогу. Рэнди сказал, что на съезды он приезжает ежегодно.

Оказалось, что и его некоторой стороной коснулось православие. Он был знаком со священником Православной Церкви в Америке в Ротчестере, выпускником Святовладимирской семинарии, и то, что тот говорил о православии, произвело на Рэнди большое впечатление.

По дороге на завтрак Рэнди Катц представил нам с Максом случайно медью нам на встречу свою тезку и однофамилицу, с которой он уже несколько раз встречался на съездах мессианских конгрегаций. Его тезка и однофамилица, Рэнди Катц, оказалась миловидной блондинистой особой, катившей коляску с двумя похожими на нее как две капли воды детьми. Рэнди Катцы обменялись теплыми приветствиями, спросив друг у друга как происходят дела в их синагогах и выросли ли последние за прошедший год. Макс тут же посоветовал им открыть кооперативную адвокатскую контору "Рэнди Катц и Рэнди Катц", пообещав грандиозный успех. Может быть Рэнди, у которого я брал интервью, и который как раз находился в поисках заработка, так как фирма, в которой он проработал семь лет, лопнула, и не прочь был бы последовать совету Макса.

Перед самым отъездом мне удалось взять интервью у только что избранного президента Союза Майкла Вольфа. Опять помогло православие. Прохаживаясь в лобби в ожидании одного из мессианских раввинов, назначивших мне встречу, я разговорился с человеком, который накануне на молитвенном собрании выступал с октетом из Цинцинати, распевавшим еврейские и протестантские гимны.

Получив ответ, что "претерпевший до конца спасен будет" на свой вопрос, "спасен ли я", он в раздражении сказал, что я в неправиль-

Обеденный зал мессианской конференции

Церковь из Обрезания
Мозаика церкви св. Сабины в Риме V века.

ной церкви и куда-то исчез. Я уж было решил, что экуменический контакт на этом кончился, как он вернулся ведя за собой своего пастора, который оказался президентом Союза Майклом Вольфом. Тот захотел взглянуть на православного священника. После недолгой перепалки на тему, чья вера правильней, я собрал у Майкла сведения о его собственном пути и об организации, которую он возглавляет.

Майкл Вольф, человек в возрасте лет 40, воспитывался в консервативной еврейской синагоге. Обратившись ко Христу, он вступил в Еврейско-христианский Союз. Потом окончил протестантский библейский колледж и стал пастором в еврейско-христианской конгрегации в Цинциннати, которую он возглавляет вот уже девять с половиной лет. У него в приходе 80 человек и много детей. Пастор Вольф отметил, что еврейско-мессианское движение стало быстро расти за последние годы.

"Я познал Иисуса как своего Мессию в 1970 году, - сказал он в своем интервью. - В 1971 году я впервые приехал на съезд Союза. Тогда на нем присутствовало около 100 человек, из них только 30 молодых людей. В этом году наш съезд в течение всей этой недели посетит около тысячи пятисот человек, которые представляют более пятидесяти конгрегаций Союза.

В чем наша вера? Мы веруем в Иисуса Мессию, как нашего Господа и Спасителя, читаем Новый и Ветхий Завет и справляем основные еврейские праздники. Богослужения проводим по субботам и по воскресеньям."

На мой вопрос, откуда Союз берет своих пасторов-раввинов, он ответил, что они получают образование в библейских семинариях, где их и поставляют на служение.

Из числа других интересных встреч стоит выделить разговор с женщиной средних лет, приехавшей на съезд из Израиля. Ее конгрегация находится в Иерусалиме, народу в ней немного, и он разный, среди верующих двое проживают в "Меа Шеарим" (район для ортодоксальных евреев в Иерусалиме, в котором по субботам закидывают камнями по неосторожности заехавшую туда машину).

На вопрос подсевшего к нам пастора Боба,

как ее звать и как называется ее конгрегация, она ответила, что это не имеет значения.

"Что в Израиле они все такие же сумасшедшие как русские?" - спросил у меня наивный американец Боб, переживший религиозные преследования лишь однажды, когда во время молитвенного собрания среди евреев-баптистов, он как-то истово перекрестился, а они в ответ на него косо посмотрели. Боб несколько раз приводил эту историю как пример возмутительной религиозной нетерпимости, подчеркивая, что он, как англиканин, то же имеет некое отношение к апостольской Церкви и даже раз за свое исповедание пострадал.

Напоследок надо рассказать о Мордехе. Если бы жив был Ленин, то он наверняка назвал бы Мордехая "архивыкрестом" и был бы прав. Мордехай любил креститься. Делал он это регулярно, каждые два-три месяца, и в разных церквях. Крестился он по всякому: погружением, обливанием и окроплением. Он крестился у баптистов и лютеран, католиков и англикан, пятидесятников, кальвинистов и меннонитов. Трудно было назвать протестантскую церковь, в которой бы он ни крестился. На мой вопрос, зачем креститься так часто, когда и одного крещения во оставление грехов достаточно, Мордехай сказал, не слушая особенно мои аргументы, что после каждого крещения он ощущает небывалый духовный подъем. Я даже подумал, что, может, не так и неправы наши собратья-синодалы, которые любят перекрещивать. В конце концов кому не хочется ощутить лишний раз духовного подъема?

БОГОСЛУЖЕНИЕ

Конфессиональные истоки этого движения стали ясны на вечернем молитвенном собрании, когда после нескольких проповедей, под аккомпанимент квартета и под пение протестантских гимнов на синагогальные мелодии или еврейских религиозных песнопений собравшиеся с возгласами "Аллилуйя" и "Хвалите Господа" принялись танцевать как "богоотец пророк Давид, яже пред санным ковчегом скакаше играя". Молящиеся, до того плотно стоявшие амфитиатром с поднятыми руками и экстатическими лицами, потянулись вниз присоединяться к танцующим, среди которых вдруг возникло множество кружащихся детей. Вот уж для кого эта религия представила раздолье.

Пока шли молитвенные танцы, сидящий рядом Боб рассказывал критическую версию истории этого движения. Как оказалось, Американский Союз Мессианских Евреев представлял лишь один из трех больших сегментов иудео-христианского движения в США. Другой сегмент составляет Объединение мессианско-еврейских конгрегаций, возникшее в 1979 году. Третья группа называется Содружеством Мессианских Конгрегаций. Кроме того существует миссионерская организация "Евреи за Иисуса" без постоянного членства. Разница между этими группами конфессионального свойства. Объединение и Содружество более традиционны в смысле соблюдения иудаизма, за ними не стоит никакого христианского богословия. Каждая конгрегация исповедует Христа как умеет. Кто признает Его Богом воплощенным, кто нет. Так же обстоит дело с исповеданием Троицы. Но к соблюдению синагогального иудаизма добавляется чтение Нового Завета, молитвы к Иисусу (Иешуа), иногда крещение, которое также не носит единообразного характера.

Актив "Евреев за Иисуса" получил баптистское образование и конфессионально примыкает к баптистам. Американский Союз Мессианских Евреев вырос из Еврейско-христианского Союза, основанного в Англии в конце прошлого века в рамках традиционного про-

тестантизма. Союз прозябал до недавнего времени, пока его не захватила всего несколько лет назад "банда харизматиков", как охарактеризовал их Боб. После этого начался рост. "Сам посмотри, что это такое" — указывал мне консерватор Боб на развивающийся внизу параллельно с танцами пасторат. К проповедникам, стоящим возле эстрады, выстроились очереди. Подходившие о чем-то с ними конфиденциально беседовали, после чего пасторы накладывали им на головы руки и молились. В некоторых случаях на помощь для возложения рук подсоединялась еще пара активистов. Молитва, призывающая Святого Духа, вероятно, действовала, так как некоторые после наложения на них рук входили в такой экстаз, что их отводили в сторонку, укладывали прямо на ковер и накрывали с головой минут на 15 покрывалом, чтобы танцующие их не смущали и в свою очередь не смущались от них.

Программа собрания не ограничивалось харизматическим времепрепровождением. После пары проповедей было сделано несколько докладов: неизбежный отчет казначея и сообщения об успехах движения в других странах. Весьма эмоционально прозвучал рассказ представителя еврейско-христианского альянса из Аргентины. Пастор еврейско-христианской общины, в возрасте 45-50 лет, сын такого же пастора, говорил по английски с сильным еврейским акцентом приблизительно так: "Еще два десятилетия назад наше движение было совсем маленьким. Благодаря кому оно выросло? Оно выросло благодаря евреям, которым была не безразлична судьба других евреев. Они собрались вместе и решили: мы должны помогать своим братьям-евреям, мы должны проповедовать им Иисуса Христа."

Начавшись в 7 вечера собрание продолжалось до полуночи, хотя и после нее какой-то народ еще продолжал петь и молиться.

БОГОСЛОВИЕ

Главное содержание съезда составляли лекции. В качестве лекторов выступали пасторы мессианских синагог, руководители и активисты Союза. Всего за неделю было прочитано около 50 лекций, которые можно разделить на несколько категорий.

Основную составляли лекции по апологии "мессианского иудаизма". Здесь главное место занимало доказательство преемственности веры в Иешуа (еврейское имя Иисуса, означающее "Спаситель"), как в Христа (Мессию), от библейского иудаизма. Почти все докладчики подчеркивали различие между иудаизмом, как он практиковался до разрушения второго храма в Иерусалиме в первом веке, и раввинистическим иудаизмом, сложившимся в еврейском рассеянии и ограничивающимся рамками Талмуда. Говоря о преемственности мессианского иудаизма от библейского иудаизма, докладчики настаивали на свободе первого по отношению к раввинистическому иудаизму, из которого он может отбирать то, что соответствует духу и учению Иисуса, и отвергать то, что не соответствует.

Сюда относились следующие доклады: "Мессия, видимый в праздниках Израиля", "Возражения против мессианского иудаизма", "Проповедь Мессии еврейскому народу", "Послание к Евреям и его значение сегодня", "Бог ли Иешуа?", "Мессианское соблюдение еврейских праздников", "Мессия в раввинистической мысли".

Ко второй категории можно отнести лекции по истории еврейства, раввинистического иудаизма, сионизма и, наконец, самого мессианского движения. Докладчики связывали мессианское движение среди евреев с образованием государства Израиль, в котором они ви-

дели исполнение библейских пророчеств. Таковы, в частности, были доклад писателя Поля Либермана "Пророческое значение Израиля как нации" и доклад Джерома Флейшера, пастора конгрегации "Бней Брит Ха Машиах" (Сыны Христового Завета) во Флориде, "Мессианский иудаизм и Церковь", и два доклада Давида Стерна, автора богословских книг, проживающего в Иерусалиме: "Значение еврейского евангелия для всей Церкви" и "Израиль сегодня". К этой же категории относились доклады: "Израиль в первом веке и мессианский иудаизм", "Обзор раввинистической еврейской истории", "История сионизма", "От мессианского иудаизма к христианству народов и обратно", "Будущее мессианского иудаизма".

В подходе сильно сказывалось протестантское богословие, которое просмотрело тот факт, что настоящим преемником библейского иудаизма была и остается апостольская Церковь.

Наконец, третья категория включала лекции по обычному христианскому вероучению и пасторату: проведению религиозных собраний, пению, молитве, христианской жизни в семье и в обществе. Таковы доклады Стана Эйзенберга, пастора синагоги "Бейт Иешуа" в Техасе, "Сила евангельского освобождения в нашей жизни", пастора синагоги "Бейт Хадашот" в Баффало, "Молитва, приносящая плоды" и Дэбби Финкельштейн "Мессианские женщины и возрождение".

Квинтэссенцию всего этого богословия, вероятно, лучше всего выразил доклад "Проповедь Мессии еврейскому народу". В нем говорилось, что главное в этой проповеди — показать, что Иисус пришел не разрушить иудаизм, а исполнить. Потому изучение иврита, иудейского наследия, соблюдение еврейских праздников, поддержка Израиля и еврейской общины являются необходимыми условиями успешного свидетельства.

Можно ли при всем этом сказать, что мессианский иудаизм совершил синтез иудаизма с христианством, или органически сочетал их? Мне это не показалось. Движение произвело на меня впечатление самостоятельности, попытки создать иудео-христианство без учета всей двухтысячелетней христианской традиции, церковного предания на единой основе протестантского фундаментализма.

Однако Максим Дориани придерживался другого мнения. На мои скептические замечания он сказал следующее: "Я не согласен с тем, что большинство лидеров этого движения — невежды. Некоторые действительно пришли на это служение без специального образования. Их потянуло. Святой Дух помазал их на это служение, которое не следует понимать как работу в большой церкви. Такие конгрегации возникают спонтанно. Вначале собирается шесть, от силы двадцать человек и такая община развивается. Но среди них есть люди с хорошим богословским образованием. Несмотря на то, что ни в одной христианской семинарии нет курса о мессианском еврействе, они сами изучили этот вопрос. Многие из них хорошо знают иудаизм, жили и учились в Израиле."

У меня положительное впечатление от этого съезда. Постарайтесь и Вы правильно передать его атмосферу, когда будете писать о нем. Главное показать, что ощущает каждый приехавший сюда еврей, который, ведь, часто одинок в своей вере. На него смотрят как на чудака или на сумасшедшего. А здесь он видит своих братьев во Христе. Он не один. Здесь все получают взаимную поддержку. Об этой поддержке на съезде очень много говорится. Собранные здесь сознают себя евреями, связанными с исторической и религиозной традицией своего народа, но одновременно все они верят в Иисуса Христа и все возрождены Святым Духом. Они евреи и не должны

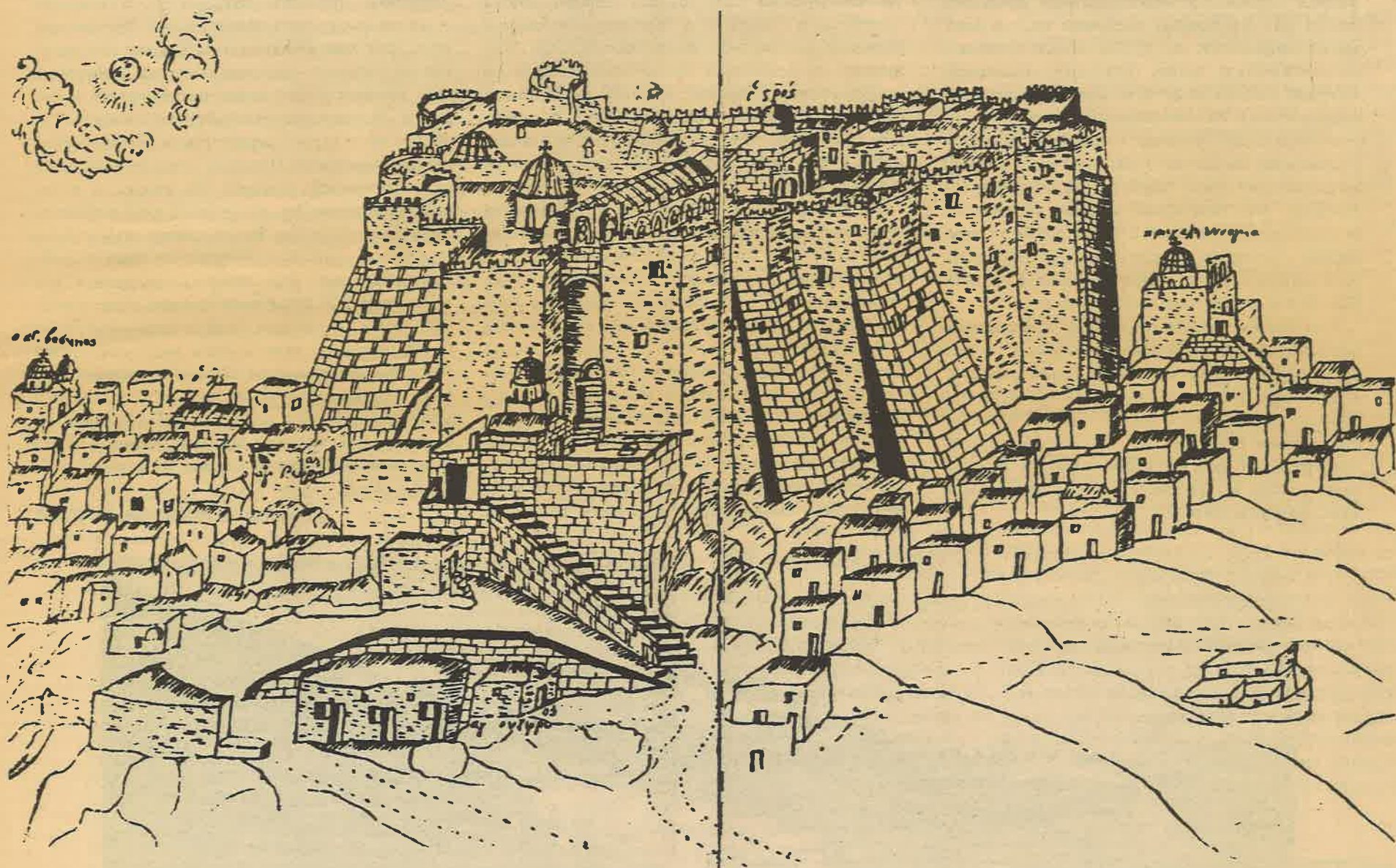
оправдываться ни перед кем. Это надоедает — оправдываться перед людьми. Я знаю, мне это самому надоедает. Они себя чувствуют свободными. Вы видите, люди веселятся, это для них удовольствие. Я и приехал именно с этой целью — увидеть все своими глазами. Я сказал: хорошо я могу об этом читать, но одно

дело читать, а другое видеть и принимать участие."

Нельзя было не согласиться с Максом, что то, что мы с ним видели, еще раз подтверждает слова Спасителя о Духе Святом, Который "дышет, идеже хочет". (Ин.3:8)

ПАТМОС:

МОНАСТЫРЮ СВ. ИОАННА БОГОСЛОВА ДЕВЯТЬСОТ ЛЕТ

Монастырь в гравюры русского путешественника Барского. 1731

МЕЖПРАВОСЛАВНЫЙ ЦЕНТР СВ. ИОАННА БОГОСЛОВА НА ПАТМОСЕ

Неподалеку от берегов Турции в Эгейском море расположен один из греческих островов группы Додеканеса, — так называемых двенадцати островов — Патмос. Этот небольшой остров в 34 квадратных километра с населением в три с небольшим тысячи человек представляет собой одно из важнейших святых мест христианства. Здесь в 97 году нашей эры ссыльный апостол Иоанн Богослов продиктовал последнюю книгу Нового Завета — Откровение, по гречески — Апокалипсис. Предстоятель малоазийских церквей старец Иоанн был сослан сюда во время гонения на Церковь императора Домциана. Сопровождал апостола его ученик Прохор, которого мы видим на иконах, пишущим под диктовку Иоанна в пещере. Эта пещера сохранилась почти неизменной со времен апостола, который уединялся в ней

для молитвы, и где ему, Своему любимому ученику, Господь Иисус соблаговолил дать последнее Откровение о судьбах мира и человечества. Кроме этой пещеры на острове сохранился на берегу моря остаток крещальни, в которой Иоанн крестил местное население.

Для православных с их почитанием св. Иоанна Богослова, Патмос имеет особое значение. Многие считают его третьим святым местом христианства, после Святой Земли и горы Синай. Греки называют Патмос святым островом. На острове пять монастырей и более сотни церквей и часовен. На вершине центральной горы расположена крепость — монастырь св. Иоанна. Монастырь был основан византийским ученым пресвитером Христодулом в 1088 году и хранит особую грамоту от императора Алексея Комнена I,

даровавшего монастырю во владение весь остров. Это один из древнейших православных монастырей и памятников монастырской архитектуры. Его расположение и форма крепости были продиктованы необходимостью защиты от пиратов, которые были грозой Эгейского моря в течение многих веков и особенно любили Патмос за его многочисленные удобные бухты.

В монастыре ценнейшая библиотека, где хранится около девятисот древних рукописей, средневековые Библии, Евангелия, Псалтири с миниатюрами, византийские иконы, драгоценные чаши и облачения — подарки византийских императоров и русских царей. Монастырь и сегодня служит одним из главных монашеских центров Вселенского патриархата. В течение многих лет в нем жил монахом английский епископ Калис-

тос Уэр, автор бестселлера "Православная Церковь". Сейчас, проживая в Оксфорде, епископ продолжает ежегодно проводить в монастыре на Патмосе месяц, а то и больше.

Конечно, главная святыня острова — это пещера Апокалипсиса. Она сохранилась в том же виде, в каком ее нашел евангелист Иоанн, за исключением того, что в нее встроили маленький иконостас, отгораживающий престол для литургии, и к ней пристроили предел в честь святой Анны, матери Богородицы, а также построили вокруг пещеры небольшой монастырь.

Над монастырем Откровения возвышается Патмиадская средняя богословная школа, основанная в 1713 году, которая была известным религиозным и культурным центром, сберегавшим православие и греческий язык в темные века турецкого владычества. Из этой школы вышли многие греческие богословы, иерархи и даже патриархи. Русский путешественник Барский писал в середине восемнадцатого века, что эта школа для греков под турецким игмом имеет культурное значение древних Афин. Сейчас в ней 80 студентов, из них несколько студентов из Заира в Африке, где миссионерствует профессор богословия и духовный наставник школы иеромонах Амфилохий, сам духовный сын блаженного Амфилохия, старца большого монастыря, который основал на острове женский монастырь Благовещения. Наш современник блаженный старец Амфилохий, духовник и наставник нынешнего епископа Калистоса Уэра, скончался в конце шестидесятых годов. Через десять лет после его кончины его тело было найдено нетленным, источавшим благоухание, и его мощи были перенесены в монастырь. Многие монахи и монахини, да и жители острова хранят о старце, с его особым даром любви, благодарную память.

Еще совсем недавно Патмос был пристанищем многочисленных отшельников. Блуждая по острову, видишь белые часовенки с пристройками. В них жили и молились анахореты. Кое-кто продолжает подвизаться и сейчас; однако большинство часовенек пустует. Только местные жители поддерживают их в чистоте и следят, чтобы лампы у икон не угасали, чтобы часовни продолжали дышать молитвой.

Глубоко впечатляет молитва в монастырях. На литургиях в пещере Апокалипсиса поет юношеский хор студентов патмиадской школы. Потрясающе звучит женский хор благовещенского монастыря, где подвизается и русская послушница, сестра Татьяна из Германии. Монахини на редкость радушны, с особой теплотой встречают русских паломников, с охотой предложили нам отслужить вечерню по-славянски, на котором сами с жаром молились.

Основатель Благовещенского монастыря блаженный старец Амфилохий желал возродить значение Патмоса как одного из центров вселенского православия. Однако, несмотря на обилие туристов и паломников, в основном западных исповеданий, на острове почти ничего нет для их духовного окормления. Монастыри живут своей замкнутой жизнью. Греческий язык служит почти непроходимым барьером.

Для того, чтобы помочь острову стать местом православного свидетельства, в конце мая этого года на Патмосе был основан межправославный центр св. Иоанна Богослова. Идея создания такого центра принадлежит Елене Виницкой, регенту русской православной Церкви Христа Спасителя в Аньере под Парижем. Эту идею с большим энтузиазмом поддержал епископ Калистос, согласившийся председательствовать на учредительном собрании. Собрание состоялось в доме, находящемся у вершины горы, у самого подножья монастыря св. Иоанна. Дом был предоставлен для нужд центра одной благотворительницей из Афин.

На учредительном собрании, на котором председательствовал владыка Калистос, и была секретарем Татьяна Варшавская, переводчица ООН и православная деятельница, присутствовал уже упоминавшийся о. Амфилохий, профессор Патмиадской школы, автор этой статьи, представлявший Православную Церковь в Америке, сестра Татьяна из Благовещенского монастыря, представительница православной молодежи западноевропейского экзархата, швейцарка Кристиан Шайо, многолетняя секретарша Вселенского патриархата, англичанка Паула Имам из Лондона, греческий экскурсовод и автор книг о православии Ирина Икономидис, несколько паломниц

и местных жителей Патмоса, заинтересованных работой с туристами, а также молодой иеромонах монастыря, недавно кончивший богословский факультет в Фессалониках. Директором центра была избрана Елена Виницкая, а председателем его согласился стать епископ Калистос, который взял на себя миссию переговоров с настоятелем великого монастыря св. Иоанна, чтобы поставить центр непосредственно под его иерархическое начало.

Основатели центра, говорящие на разных языках и представляющие разные православные церкви, отметили, что его организация накануне двух больших юбилеев в будущем году — местного, 900-летия основания монастыря св. Иоанна, и тысячелетия Русской Церкви, — весьма своевременна и символична. Если все пойдет успешно, центр сможет начать работу летом 1988. В год юбилея он сможет начать принимать паломников, снабжать интересующихся информацией, включающей расписание богослужений в монастырях и церквях острова, снабжать переводами литургии и литературой о православии на английском, французском, немецком и русском языках, устраивать духовные конференции и семинары о житии евангелиста Иоанна и его Откровении, последней книге Священного Писания. Ею завершается Библия — священная история, открывающая происхождение мира и говорящая о его конце. "В начале сотворил Бог небо и землю", — читаем мы в первой строке книги Бытия, первой книги Священного Писания, которое завершается следующими словами: "И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали. И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный, как невеста, украшенная для мужа своего. И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними." Этим видением нового творения заканчивается Библия, и чтением этих слов на английском и греческом закончили епископ Калистос и о. Амфилохий собрание, на котором был основан Межправославный центр св. Иоанна Богослова на острове Патмос.

о. Михаил Аксенов-Меерсон

Вид Патмоса с монастырем и пещерой апокалипсиса

ОСТРОВ СВ. ИОАННА БОГОСЛОВА

СЕСТРА ТАТЬЯНА

Из всех апостолов самым дорогим для православных является апостол Иоанн Богослов, любимый ученик Господа и сам называемый "апостолом любви". С его именем особенно связаны две географические местности — город Ефес в Малой Азии и остров Патмос в Средиземном море.

Если от христианского города Ефеса, который находится в нынешней Турции, остались лишь развалины, то Патмос сохранился в качестве одного из центров православного благочестия, и на нем не трудно идти по следам святого апостола.

Этот каменистый островок находится на полдороге из Афин в Родос, попасть туда можно лишь морем.

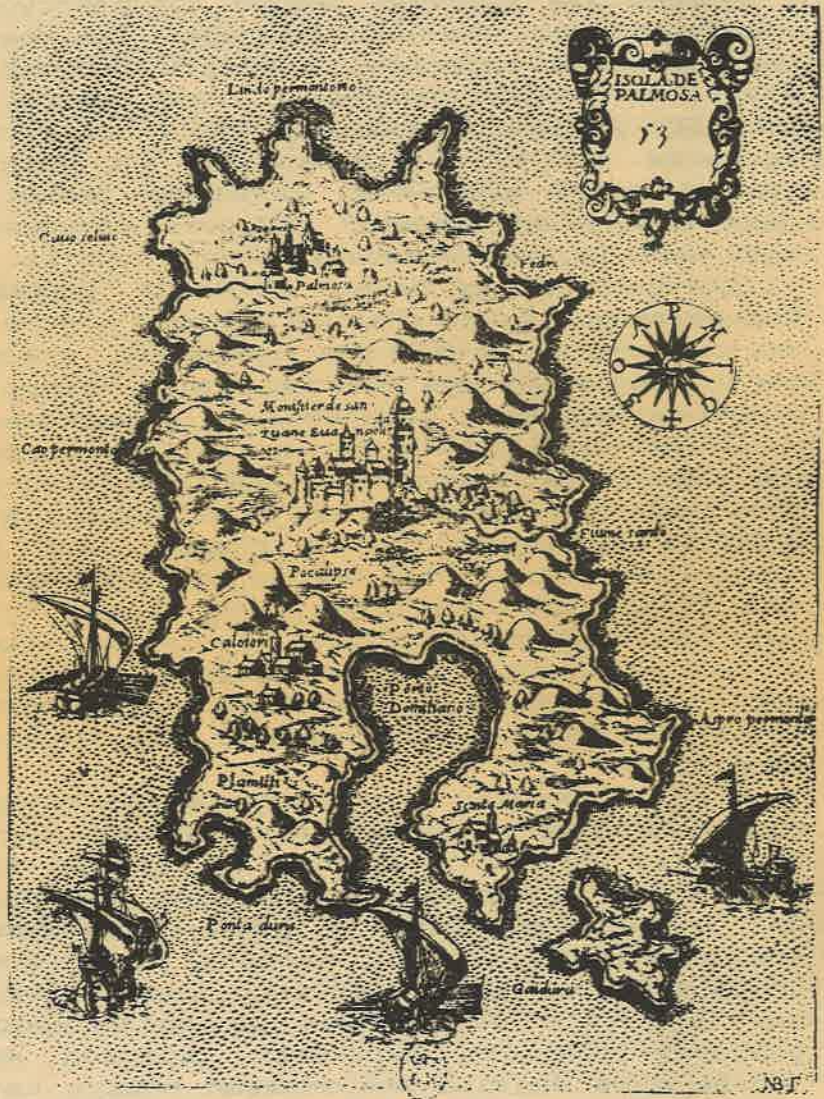
Иоанну пришлось познакомиться с Патмосом поневоле. В веригах доставили его сюда в 95-ом году в гонение на христиан при императоре Домициане. Апостола сопровождал его ученик Прохор, которому Иоанн потом диктовал Откровение. От Прохора до нас дошло повествование об этом путешествии и о пребывании апостола на острове. Тот, кто знает Патмос, не удивится, что 19 веков назад добраться до него было чрезвычайно трудно. Если уж современным громадным пароходам иногда приходится неделями дожидаться у Средиземного моря погоды и Патмос в это время отрезан от остального мира, то нетрудно представить, каково приходилось маленьким парусникам в старину.

Так и во время путешествия Иоанна на море разыгрался такой шторм, что и пассажиры, и моряки потеряли всякую надежду на спасение. Но своими молитвами святой апостол успокоил море и все прибыли на остров ссылки невредимыми.

Местные язычники встретили апостола враждебно. Правда его проповеди помогло то, что в результате чудесного спасения от морских опасностей моряки и пассажиры корабля уверовали в Спасителя и еще на пути приняли крещение.

Свидетельство Иоанно нашло быстрый отклик и среди обитателей острова. Первой обратилась семья префекта Мирона, который по своей должности принял изгнанника в свой дом. После того, как апостол исцелил бесноватого сына префекта и весь дом его уверовал во Христа, к Иоанну потянулось все население. На острове сохранились следы двух мест, где св. Иоанн крестил новообращенных. Спачала он крестил при одной горной речке. Здание этой крещальни сохранилось до наших дней. Позже, когда число обращений возросло, апостол нашел новое место, на берегу моря, возле теперешнего портового городка Скалы. Сохранились остатки фундамента этой баптистерии.

Обращение патмосского населения не обошлось без борьбы с представителями язычества и наместниками темных сил. Жрецы Артемиды и Аполлона ополчились против Иоанна после того, как он выгнал демонов из их капищ. По преданию жрецы обратились к местному колдуну Кинопсу и тот прибег для борьбы с апостолом к помощи злых духов. В начале он как будто одержал верх. После столкновения с Кинопсом, измученный бесами старец Иоанн остался лежать полумертвым на пустом поле. Но сила Всевышнего исцеляет его и апостол на следующий день выходит проповедывать как ни в чем не бывало. Кинопс снова призывает свои магические силы, на глазах у собравшегося народа он будто бы оживляет давно умерших людей. Иоанн убеждает народ, что

Карта Патмоса с гравюры Наталь Бонифацио

это лишь призраки и явления злых духов, властным словом повелевая им исчезнуть. Столкновение кончается победой "Сына Громова" и гибелью Кинопса. Патмосские рыбаки и сегодня любят показывать любопытным посетителям острова каменную фигуру в глубине морских вод порта — окаменелого Кинопса, как утверждает поверье.

Когда Иоанн Богослов в 97-ом году после смерти Домициана был освобожден он оставил на острове живую христианскую общину. Со слезами провожали новообращенные своего духовного отца на корабль, на котором он должен был вернуться в свой город Эфес.

На южной части острова Патмоса, на северо-восточном склоне горы в скалах есть пещера, десяти-двенадцати метров в длину, пяти в ширину. Сюда Иоанн уединялся для молитвы. Здесь и дано ему было Откровение.

По рассказу его ученика Прохора, часто сопровождавшего престарелого апостола, однажды Иоанн провел двадцать дней в своей пещере в непрерывной молитве, когда скала над ним разделилась на три части (эти трещины до сего дня видны) и в середине явился в Своей славе Господь, о чем Иоанн так

свидетельствует в начале своей книги : "Я был в духе в день воскресный и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил : Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний... Я обратился, чтобы увидеть, чей голос, говоривший со мной; и, обратившись, увидел семь золотых светильников, и, посреди семи светильников, подобного Сыну Человеческому... И когда я увидел Его, то пал к ногам Его, как мертвый. И Он положил на меня десницу Свою, и сказал мне: не бойся; Я есмь Первый и Последний и живой; и был мертв, и се, жив во веки веков, аминь. И имею ключи ада и смерти. Итак напиши, что ты видел, и что есть, и что будет после сего." (Отк.1:10-19)

Когда кончилось видение, Иоанн исполняя повеление Божее, здесь же в пещере продиктовал Прохору все, что Господь соблаговолил открыть Своему любимому ученику.

Потому для христиан пещера Апокалипсиса - святое место, подобное Голгофе. Там трещина в скале оповещает о смерти Господа, здесь, на Патмосе трещиной в скале знаменуется Его явление и свидетельство о Его воскресении. Потому не удивительно, что посетители пещеры испытывают священный трепет. Даже неверующие ощущают святость острова, хотя им и не понятны истоки этого чувства.

Для верующих же Патмос является "Вторым Иерусалимом". После отъезда святого апостола с острова патмосские христиане стали часто собираться для молитвы в этой пещере, и она естественно превратилась в церковь.

Почти через тысячу лет византийский монах Христодул (греческое имя Христодулос означает "раб Христа") построил перед северным отверстием святой пещеры храм в честь Святой Анны, так как он особенно чтит мать Пресвятой Богородицы. (Это же имя носила как мать преподобного Христодула, так и мать императора Алексея Комнена I, который по заступлению матери отдал весь остров преподобному для организации на нем монашеской жизни.

К тому времени остров совершенно опустел. Возникнув с проповедью св. Иоанна христианская община процветала на Патмосе до 6-го века. Затем начались тяжелые времена для Эгейских островов. В связи с морскими конфликтами Византии с арабами почти все острова в этой части Эгейского моря опустели. Пользуясь безначалием до неслыханных размеров возросло пиратство, которое на многие века сделало невозможным всякую цивилизованную жизнь на этих островах. Пустеет на несколько веков и Патмос. В 11-ом веке на остров прибыл преподобный Христодул, с которого началась на Патмосе монашеская жизнь.

Христодул был одним из главных представителей ученого монашества своего времени. Сын скромных крестьян из провинции Вифинии в Малой Азии, он достиг немалого влияния при

константинопольском патриархе и императорском дворе. Однако при этом главным для него оставалась монашеская духовная жизнь. Хорошо зная Константинополь, Рим и Иерусалим, Христодул предпочитал затворническую жизнь в пустыне. Так он подвизался среди отшельников Мизийского Олимпа, в Палестинской пустыне, на горе Латрос около Милета (где его назначили иегуменом), на горе Стробиле в Карию, на островах Косе, Патмосе и Эввии.

Главным подвигом его жизни было основание и строительство монастыря св. Иоанна Богослова на Патмосе. Побывав на острове и познакомившись с его историей, Христодул задумал возродить на нем христианскую общину. Он обратился к императору Алексею Первому Комнину, который по просьбе своей матери подарил весь остров преподобному. Монастырь, основанный Христодулом, хранит три грамоты от императора. В золотой грамоте - одной из ценнейших реликвий монастырского музея - утверждается право монастыря на владение Патмосом. В другой грамоте император дарует монастырю право на владение собственным кораблем без налогов. В третьей сам монастырь освобождается от даней и налогов в государственную казну. Все три грамоты датированы 1088 годом.

В короткое время вокруг Христодула на Патмосе собрались монахи и спешно начали постройку монастыря в форме неприступной крепости на верху самой высокой горы острова. Спешка была вызвана постоянными набегами арабских и турецких пиратов. Хотя монолитная монастырская крепость служила надежным убежищем как монахам, так и светскому населению острова, монахи, собравшиеся вокруг Христодула, смалодуествовали и бежали, оставив своего "авву" одного. В последний год своей жизни Христодул и сам был вынужден оставить остров. Он скончался среди братии монастыря на острове Эввия 16-го марта 1093 года, завещав своим духовным детям продолжить монашеский подвиг на Патмосе.

Возвратившись на святой остров, братия перенесла в монастырь и мощи преподобного. Из них истекло много чудес. Перенесение мощей преп. Христодула, празднуется 21-го октября.

С XIV века снова начинаются для острова трудные времена. Ослабление Византийской империи, а затем ее распад под ударами турок оставляет монастырь св. Иоанна беззащитным. Однако обитатели удалось уцелеть и продолжать свое служение под турецким игом, что сделало его одним из главных духовных центров греческого православия.

Немалую помощь монастырю в эти века оказывала Россия, поддерживая его торговлей с островом и щедрыми пожертвованиями.

Основным изменением, которое произошло во внутренней жизни монастыря, был отказ от общежитного устава и переход на обособленный (при котором каждый монах имеет свою "квартиру" в монастыре, делает сам свои работы и сохраняет право на имущество).

Отрицательные последствия этого сказались в нашем веке: все обособленные монастыри не привлекают молодежь и обречены на вымирание. Так к началу 80-х в монастыре св. Иоанна оставалось лишь 15 монахов, из них только двое были моложе сорока лет. Нынешний настоятель, архимандрит Исидор, избранный братией в 1986 году, начал возвращение к прежнему, общежитному, уставу. Положительные результаты сразу дали себя знать: в общину поступили пять молодых монахов и пять послушников в возрасте от 16-ти до 20 лет. Таким образом есть надежда на будущее монастыря.

Пещера Апокалипсиса с гравюры 1782 г.

Продолжение следует

СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЕ ОКТЯБРЯ

РЕЛИГИЯ В СССР ПРИ ГОРБАЧЕВЕ

Эта фотография, иллюстрирующая статью о положении верующих при нынешней "перестройке", опубликованную в одном из ведущих европейских католических журналов, "L'actualite religieuse", очень хорошо передает смысл происходящего: после десятилетий полуподземного существования, на поверхности снова появляется Церковь. Всем своим несовершенным видом эта процессия духовенства свидетельствует о некоей исторической реальности — православии, — в внезапное появление которой на советской сцене зрители смотрят заинтригованным взглядом.

Привычное, враждебно-хамское отношение к религии и к грядущему юбилею тысячелетия крещения Руси, которое еще столь сильно ощущалось полтора года назад, за последнее время стало меняться.

Церковные иерархи, тщательно скрываемые от взоров собственного населения и показываемые лишь за границей, получили возможность, пусть пока весьма ограниченную, обращаться и к своему народу. Время от времени "Московские новости" публикуют интервью с ведущими представителями православного епископата; ежемесячный бюллетень АПН "Религия в Советском Союзе" пытается предоставить информацию о религиозной жизни. В центре Москвы можно слышать колокольный звон Даниловского монастыря, недавно возвращенного Церкви правительством. Религиозным общинам обещают предоставить право юридического лица, могущего владеть собственностью. Это право, было, по существу, отобрано советским декретом 1918 года об отделении церкви от государства, а бесправие Церкви в дальнейшем было закреплено религиозным законодательством

1929 года. Все чаще встречаются заявления об открытии новых церквей и молитвенных домов, закрытых в ходе антирелигиозной кампании хрущевского времени. Наконец, отменяется антиконституционная практика требования предъявления паспортов для крещений и венчаний в церквях.

За последний год вышли на свободу такие религиозные активисты как о. Глеб Якунин, Александр Огородников, Сергей Ходорович, Иосип Тереля и др. Несколько улучшилось положение и баптистов-инициативников. Прошлым летом 13 человек из них были освобождены досрочно.

Однако двери тюрем открываются далеко не для всех. Ни на день не уменьшен срок дьякону Владимиру Русаку, осужденному на семь лет лагерей с последующими пятью годами ссылки за самиздатскую публикацию книги "Свидетельство обвинения", материалов по истории гонений на православную Церковь в советский период.

Нынешняя амнистия не распространилась пока на узников, заключенных в психиатрические тюрьмы и больницы, которые продолжают быть мощным карательным орудием режима против инакомыслящих, в том числе и верующих.

В западной прессе подчеркивается, что уступки режима РПЦ в это предъюбилейное время далеко не бескорыстны. Тысячелетие крещения Руси ставит снова в центр внимания западного христианского общественного мнения как религиозную ситуацию в СССР, так и саму православную Церковь. И политический капитал, который приобретает правительство Горбачева с его "перестройкой" и "гласнос-

Всемирная религиозная конференция
"В защиту священного дара жизни" в Москве в 1982 г.

тью" от смягчения антирелигиозной политики, непропорционально превосходит размер государственных подачек. Впрочем и за них приходится расплачиваться. Даниловский монастырь был передан Московской патриархии в 1983 году явно в качестве платы за всемирную конференцию религиозных деятелей "за сохранение священного дара жизни от ядерной войны", которую Патриархия созвала в Москве в 1982 году. То, что эта конференция более отвечала внешнеполитическим интересам советского правительства, чем нуждам церквей в СССР, ясно без особых комментариев.

Более менее свободный тон интервью, даваемый ведущими иерархами РПЦ газете "Московские новости", имеющей гораздо большее хождение за рубежом, чем на родине, приносит советскому режиму при Горбачеве не меньшую выгоду, чем церковные конференции за ядерное разоружение при Брежнев. При этом молчание РПЦ по поводу советской оккупации Афганистана остается и во время "перестройки и гласности" таким же гробовым, каким оно было и до них.

Однако тон иерархии меняется. Так в интервью митрополита Ленинградского Алексия, председателя Конференции европейских церквей, слышатся небывалые ранее ноты требовательности. Один из тех иерархов РПЦ, которых столь часто и справедливо винили в угодливости по отношению к режиму, прямо заявляет о необходимости предоставить верующим равные права со всем советским народом и перестать относиться к ним как к людям "второго сорта". Он говорит о необходимости пересмотра нынешнего религиозного законодательства, не претерпевшего значительных изменений с 29-го года, призывает к частному и диалогу между атеистами и верующими, основанному на объективной информации о религии. Он утверждает актуальность Церкви в жизни социалистического общества, и подчеркивает, что в современном мире религия остается одной из значительнейших духовных и моральных сил. Под следующими заключительными словами митрополита Алексия может подписаться любой христианин, равно как и любой епископ, преемник апостолов: "Я думаю, что Церкви есть что сказать современному человеку. Христианская традиция ориентирована на человеческую личность в ее уникальной неповторимости и моральной ответственности. Экспансии массовой культуры Церковь может противопоставить богатейшее духовное наследие многих веков; потребительскому отношению — призыв к самоотдаче человека на благо ближних; культу насилия, жестокости и войны — проповедь взаимной любви и мира во всем мире."

Пожелания одного из ведущих иерархов РПЦ перекликаются с открытыми обращениями о. Глеба Якунина, в которых прямо говорится,

чего ожидают советские верующие от перестройки.

Этот небывалый в устах официальной церковной верхушки тон нельзя объяснить одной лишь "гласностью". Другая статья, напечатанная в бюллетене "Религия в СССР", — "О современном состоянии РПЦ" иеромонаха Иннокентия, говорит о сознании Церковью того факта, что и после 70-ти лет атеистического режима за ней стоит народ.

Статистика, которую приводит Иннокентий, говорит сама за себя. За последние 15 лет в Церковь пришли люди новых поколений, воспитанные при атеизме и самостоятельно нашедшие путь к Богу.

Эту живучесть религии признает и атеистическая пресса. В восьмом номере "Науки и религии" за прошлый год в небольшом интервью под названием "Исследования показали" некоего Зеленкова из исследовательского центра ЦК ВЛКСМ приводятся интересные цифры. 65 % опрошенных молодых людей, которые отнесли себя к группе верующих, оказались членами комсомола. Около 42-х % молодежи посещают церкви и молитвенные дома. А предметы культа хранятся в семьях 72-х % рабочей, 62-х % сельской молодежи, в 75-ти % семей сельской интеллигенции и в 95-ти % семей сотрудников НИИ.

Вывод напрашивается сам собой, хотя нигде и не назван: небывалый в истории атеистического разгром религии не удался.

Значит ли это, что советский режим заканчивает свою семидесятилетнюю борьбу с религией? Пока на это не похоже.

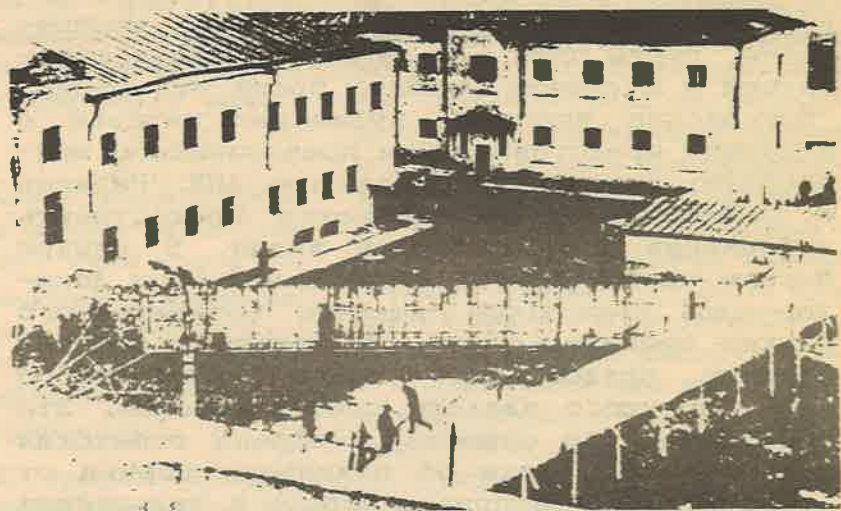
Так недавно советские телезрители в передаче "Думаем, спорим, пробуем" могли наблюдать небезынтересную дискуссию, проходившую во время второго всесоюзного фестиваля народного творчества и посвященную созданию новых "безалкогольных обрядов".

Правда определение "Безалкогольные" мало выражает сущность этого явления, равно как и непонятным остается, что же авторы этого названия понимают под "алкогольными" обрядами.

Дискуссия продемонстрировала, что советское государство и при Горбачеве продолжает линию, начатую около тридцати лет назад, — по созданию гражданских обрядов, которые призваны заменить собою религиозные обряды и связанные с ними народные празднества.

Само по себе создание гражданских обрядов явление беспрецедентное, если не считать недолговечного культа разума, который праздновался в первые годы французской революции. Что оно означает?

Первая обратила на него внимание Наталья Садомская, специалистка по этнографии СССР. В 81-ом году она напечатала статью "Новая обрядность и интеграция в СССР" в журнале "Внутренние противоречия", издаваемом в США Валерием Чалидзе. С того времени Садомская написала еще ряд статей, в которых подвергла это явление более детальному анализу.

Психиатрическая больница тюремного типа в Орле.

А как со служением милосердия в Русской Церкви?

Мать Тереза с митрополитом Филаретом
в ходе своей поездки в СССР

По ее словам, вопрос о внедрении новой безрелигиозной обрядности стал обсуждаться в советской прессе в конце 50-х годов. Тогда упор делался на то, что религия, якобы, изжила себя как вера, как мирозерцание, но сохранилась в виде инерции обрядовых форм". Считалось, что именно соблюдение обрядов способствует сохранению религии.

Идея "новой обрядности", создания особых социалистических семейных и календарных праздников, в противовес церковным, возникла еще в первые годы революции, в самом начале борьбы с религией. Первым высказал эту идею Лев Троцкий. Но, как отмечает Садомская, эта идея, как и многие революционные начинания того времени исчезла в тридцатые годы вместе с исчезновением породивших ее мечтателей.

Однако она возродилась в новом обличье в конце 50-х годов в самый разгар антирелигиозной кампании при Хрущеве. В начале 60-х годов было изобретено более пятидесяти новых праздников и торжественных церемоний, таких, например, как "Имянаречение", "Совершеннолетие", "Комсомольская свадьба", "Торжественные похороны", "Проводы зимы", "Встреча весны" и т. д.

Конечно, сразу бросается в глаза их антирелигиозная направленность. Цель "гражданских обрядов" — вытеснить религиозные: звезды и имянаречение — крещение, комсомольская свадьба — венчание, торжественные похороны — отпевание; праздник русской зимы — Рождество и Богоявление, а праздник Весны — Пасху.

Однако объяснять эти обряды одной антирелигиозной политикой недостаточно. Садомская приводит многочисленные примеры, когда советский праздник вытесняет старинное народное празднование, безобидное в религиозном отношении, восходящее к языческому прошлому. Такова, например, борьба властей с празднованием литовского народного праздника "Лиго" или "Медвежьего праздника" у хантов.

Рассматривая разные стороны этой кампании по внедрению советских обрядов и праздников, Садомская приходит к выводу, что если отрицательный пафос кампании — атеизм, то положительная ее программа — это единство. Причем в последнее время собственно антирелигиозная острота этого обрядотворчества притупилась, но само оно продолжается, как показал телерепортаж со второго всесоюзного фестиваля народного творчества, проходившего в связи с семидесятилетием Октября. Над созданием новых обрядов, как говорят участники этого предприятия, работают тысячи людей. Их вполне искренно занимает

вопрос, достаточно ли для такого творчества указаний министерства культуры и собственной фантазии, или необходимо учитывать еще какие-то факторы, либо, как говорил некто из выступавших, надо "создавать общие законы для их выработки".

Среди создателей обрядов шел спор, надо ли создавать единый общесоюзный ритуал на месте спонтанного творчества местных дворцов культуры, или обряды разных регионов "нуждаются в различных сценариях", другими словами, должен ли обряд имянаречения быть одинаковым в западных районах страны, где население веками совершало над младенцами крещение, и в восточных, где практикуется обрезание.

Что же можно сказать о содержании этих самодельных обрядов? Как отмечает Наталья Садомская, тот, кто хотел бы видеть в них какой-либо национализм, поразился бы профанацией фольклорных преданий. Обрывки старой обрядности, включенные в новые праздники, используются вне их функциональной сущности, вне их мифологической основы. Даже в таких праздниках как "Русская зима" или "Встреча весны" и речи нет о языческом возвращении к природе. За ними стоит не вера в ее одухотворенность и магическую силу, а рационалистические попытки создания новых идеологических праздников с использованием фольклорных образов. Символические элементы, которые в них вводятся, либо представляют собою фольклорные реминисценции, но взятые не из живой традиции, а из литературных переработок, либо заимствованы из современной практики партийно-государственных церемоний. Смысл всего этого обрядотворчества лежит не в атеизме и не в русификации, а в тотальной советизации. Садомская ссылается на слова Бердяева, писавшего еще в 33-ем году: "коммунизм есть крайний этатизм, в нем государство тоталитарно, абсолютно."

Реальное содержание гражданской обрядности заключается в служении государству как таковому. Деидеологизация государства переносит акцент с того, что люди думают, на то, как они себя ведут. Отсюда неизбежный интерес к церемониальной стороне жизни и попытке интегрировать общество через обряд. Так объясняет внедрение гражданской обрядности ее исследовательница.

Как бы это ни было, обряд религиозно не нейтрален, он призван служить общественным выражением молитвы, поклонения. И то, кому или чему приглашаются поклоняться советские люди, совсем не безразлично Церкви. Осознав неизбежность в человеке религиозного чувства, советское государство обоготворило самого себя и требует себе поклонения.

Крещение князя Владимира в Киеве. Миниатюра 15-го века.

Было бы естественно ожидать от православной Церкви осуждения той профанации религиозного чувства, которую представляет собой гражданская обрядность, однако и иерархия и богословы пока обходили это явление полным молчанием.

До сих пор и сама "гласность" не поспособствовала прорвать это молчание Церкви по ключевому вопросу — узурпации государством собственно религиозных функций.

Напрашивается вывод, что при допущении неких элементов идейного плюрализма, которое может быть объяснено и конъюнктурными соображениями, общее отношение режима к религии не изменилось. Режим продолжает терпеть религию как обряд, но боится ее живого слова.

Не следует ли и это расширение терпимости властей к религии, особенно к православию, которое проявляется в последнее время, объяснить не столько отказом от атеизма, сколько решимостью включить и религиозную обрядность неким небольшим составным сектором в общий обрядовый ассортимент советс-

кой империи.

Коммунистический режим уже много раз показывал свою способность заглатывать и переваривать чужое наследство, выдавая его за свое собственное как ни в чем не бывало. В этом смысле нынешнее советское руководство не уступает предыдущим. Ведь сказал же Горбачев в своем американском интервью, что в Советском Союзе более ста народностей и у всех у них за плечами стоит Крещение Руси.

Однако это Крещение есть реальность. Тот факт, что советские руководители пытаются заприходовать и ее, свидетельствует о том, что Русская Церковь жива и набирает новые силы. В этом году она отметит свое тысячелетие. Она пережила многое за эту тысячу лет. Переживет она и советский режим, который подошел к своему семидесятилетнему рубежу, полностью идеологически выдохнувшись.

Церкви же дано "присно обновляться" или употребляя излюбленный образ святых отцов, возрождаться из пепла подобно легендарной птице феникс.

Колокольный звон (Из журнала "L'actualite religieuse dans le monde")

ПРОФ. ДЖЕЙМС БИЛЛИНГТОН О РЕВОЛЮЦИИ И РЕВОЛЮЦИОНЕРАХ (ИНТЕРВЬЮ БОРИСА ШРАГИНА)

Джеймс Биллингтон — специалист по истории России. Широкую известность он получил после публикации своей книги "Икона и топор", которая имеет подзаголовок "Концептуальная история русской культуры". Еще до публикации этого труда он изучал историю русского народничества. Его докторская диссертация была посвящена изучению Николая Михайловского и его роли в русской революционной традиции. С тех пор американского историка заинтересовали революционные теории, их духовные истоки и их действительный смысл. Главный вопрос для него заключался в том, почему интеллигенция, — русская интеллигенция в первую очередь, но не только русская, — приходила к убеждению, что будто бы только государственный переворот, совершенный путем насилия, может принести с собою справедливый социальный порядок. Джеймса Биллингтона как историка интересуют не только факты и цель его исследований — не просто нахождение новых исторических данных. Он в известной мере и социальный философ. Его интересуют те социальные и психологические механизмы, в результате действия которых в головах людей складывается определенный строй мыслей, воздействующий затем на их исто-

рическое поведение.

Плодом его размышлений и исследований в этой области была книга "Пламя в умах". В ней история русской революции и русских революционеров поставлена в более широкий контекст общей европейской истории. Здесь речь идет не только о России или о Советском Союзе — вплоть до сегодняшнего дня, но и о Франции, Италии, Англии, Соединенных Штатах, — начиная с восемнадцатого или даже семнадцатого столетия.

Ниже мы публикуем интервью, взятое у Биллингтона Борисом Шрагиным в связи с этой книгой.

Б. ШРАГИН: Вы — историк русской культуры. Мне бы хотелось знать, почему после того, как вы завершили свою книгу "Икона и топор", вы захотели написать о революции и революционерах, — причем, не только о русских, а в более широкой, — я бы сказал, — всемирно-исторической перспективе? Какая логика развития вашей мысли привела вас к такому выбору?

Д. БИЛЛИНГТОН: Я — прежде всего, историк идей и культуры. А идея революции представляется мне отчасти, — в результате моих занятий

историей русской культуры, но также и в результате моего собственного опыта, когда я был профессором американских университетов во время студенческих волнений в университетах в 60-е годы, — одной из самых мощных идей современного мира. Люди — и, прежде всего, интеллектуалы — по каким-то причинам сильно склонны думать, что насильственное свержение существующей власти само собою должно вести к совершенно новой форме общества в политическом смысле. Это, действительно, — мощнейшая идея современного мира, действительно, — одна из движущих интеллектуальных сил современного мира. Но ее редко анализировали как таковую. Обычно революцию рассматривают как своего рода метафизический социальный процесс или как результат сложного взаимодействия различных социальных сил. Но, по моему мнению, она вытекает из специфических идеологических сил, из особых условий культуры и жизни интеллектуалов в новое время. От адвокатов, которые возглавляли французскую революцию, через немецких журналистов девятнадцатого века, — таких, как Маркс, и вплоть до Ленина, который в первом издании советской энциклопедии назван профессиональным журналистом, —

все это интеллектуалы, переустроители мира. Революция для всех них — это своего рода религия, — действительно религия. Об этом очень мало писали. И я решил, что об этом стоит написать книгу.

ШРАГИН: А почему вы назвали свое исследование о революции и революционерах — "Огонь в умах"? Не кажется ли вам, что такое название скорее наводит на мысль о романе, чем о научном труде?

БИЛЛИНГТОН: Это цитата из "Бесов" Достоевского. И она представляется мне удачным выражением того, что собою представляет на самом деле эта революционная вера. В "Бесах" во время литературного вечера вдруг начинается пожар, который, как совершенно очевидно, символизирует у Достоевского студенческие волнения в Москве в начале 60-х годов девятнадцатого века, а также пожары в Петербурге того же времени. Тогда ходили слухи, — а Достоевский в это верил, — что петербургские пожары были результатом поджогов, совершенных революционно настроенным студенчеством. Казалось бы, пожар — это чисто физическое явление. Но один персонаж этой сцены из "Бесов" говорит, что огонь — не на крышах домов, он — в умах людей. "Огонь", "пламя" — это излюбленный символ революционеров. Вспомните хотя бы ленинский лозунг: "Из искры возгорится пламя". Я выбрал это название, — "Огонь в умах", — поскольку считал, что революции зарождаются в умах интеллигентов, а не в среде голодных крестьян или рабочих. Конечно, революции совершаются во имя и от имени материальных потребностей крестьян и рабочих, но роль вождей и зачинателей принадлежит не им. Это — не столько явления социально-политической истории, сколько явления духовные, уходящие своими корнями в историю культуры, в историю идей. Вот моей целью и было проследить, как и почему возгорается этот "огонь в умах", это пламя революций в разное время и в разных культурах. И, разумеется, Россия с ее бурной революционной историей конца девятнадцатого и начала двадцатого века дает для этого важный материал.

ШРАГИН: А как бы вы более конкретно определили, в чем, собственно, заключается эта своеобразная вера — вера в революцию или революция как вера?

БИЛЛИНГТОН: Революция как вера... Она должна быть охарактеризована как вера, ибо что такое вера при самом первом и поверхностном взгляде? Любая вера покоится на каком-нибудь неправдоподобном допущении, для которого не существует должных доказательств, в котором содержится очень мало внутренней и доказуемой вероятности. Революция должна быть определена как вера, поскольку все революционеры считают, что насильственное свержение существующей власти необходимо, чтобы навсегда покончить с любым насилием. Но совершенно очевидно, что если вы будете действовать путем насилия против насилия, то получите лишь новое насилие, что, свергнув одну власть, вы получите другую власть. Вера революционеров настолько не поддается логическому обоснованию, что на первый взгляд выглядит совершенно неубедительной. И, тем не менее, она отличается огромной притягательной силой. Я показал в своем исследовании, что само слово "революция" никогда не употреблялось в современном смысле вплоть до того момента, когда его произнес Мирабо на одной из ранних стадий французской революции. До этого слову "революция" придавался коперниковский смысл. Оно обозначало полный оборот вокруг оси, р е - э в о л ю ц и ю, то есть обращение вспять от существующей в данный момент тирании к более нормальным условиям существования, которые существовали прежде. В этом смысле считали себя революционерами американцы во время войны с Англией за независимость в восемнадцатом веке. Они предполагали некий изначальный "естественный порядок", дарованный нам Провидением в религиозном

смысле, — порядок, который следует восстановить, — а не какую-то радикальную социально-политическую трансформацию, которая принесет с собою новое совершенное общество, никогда прежде невиданное в истории. Вплоть до французской революции с ее ужасным террором люди восставали иногда против того или иного конкретного тирана, против особенно жестокого или несправедливого властителя, а не против старого миропорядка во имя нового. Идея преобразования мира чисто человеческими, политическими средствами целиком принадлежит новому времени. И мне представилось крайне важным проследить происхождение, духовные истоки этой идеи с полным использованием тех средств, которые предоставляются современными методами научного анализа. Революцию надо исследовать как веру особенно потому, что обычно — прежде всего в марксистско-ленинской, но не только марксистско-ленинской литературе — ее представляют как некий строго научно обоснованный вывод.

ШРАГИН: Но ведь марксизм-ленинизм, — если уж вы затронули этот вопрос, — утверждает не просто необходимость свержения существующей власти, чтобы заменить ее более справедливым политическим строем. Марксистско-ленинская теория утверждает, что капиталистическая формация должна быть заменена коммунистической. Иначе говоря, тут речь идет не только о политической, но и о социальной революции.

БИЛЛИНГТОН: Да, это другая область, которая тоже требует строгого изучения источников, точного установления того, как формировалась та или иная идея. В самых авторитетных современных словарях вы найдете указание, что термин "коммунизм" стал широко употребляться в 30-е или 40-е годы девятнадцатого века. Но фактически этот термин вошел в языки даже еще до французской революции. Насколько мне удалось установить, термин "коммунизм" был впервые употреблен французским писателем де ля Бретоном. Это указание можно найти в некоторых советских ученых изданиях, но не в широко читаемых официальных текстах. Если вы спросите: почему?, то ответить нетрудно. Де ля Бретон был не только писателем-фантастом, но сочинял также и многое другое — например, порнографию. И, конечно, гораздо эффективнее связывать коммунистическую идеологию с "Коммунистическим манифестом" Маркса и Энгельса, чем с таким источником. Конечно, прослеживание точного происхождения слов — не единственная задача историка. Конечно, у революций, как и у любых других общественных процессов, имеются также и социально-экономические причины. Но эти революции никогда не привнесли бы в мир столь радикальных изменений, как мы это наблюдаем теперь, без революционеров, без их веры. Задача моей книги "Огонь в умах", если выразить ее коротко, заключается в том, чтобы с точностью восстановить и охарактеризовать происхождение этой веры, — в том числе, и коммунистической.

ШРАГИН: Мне показалось очень интересным то место вашей книги, где вы говорите о том, что у революций, как и у любой веры, есть своя мифология. И вы сравниваете в этой связи два мифа — французской революции о взятии Бастилии и октябрьской революции — о взятии Зимнего дворца. Значит, по вашему мнению, есть какие-то типологические особенности мифологии всех революций, вместе взятых?

БИЛЛИНГТОН: Да. Я думаю, что в революциях есть некие центральные и легко прослеживаемые мифы. В современной революционной традиции я различаю три основных типа. Я возвожу их к главному лозунгу французской революции "Свобода, равенство, братство". Революции во имя свободы совершились прежде всего в неприимчивом протестантском мире Северной Атлантики — сначала в Нидерландах, а затем в Англии и Соединенных Штатах. Французская революция тоже началась во имя свободы, но затем она

отклонилась от этого типа. Революции во имя свободы имеют строго ограниченные цели — политические цели, которые сводятся к свержению тирании и установлению республики. В этих случаях термин "революция" можно скорее употреблять в его старом смысле, на который я уже указывал, — как р е - э в о л ю ц и ю, как возвращение назад к первоначально данным нам свободам, — чем как создание новой утопической цивилизации. Тут и весь лексикон революции совершенно иной. Как отмечал еще Шарль Нодье, у каждой революции есть свои магические слова, "слова-талисманы". Для революций первого типа — это "республика", "конституция" и сама "свобода". Это — магические, объединяющие слова. Другие революции тоже склонны их употреблять, но с другими целями. Это случилось с французской революцией. Она началась против тирана-короля, во имя республики. Но затем появилось другое магическое слово — "братство", которое захлестнуло и фактически разрушило революцию во имя свободы. "Братство" — это модель для национальных революций, которые совершились и совершаются в наше время. "Братство" предполагает некое племенное объединение, объединение по признаку общей крови. Такие революции стремятся к тому, чтобы — как это говорили в России в 40-е годы девятнадцатого века — "опроститься", вернуться к национальным корням. Революции во имя свободы движутся в диаметрально противоположном направлении. Если взять в пример хотя бы американскую революцию, то она ввела Конституцию, которая разделила власть на федеральную и власть штатов, на законодательную, исполнительную и судебную власть. Эта революция двигалась от простоты к сложности. Революции во имя "братства" развиваются как раз в обратном направлении — к радикальному упрощению, от многих государств — к одному государству, от национальной ассамблеи — к комитету двенадцати, директорату пяти, к консулату трех и, наконец, — к одному императору Наполеону. Они движутся от многоплеменной структуры к одному понятию — "гражданин государства". Эволюция власти в таких революциях напоминает постоянно сужающуюся пирамиду, пока она не концентрируется в одной точке. Парадоксальным образом, революции во имя "братства" кончаются разрушением всех традиционных институтов, всех национальных и всяких иных традиций. И то же самое можно сказать о третьем типе революций — о революциях во имя равенства. Магическое слово революций во имя "братства" — это "нация". Кстати сказать, слово это, которое получило такую силу у французов, не было в ходу во время американской войны за независимость. А магическое слово революций во имя "равенства" — это "коммуна", "коллективность", "коммунизм". Здесь подразумевается общество, которое превосходит все национальные барьеры, устанавливает полное социальное равенство всех людей. Это тоже — совершенно новая идея, которая, в свою очередь, ведет к радикальному упрощению. Таким образом, отвечая на ваш вопрос, я должен ответить положительно: да, в революциях применяются определенные магические слова, определенные мифологические символы.

На парижских баррикадах в 1848 году

Считаем уместным в этом разделе (Семидесятилетие Октября) перепечатать с небольшими сокращениями два малоизвестных в России и забытых в эмиграции произведения : статью Г. Федотова "Русская духовная культура и революция", написанную в 30-х годах и брошюру Н. Бердяева "Размышления о русской революции", опубликованную в начале 20-х годов в Германии. Напомним нашему читателю, что 23 марта 1988 года исполнилось сорок лет со дня смерти Николая Александровича Бердяева.

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И РЕВОЛЮЦИЯ

ГЕОРГИЙ ФЕДОТОВ

Революция 1917 года застала русскую монархию в состоянии разложения. Она нанесла последний удар, в сущности, по почти мертвому политическому телу. Но она же безжалостно прервала живую нить цветущей русской культуры. В отличие от политики, насквозь упадочной, культура переживала в России двадцатого века свой блестящий ренессанс. Этот культурный ренессанс, конечно, тоже был связан с политическим нервом русской жизни. Он совершался в предчувствиях первой революции, в нарастании ее волны и в процессе ее изживания и ликвидации. 1905 год составляет водораздел последнего хребта старой русской культуры: начала века.

Двадцатый век в России был во всем отрицанием девятнадцатого века, несмотря на кровную связь с ним. Он произвел свой отбор в отцовском наследстве; нашел свои святыни среди выброшенного на чердак старья и выбросил в мусорную кучу все то, чему молились отцы. Но этот духовный отрыв детей девятностых годов был делом необходимости и, в какой-то мере, правды.

Девятнадцатый век, начавшийся Пушкиным, закатывался бесславно: в скучных и душных сумерках Александра III. Героическая волна народничества спала до "аптек и библиотек" деревенской интеллигенции. Вселенские голоса Толстого и Достоевского находят свой последний отклик в Короленко и Чехове. Самый подлинный талант Чехова не мог помешать его искусству стать выражением и, следовательно, рассадником русского провинциализма. Никогда еще — даже во времена Гоголя — Россия не казалась такой сплошной Чухломой.

Реакция против наследия девятнадцатого века протекает по нескольким, первоначально не связанным и даже противоположным руслам. В то время, как марксизм сводил свои счеты с народничеством, на университетских кафедрах, где воцаряется немецкая наука, ученики Владимира Соловьева ведут успешную борьбу с позитивизмом. Из кантианской философии и заветов славя-

нофильства изготавливается новый русский идеализм, прекраснотушный, но бледный, который не произвел большого впечатления на интеллигенцию, но отчасти вложился в благородное и обреченное дело русского либерализма.

Гораздо острее и действеннее оказалось, как это ни странно, эстетическое движение. Декаденты провозгласили красоту единственным мерилом ценностей. Больше всего на свете они возненавидели мораль, справедливо видя в ней становой хребет девятнадцатого века. Народничеству они противопоставили свой аристократизм утонченников, подняли Пушкина, как знамя, но искали в красоте прежде всего ядов, разлагающих пушкинскую гармонию. Однако были они все-таки прежде всего русские люди и русские поэты, и родословная их шла не только к Пушкину, но и к Достоевскому. Вот почему их красота оказалась скорее путем к мистическому восприятию жизни; декадентство обернулось символизмом, поэты — "богоискателями". Религиозный голод двух столетий, который находил себе некоторое удовлетворение в жертвенном подвиге революционного народничества, ищет теперь утоления на пути псевдо-мистического экстаза.

Когда заложенная марксистами глубокая мина начала давать свои взрывы, революция, нарастая, стала впитывать в себя множество первоначально чуждых ей, эстетических и даже религиозных элементов. Надвигавшаяся катастрофа окрашивалась цветами мистического преображения мира (Белый, Блок, Иванов) или христианского апокалипсиса (Мережковский, Бердяев). 1905 год протекал в напряженной мистической атмосфере. Он принес с собой крушение для всех апокалиптиков и революционеров, но освобождение для скованных сил русской культуры.

"Военное" поражение первой революции убило в широких слоях интеллигенции всякое обаяние революционных идей и идеологий. С другой стороны, лже-конституционализм, развращающий в области политики, принес, несомненно, освобождение духовному творчеству. Все живые силы интеллигенции стихийным потоком ринулись по освобожденному руслу. Никогда еще уровень русской науки не стоял столь высоко, как в десятилетие 1905-1915 годов. Никогда поэзия и художественная проза не достигали такого совершенства словесных форм. С гребня символистской волны начинается спуск к реализму, возвращение на землю, но осложненное искусством эстетического затвора. Художественная культура, долго питавшаяся западными соками, приводит к возвращению на родину, к открытию древнего русского искусства. Мистическая волна вливается в церковь, находя пищу в литургической мистике. Политическая мысль национализируется. Либералов и демократов волнуют проблемы Великой России, развитие ее производительных сил, ее положение в мировой борьбе народов. Развивающаяся техника приводила в движение огромное капиталистическое строительство. Россия, меняясь со дня на день, накапливала богатство, мощь, национальное самосознание.

Однако эта блестящая, во многом подлинно великая полоса русской предвоенной культуры,

несет в себе органический порок, связанный с ее рождением из отрицания девятнадцатого века. Этот порок — равнодушие к вопросам нравственности, до конца непреодоленное. Восстановление в своем значении красоты, истины, даже Бога не повело за собою реставрацию добра. Распад личной и социальной этики продолжался. Русская интеллигенция, которая когда-то, в лице своей великой литературы, снабжала нравственными идеалами скудеющую Европу, теперь опустилась и опустила с собой Россию едва ли не ниже всех народов мира.

Противо-этическое, в среде некогда перенасыщенной социальной этикой, перекидывалось в противосоциальное. Интеллигенция шла на службу буржуазному накоплению, собиралась заботливо вырабатывать в себе инстинкты стяжания и цинизма по отношению к политическим и социальным формам жизни. И, наконец, простой вывод из этих фактов — противосоциальное становилось противонародным. Так как народ лишь в слабой мере был вовлечен в процесс буржуазного перерождения, то пропасть между интеллигенцией и народом неожиданно увеличивалась, несмотря на повышение культурного уровня масс. Интеллигенция становилась на сторону врагов народа именно в то время, когда ее вчерашние демократические и социальные идеалы спускались в низы и становились по-новому почетными. Этого никто не видел в 10-х годах. Блок один глухо кричал о развращающейся бездне. Война чрезвычайно расширила "ножницы" между интеллигенцией и народом. Семнадцатый год сжал лезвие этих ножниц и перерезал жизнь (не только образно) старой русской интеллигенции и ее культуры.

Хозяйство революции всегда расточительно. Революция губит, не считая, мертвый и живой инвентарь, в расчете на будущее, на неиссякаемый творческий поток народной силы. В этом расчете ей случается иной раз обмануться. У нас в России эти общие условия революционно-подсечного (или переложного) хозяйства обострились особой большевистской завистью ко всем, кто обладал духовным превосходством. Умственное поравнение должно сопровождать материальное. Если нельзя сразу поднять уровень масс, можно опустить уровень интеллигенции. Если голова не гнется, ее можно срубить. Ставка на понижение была не только бессознательной: иногда она облекалась в подобие учения, которым жили иные большевистские "просветители" вплоть до вчерашнего дня.

Этим учением объясняется безжалостное истребление интеллигенции. Испугавшийся Ленин слегка приостановил ее вымирание. При Сталине, в годы пятилетки, ее истребление было поставлено систематически, целыми секторами: инженеров, статистиков, ихтиологов, историков... Спихнулись поздно: увидели, что интеллигенция "дефицитный товар"; что восстановить ее — во всяком случае такую — не удастся.

В расчете на народ революция, пожалуй, не

просчиталась. Его тяга к культуре, его духовный голод оказались огромными, — особенно в первые годы революции. Не приходится сомневаться и в его одаренности. Но этого оказалось мало для создания новой интеллигенции, которая могла бы с честью поднять брошенную культурную нить. Чрезмерно быстрое расширение культурной базы всегда опасно: оно несет с собой понижение уровня, разжижение крепости. Нужно время и силы, которые были бы способны переработать новые, приобщающиеся к культуре слои. Иначе образуется прорыв, наступает упадок, попятный ход. Для большевиков тоже встал вопрос о кадрах, встал, к сожалению, слишком поздно. Истребляя интеллигенцию, они лишали рабочую и крестьянскую молодежь единственной возможности вступить в наследство старой культуры. В императорской России сыну рабочего было, бесспорно, трудно попасть в университет. Зато из университета он выходил образованным человеком. Сейчас высшее образование существует для него только по имени. Обрывки технических сведений падают в сознание, лишённое перспектив, как в мусорный ящик. Красота и правда древней народной души загублены без возврата. Новое культурное мировоззрение непосильно и недоступно. Так рождается технически полуобученный дикарь, который, в смысле общего стиля культуры, стоит на низшей ступени развития, чем безграмотный крестьянин, живший остатками духовных ценностей семнадцатого века.

На место общей культуры становится марксизм, который обещает привести в стройную систему разорванный мир знаний. В этом притязании и была его сила, то обаяние, которые он оказывает на младенческое сознание, растерявшееся перед лицом культуры. С марксизмом все становилось ясным. Все вещи занимали свои места и при том иерархия мира соответствовала строю примитивной души, поглощенной процессом непосредственного добывания пищи: вся Россия жила в этих условиях и продолжала жить и сейчас, на восемнадцатом году революции. Классовое злопамятство было другим народным корнем марксизма, определяющим новую гордость победившего класса. Эти психологические присоски марксизма помогли ему привиться на русской почве, столь, казалось бы, чуждой его немецко-западной природе. И за всем тем его новое торжество в России было, конечно, насильственным. Это не столько болезнь роста русской народной души, сколько ее калечение и вывих.

Здесь мы подходим к третьему фактору культурной истории русской революции. После интеллигенции и народа, и раньше их, ибо сильнее их, в л а с т ь является в современной России, самым мощным, культурным, или противокультурным двигателем. О, конечно, она сознает сама себя носителем культуры, просветителем. Она любит, когда ее льстецы сравнивают с Петром Великим в его всеохватывающей борьбе с варварством русской жизни. Забывают одно существенное различие. Петр был только практик, техник, исходивший из определенных, действительных потребностей России. Большевизм — учение, система, лже-религиозный догмат, для которого сама техника есть прежде всего предмет поклонения. Ужас русской революции не в том, что она разрушила, а в том, что она замыслила построить величайший целый мир из полной отвлеченной идеи. Будь эта идея величайшей из созданных человечеством, будь строители гениями, самый замысел, все равно, обречен на провалы. Ни одна идея не может исчерпать вне-разумной глубины жизни. Пытаясь покорить жизнь, она ее убивает. В России идея, положенная в основу строительства, была взята из давно отработанного и выброшенного запаса старых научных гипотез: строители — из отбросов старой полунинтеллигенции, которым эта идея была по плечу. Впервые в истории власть взялась строить не только государство и общество, но и науку, искусство и нравственное сознание. Даже теократическая церковь никогда не ставила перед со-

бой столь огромной задачи. И никогда еще грандиозность цели не сочеталась с большим убожеством средств и исполнителей. Угроза Скалозуба через 100 лет исполнилась буквально: России был дан фельдфебель в Вольтеры: от революции или от Красной армии, это не имеет значения.

Вот почему героический штурм культуры со стороны народных масс разбивается не об одно только отсутствие кадров интеллигенции. Он встречается и с заговором власти, которая старается отравить все колодцы, где бы они могли утолить свою жажду.

В суждениях о современной русской (советской) культуре нужно избегать двух ошибок: как резкого размежевания, так и полного отождествления коммунистического и национального элемента. Одинаково ошибочно было бы сказать: "В СССР нет русской культуры, есть лишь официальная государственная продукция марксизма", — и сказать: "Русская культура пробивает себе дорогу и легко опознается под поверхностным официальным покровом". В действительности, дело обстоит гораздо сложнее. Власть является не только цензором, но и подлинным организатором культуры. Коммунизм не только внешнее насилие, но и внутренний соблазн, которым живет, или, по крайней мере, жила новая русская интеллигенция, поднимавшаяся из недр народа. Определить, сколько внешнего и сколько внутреннего, искреннего или лживого в этом принятии коммунизма советской культурой, нет никакой возможности. Ложь стала в России второй природой, во всяком случае, нормальной "атмосферой" общественной жизни. Люди принохались к отравленному воздуху; многие, вероятно, не представляют даже, как можно дышать кислородом. Большинство работников культуры относится к своим задачам — научным, художественным и социальным — чисто технически. Они получают задания и стремятся выполнить их с максимальной ловкостью и совершенством. О смысле и оправданности самой задачи не задумываются. Для успокоения совести хватаются за первые готовые формулы. Это единственная возможность работать и не впасть в отчаяние. Иначе остается лезть в петлю. Но эта всеобщая принудительная повинность лжи — самое страшное пятно — вернее, язва, лишай — на лице новой советской культуры.

Каково содержание этой новой культуры — или, по крайней мере, ее составные слагаемые?

Пока мы рассматриваем официально-государственную доктрину (которая, однако, мы видели, не остается только официальной), ответ может быть один. Это сплошная реакция, попытка повернуть русскую мысль к давно оставленным позади векам. Прежде всего — марксизм, который в 90-х годах были живым увлечением, подлинным соблазном русской интеллигенции. Но интеллигенция давно пережила эту юношескую болезнь. В своей критике она не оставила от марксизма камня на камне. И теперь Россия вынуждена зубрить свои старые детские учебники, в новом издании, еще более упрощенные, приспособленные для неграмотных. Но за марксизмом — материализмом, за 90-ми годами 60-е. Дерзкое и молодое увлечение Писарева, физиологией лягушки думавшего ниспровергнуть Бога, возрождается с подлинной серьезностью. В 60-е же годы, к Шеллеру-Михайлову тянет и мнимо-реалистический роман с социальным заказом, с безупречным и выдуманном героем, творцом социалистической жизни. Еще дальше, и за 60-ми годами воскрешается восемнадцатый век — век барского вольтеризма, которое, лишённое своего галльского остроумия, спускается в деревенские колхозы и фабзавучи мертвым оскалом безбожного богословия.

К этим, весьма почтенной древности, слагаемым новой культуры прибавляется техника, как религия нового человека. Техническая религия тоже не открытие пролетариата. Это продукт буржуазного века. Технический идеал еще не умер в Европе и особенно в Америке, хотя его явная

недостаточность и неспособность вывести человечество из кризиса делают его скорее темой вчерашнего дня. Для России это наследие капиталистической Америки, вместе с обносками дворянского восемнадцатого века, и составляет самую душу пролетарской культуры.

Можно было бы думать, что существенно новое и подлинно-коммунистическое в советской культуре — ее коллективизм, понимаемый в смысле полного растворения человека в коллективе. Однако этим коллективом в СССР является не свободный союз, не община трудящихся, а государство. Действительно, столь полное огосударствление личности еще никогда не проводилось в истории, но полицейское государство семнадцатого-восемнадцатого веков уже ставило себе этот идеал. В древней Москве, а еще более в древней Азии он проводился еще последовательнее. Несомненно, что легкость его осуществления в революционной России объясняется глубокими пережитками полицейского государства — особенно в массах населения не так давно освобожденных (и далеко не вполне) от крепостного права.

Новая культура многими нитями оказывается связанной с русским девятнадцатым и двадцатым столетиями. Однако не она несет их чаемое сочетание. Кажется даже, что она пытается соединить, что было худшего в наследии двух враждующих веков. От девятнадцатого взят материализм, но выброшено нравственное подвижничество; от двадцатого взят имморализм с изрядной долей эгоизма, но выброшены все религиозные и личные его искания. Новое (в России) — культура героической воли, технически направленной. Но эта воля постоянно встречается с косностью жизни, быта, человеческого материала; еще более с варварскими капризами и безумством власти, которая губит безжалостно юные силы, освобожденные революцией. Оттого-то все чаще разочарование ползет тенью за титаническим творчеством. Стоит спуститься с ходулей, и мы оказываемся в старом царстве неумирающей пошлости. Россия Зошки, Ильфа и Петрова, Катаева и других прямо продолжает гоголевскую и чеховскую Россию. Героика, лишённая глубоких корней (религиозных) оказывается часто условной позой. СССР устает позировать для фотографов всего мира, и тогда оборачивается старым Пошехоньем. Именно Пошехонье остается вечной угрозой советской культуры, ее вероятным исходом. "Переключение" революционной энергии, о которой говорят так много, все еще не совершается. Совершится ли оно, покажет будущее. Но всякое замедление в ликвидации коммунистического опыта организации русской культуры, означает утечку живых сил, нарастание сил косности, делает возвращение Пошехонья все более вероятным.

Богач в аду обращается к Аврааму. Старинная русская гравюра. (Из журнала "L'Altra Europa")

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Революция в России случилась. Это — факт, который должен быть признан. Признание факта не связано с его оценкой. Революция есть явление природы. Нельзя спорить о том, случится ли признавать или не признавать японское землетрясение. Русская революция есть великое несчастье. Всякая революция — несчастье. Счастливых революций никогда не бывало. Но революции посылаются Божиим промыслом и потому народы многому в них научаются. Русская революция — отвратительна. Но ведь всякая революция отвратительна. Хороших, благообразных, прекрасных революций никогда не бывало и быть не может. Всякая революция бывает неудачной. Удачных революций никогда не бывало. Французская революция, признанная „великой“, тоже была отвратительна и неудачна. Она не лучше русской революции, она была не менее кровавой и жестокой, столь же безбожной, столь же разрушительной в отношении ко всем историческим святыням. Русская революция не признана великой, она пока только большая революция, она лишена нравственного ореола. Но найдутся историки, которые ее идеализируют и канонизируют в чин великой, создадут легенду, окружают ореолом, хотя потом явятся другие историки, которые разоблачат эту идеализацию и низвергнут легенду. Несчастные русские люди, жестоко пострадавшие духовно и материально от революции, забыли как будто бы, что такое революция, что такое всякая революция. Читать книги по истории революции приятно, чем переживать революцию. Слишком большое негодование против большевистской революции, слишком исключительное приписывание всякого злодеяния большевикам есть нервно результат идеализации революции, непреодоленной иллюзии, что революция может быть хорошей и благородной. Историческая память очень коротка у людей революционной эпохи. Слишком многие люди эпохи революции хотят по своему направить ее и очень озлоблены, что это не удастся. Но забыли, что революции вообще направить нельзя, как нельзя ее и остановить. Революция есть рок и стихия. И большевики не направляли революции, а были лишь ее послушным орудием. Все почти господствующие оценки революции основаны на том предположении, что ее могло бы и не быть и ее можно было бы не допустить, или, что она могла бы быть разумной и доброй, если бы злодѣи-большевики не помѣшали. Так дѣлается невозможным постижение смысла революции и духовное переживание ее трагического опыта. Нѣтъ ничего болѣе жалкаго, чѣмъ столь распространенные въ русской заграничной средѣ споры о томъ, произошла ли въ Россіи революція или смута, и кто будетъ отвѣчать за революцію. Это — самоутѣшеніе отъ совершеннаго безсилія и немощи. Всякая революція есть смута. Всякая революція есть процесс разложенія стараго общества и культуры. Идеально-нормативныя представленія о революціи совершенно должны быть оставлены. Революція никогда не бываетъ такой, какой должна быть, ибо нѣтъ должной революціи и не можетъ быть революція долженствованіемъ. Революція есть рокъ народовъ и великое несчастье. И несчастье это нужно пережить съ достоинствомъ, какъ съ достоинствомъ нужно пережить тяжелое заболѣваніе или смерть близкаго

существа.

Совершенной потерей исторической перспективы нужно признать ту психологию, в силу которой хотят остановить революцию с точки зрения дореволюционных начал. Это есть нежелание понять, что такое всякая революция, закрытие глаз на ее природу, забвение того, что люди раньше знали о революции. Революция подобна тяжелой инфекционной болѣзни. Разъ зараза проникла въ организмъ, нельзя уже остановить неотвратимаго теченія болѣзни. Въ извѣстный моментъ будетъ 41 температуры, будетъ бредъ. А потомъ температура падетъ до 36 градусоѡв. Природа революціи такова, что она должна дойти до конца, должна изжить свою яростную стихію, чтобы въ концѣ концовъ претерпѣть неудачу и перейти въ свою противоположность, чтобы изъ собственныхъ нѣдръ породить противоядіе. Въ революціи неизбѣжно должны торжествовать крайнія теченія и болѣе умеренныя теченія должны быть извергнуты и уничтожены. Въ революціи всегда погибаютъ тѣ, которые ее начали и которые о ней мечтали. Таковъ законъ революціи и такова, по гениальной мысли Ж. де Местра, воля Провидѣнія, всегда незримо действующая въ революціяхъ. Революціями Богъ караетъ людей и народы. Рационалистическимъ безуміемъ нужно признать всякую надежду, что въ стихіи революціи могутъ господствовать и могутъ ее направлять какія-либо болѣе умеренныя, разумныя партіи, жирондисты или кадеты. Это и есть самая неосуществимая изъ утопій. Въ русской революціи утопистами были кадеты, большевики же были реалистами. Не утопичны ли, не бессмысленны ли были мечты, что Россію вдругъ можно превратить въ правовое демократическое государство, что русскій народъ можно гуманными рѣчьми заставить признать права и свободы челоѡка и гражданина, что можно либеральными мѣрами искоренить инстинкты насилія и управителей и управляемыхъ? Это была бы неправдоподобная революція, отрицаніе всѣхъ историческихъ инстинктовъ и традицій русскаго народа, болѣе радикальное, чѣмъ отрицаніе большевиковъ, которые усвоили себѣ традиціонныя методы управленія и использовали нѣкоторыя исконныя инстинкты народа. Большевики совсѣмъ не были максималистами, они были минималистами, они дѣйствовали въ направленіи наименьшаго сопротивленія, въ полномъ согласіи съ инстинктивными вождѣвленіями солдатъ, истомленныхъ непосильной войной и жаждавшихъ мира, крестьянъ, вождѣлевшихъ земель помѣщиковъ, рабочихъ, настроенныхъ злобно и мстительно. Максималистами были тѣ, которые хотѣли продолженія войны во чтобы-то ни стало, а не тѣ, которые рѣшили ее прикончить послѣ того, какъ война внутренне разложилась. Тѣ, которые потворствуютъ ирраціональной стихіи революціи, дѣйствуютъ въ своемъ родѣ болѣе разсудительно и реалистично, чѣмъ тѣ, которые въ этой ирраціональной стихіи хотятъ осуществить кабинетный рациональный планъ политики. Всѣхъ кабинетныхъ рациональныхъ политиковъ революція низвергаетъ и уничтожаетъ и она по своему права. Въ рациональной кабинетной политикѣ не чувствуется никакой органической почвы, никакой стихіи, никакихъ глубокихъ корней. Въ революціи же есть извращенная и болная народная стихія. Большевиизмъ есть рационалистическое безуміе, манія окончательнаго регули-

рования жизни, опирающаяся на иррациональную народную стихию. Рационализм же либеральных политиков, готовый признать и некоторые права за иррациональным, ни на какую стихию не опирается. Большевизм был извращенным, вывернутым наизнанку осуществлением русской идеи и потому он победил. Помогло то, что у русских очень слабо иерархическое чувство, но очень сильна склонность к авторитарной власти. Ни о каком правовом, конституционном государстве русский народ и слышать не хотел.

* * *

Когда революция случилась в судьбе народа, когда стряслось это несчастье, то есть только один выход из неа. Нужно принять этот факт, как ниспосланный Провидением, принять так, как должно принять все страдания и несчастья жизни, все великие испытания: противиться всеми силами духа соблазнам революции, оставаться верными своим святыням, унести свѣтильники в катакомбы, пережить духовно и религиозно-просвѣтленно это несчастье, достигнув его, как искупление вины, помочь тем жизненным процессам, в которых революция переходит в свою противоположность, к положительному творчеству. Духовно ложно считать, что источник зла во мне, а сам я сосуд добра. На этой почве рождается злобный и ненавистнический фанатизм. Винить во всем евреев, масонов, интеллигенцию есть такое же извращение, как во всем винить буржуазию, дворянство, старую власть. Нет, источник зла и во мне самом и я должен и на себя переложить вину и ответственность. Это было бы верно и в отношении к старому самодержавию, это остается верным и в отношении к большевизму. Лишь молекулярные процессы внутри народной жизни, духовные и материальные, ведут к окончанию революции, к выходу из неа. Гражданские войны во время революции являются роковой неизбежностью и во время войн этих может быть проявлено большой героизм и самопожертвование. Но никакие гражданские войны не могут положить конец революции, не могут быть выходом из трагедии революций. Гражданские войны целиком принадлежат самой иррациональной стихии революции, они пребывают в революционном распаде и увеличивают этот распад. Гражданские войны революционных и контрреволюционных армий есть обычно борьба сил революционных с силами дореволюционными, революцией пораженными. Настоящую же контрреволюцию, полагающую конец революции, могут сделать лишь силы пореволюционные, а не дореволюционные, лишь силы развившиеся внутри самой революции. Контрреволюцию, начинающую новую пореволюционную эпоху, не могут сделать классы и партии, которыми революция нанесла тяжелые удары и которые она вытеснила из первых мест жизни. Кончил революцию во Франции „сын революции“ Наполеон, а не дворяне, не эмигранты, не партии, которые революция вытеснила из жизни в своем стихийном потоке. Революция, как некий органический патологический процесс, вырабатывает в своих недрах силы, которые принесут избавление от ее демонов. Тот, кто находит выход из революции, из ее безвыходной стихии, обычно „ее носил в самом себе“. Она непреодолима извне. Бонапартизм — типичный исход революции. Сила Кромвеля и Наполеона в том, что они являются роковыми людьми, носителями рока революции. И опыт истории и наш собственный духовный опыт научает тому, что революции могут быть преодолены лишь силами пореволюционными, лишь началами отличными от тех, что господствовали до революции, и от тех, что господствуют в самой революции. Все доре-

волюционное есть лишь внутренняя составная часть самой революции, самого революционного распада. Дореволюционное и революционное есть одно и то же, но в разные моменты. Революция есть догнивание старого режима. И нет спасения ни в том, что начало гнить, ни в том, что довершило гниение. Спасение может быть лишь в зарождении новой жизни. Кончить революцию и избавить от ее кровавого кошмара не может ни русское земледельческое дворянство, желающее вернуть себе земли, ни старая русская буржуазия, желающая вернуть себе фабрики и капиталы, ни русская интеллигенция старого типа, желающая вернуть себе былой идейный престиж и осуществить свои старые политические программы. В русской революции в муках кончается Россия господская и Россия интеллигентская и рождается новая невѣдомая Россия. Кончить русскую революцию может лишь русское крестьянство, лишь народившаяся в самой революции новая буржуазия, лишь красная армия, опомнившаяся от своего кровавого бреда, лишь новая интеллигенция, духовно углубившаяся в трагическом опыте революции и стяжавшая себе новые положительные идеи. Хорошо ли это или плохо, но это так. Таков рок, такова судьба. После революции нельзя ждать в России ничего особенно хорошего. Опустошения слишком велики. Деморализация ужасна. Культурный уровень должен понизиться. Но нужно прямо смотреть в глаза судьбе. Нет никаких оснований для розового исторического оптимизма. Христианство ему не научает. Мир идет к трагическому раздвоению и борьбе противоположных духовных начал. Но в путях этих имет великий смысл устранение иллюзий, разоблачение подлинных реальностей. И революции, как и все в истории, служат не тому, чему думают служить, смысл их невѣдом самим деятелям революции. Воля же наша должна быть направлена к осуществлению генерального аэоризма Ж. де Местра: контрреволюция должна быть не обратной революцией, а обратным революцией.

Нельзя жить негативным чувством, чувством ненависти, злобы, мести. Нельзя негативными чувствами спасти Россию. Революция отравила Россию злобой и напоила ее кровью. Что будет с несчастной Россией, если контрреволюция отравит ее новой злобой и напоит ее новой кровью. Это будет продолжением кровавого кошмара революции, а не выходом из него. Партия ненависти и злобы есть одна партия; в ней соединены коммунисты и крайние монархисты. Никакая жизнь не может быть создана отрицательным, в основу ее должно быть положено положительное. Наша любовь всегда должна быть сильнее нашей ненависти. Нужно любить Россию и русский народ больше, чем ненавидеть революцию и большевиков. В основе нашей политики должна лежать стихийная любовь к русской земле, к русской народной душе. Только такую направленность можно признать нормальным духовным устроением. Большевицкая революция была порождена отрицательными чувствами, она была делом злобы. Если против неа направить равные по силе отрицательные чувства, если низвержение ее превратит прежде всего в дело злобы, то продолжится дело разрушения. Между тем как с горестью нужно признать, что отрицательные и злобные чувства слишком часто владят теми, которых революция жестоко обидела и обездолила. Это значит, что они не пережили революцию духовно, что они претерпели ее внешне, телесно. По истине величайшая задача, которая стоит перед Россией, как и перед всем миром, это — задача выхода из кровавого круга революций и реакций, перехода в другое измерение. На негативном пути, определяемом лишь отрицательными реакциями, открывается плохая безконечность революций и реакций. Кровь порождает кровь.

Кровь отравила уже народы. Революция сама по себе носит характер отрицательной реакции, она имеет реакционную природу. И нужно выйти из подвластности отрицательным реакциям. Это — наш духовный долг, долг христиан. Революция случилась, она и была мрачной и кровавой реакцией против дореволюционного зла, зла старой жизни, злой реакцией на злую реакцию. И все силы духа должны быть направлены к положительному добру. Реставрация старой дореволюционной жизни невозможна. Когда читаешь письма последней русской царицы к последнему русскому царю, то всем существом своим чувствуешь, что революция предрешена и неизбежна, что старый режим обречен и возврат невозможен. И это совсем не есть осуждение личности тех, которые оказались мучениками и, как люди, были гораздо лучше нынешних правителей. Реставрация никогда не бывает. Бывают лишь судорожные конвульсивные движения сил, догнивающих в революции, сил претерпевших распад в революции, и затем новые попытки сил, выдвинутых революцией, удержать свое жизненное положение. Безмысленно реставрировать то, что привело к революции. Это есть пребывание в безвыходном магическом кругу. Выход из движения налево и направо может быть найден лишь в движении вглубь и вверх. Идеальная контр-революция должна быть направлена к созданию новой жизни, в которой прошлое и будущее соединяются в вечном, она должна быть направлена и против всякой реакции. Революция уничтожила в России всякую свободу и потому контр-революция в России должна быть освободительным процессом, должна дать свободу, свободу дышать, мыслить, двигаться, сидеть в своей комнате, жить духовной жизнью. Вот парадокс, который нужно сознать до конца.

* *
*

Нельзя внешне относиться к революции, видеть в ней лишь эмпирический факт, никак не связанный с моей духовной жизнью, с моей судьбой. При таком внешнем отношении только и может человека душить бессильная злоба. Революция совершилась не только вне меня и надо мной, как факт несоизмеримый со смыслом моей жизни, т. е. абсолютно бессмысленный, она совершилась также со мной, как внутреннее событие в моей жизни. Большевик в России явился и победил, потому что я таков, каков есть, потому что во мне не было настоящей духовной силы, не было силы веры, двигающей горами. Большевик есть мой грех, моя вина. Это есть испосланное мне испытание. Страдания, которые мне причинил большевик есть искупление моей вины, моего греха, нашей общей вины и нашего общего греха. Все ответственно за всех. Только такое переживание революции может быть названо религиозным, духовно просветленным. Русская революция есть судьба русского народа и моя судьба, расплата и искупление народа и мои. Пусть „правые“ не делают такого невинного, самодовольного и возмущенного выражения лица. Грехи их велики и им надлежит пройти через суровое покаяние. Революцию нужно с достоинством, с духовной силой до конца изжить, как несчастье посланное Богом. Претерпевший до конца спасется. Поверхностно и ложно смотреть на большевик тех, которые видят в нем исключительно внешнее насилие над русским народом шайки разбойников. Так нельзя понимать историческую судьбу народов. Это взгляд или обывателей, пострадавших от революции, или активных борцов, ослепленных в яростной стихии борьбы. Большевики не шайка разбойников, напавших на русский народ в его историческом пути и связавшая

его по рукам, и ногами, и не случайно их победа. Большевик есть явление гораздо более глубокое и более страшное, более злое. Шайка разбойников была бы более невинным явлением. Большевик есть не внешнее, а внутреннее для русского народа явление, его тяжелая духовная болезнь, органический недуг русского народа. Большевик есть лишь отображение внутреннего зла, живущего в нас. Большевик не есть самостоятельная онтологическая реальность, он не имеет бытия в себе. Он есть лишь галлюцинация больного народного духа. Большевик соответствует духовному состоянию русского народа, выражает внешне внутренние духовные распады, отступничество от веры, религиозный кризис, глубокую деморализацию народа. Советская власть — не демократическая власть и не поставлена каким-либо учредительным собранием. Но никакая власть не создавалась формально, ее всегда создает сила. И советская власть оказалась единственной возможной в России властью в момент разложения войны, которой русский народ не имел силы вынести, в момент духовного упадка и экономического разгрома, в момент ослабления нравственных устоев. Эта власть оказалась народной в очень неслучайном для нее смысле. Но признать это важно для понимания революции. Другая власть не могла быть создана в стихии революции при той духовной и исторической обстановке, в которой эта стихия разбушевалась. Народ находился в лживом состоянии и создал лживую власть. Только большевик мог как-нибудь организовать и сдержать раскормленную им демоническую стихию. Истинный принцип авторитета власти был утерян. Жалкая и бессильная роль временного правительства показала, что власть не может быть организована на гуманистических началах, не может быть либеральной и демократической, не может быть и социалистической в умеренном гуманном духе. Принцип же монархической проклинали и разлагали в течение столетия. Он пал. Он существовал потому, что имел санкцию в религиозных верованиях народа. Авторитет власти всегда в верованиях народа. Когда религиозные верования разлагаются, авторитет власти колеблется и падает. Это и случилось в России. Религиозные верования народа изменились. В народ начало проникать полу-просвещение, которое в России всегда принимает форму нигилизма. Только большевики сумели организовать власть в соответствии с изменившимися верованиями народа, в соответствии с кровавой стихией войны. Когда рушатся духовные основы войны, она превращается в кровавую анархию, в войну всех против всех. И тогда оказывается возможной лишь грубая и кровавая диктатура. Рухнули все начала, охранявшие культурный слой в России. Этот культурный слой, эта тонкая культура возможны были лишь благодаря монархии, которая не допускала буйного разлития народной тьмы. Россия была необъятным и темным мужицким царством, с очень слабо развитыми классами, с очень тонким культурным слоем, с царем сдерживавшим это царство и не допускавшим растерзания народом этого культурного слоя. Пусть царская власть часто преследовала и гнала культурный слой, но она в прошлом делала возможным самое его существование, она до известного времени устанавливала качественную иерархию в русской жизни, градации и ступени. С падением царской власти в России наступило „упростительное смешение“, низвержены были все качественные различия, разбита вся социальная структура русского общества, темная солдатско-мужицкая стихия ее затопила. Культурный слой, не имевший корней в крепких социальных классах, был низвергнут в бездну. В таких условиях монархическая власть могла

быть замѣнена только совѣтской властью. Произошло страшное огрубеніе жизни, огрубеніе всего быта, воцарился солдатско-народный стиль. Большевики не столько создали эту грубую жизнь, грубый способ властвованія, сколько отразили и выразили совершившееся огрубеніе народной жизни. Власть, которая пожелала бы быть болѣе культурной, не могла бы существовать, не соответствовала бы состоянію народа. Культурный слой, болѣе утонченный, вѣрный традиціямъ, не могъ болѣе господствовать въ Россіи. Богъ какъ бы передалъ власть большевикамъ въ наказаніе за грѣхи народа. И потому во власти этой есть таинственная, имъ самимъ непонятная сила. Замѣчательно, что въ русской революціи нѣтъ борющихся сторонъ, нѣтъ активныхъ партій. Этимъ она глубоко отличается отъ революціи французской. Когда французскій жирондистъ или монтаньяръ шель на эшафотъ, онъ шель какъ гражданинъ, временно побѣжденный въ борьбѣ. Въ русской революціи нѣтъ чувства гражданства. У насъ идутъ на разстрѣлъ съ инымъ чувствомъ, покоряясь роковой силѣ, безраздѣльно господствующей.

Русская культура была по преимуществу дворянской. Она кончилась. Дворянство низвергнуто. И оно само много сдѣлало для своего паденія, оно выродилось и потеряло сознание своего признанія. Дворянскій стиль культуры, который господствовалъ и въ недворянскихъ слояхъ, въ буржуазіи и интеллигенціи, замѣнился стилемъ солдатско-мужицко-пролетарскимъ. Въ этомъ стилѣ управлять страной можетъ только совѣтская власть, враждебная высшей культурѣ, объявившая войну всѣмъ качествамъ во имя количества грубая и жестокая въ своихъ приемахъ. Въ первые ряды жизни выдвигается новый энергичный слой, прошедшій школу на войнѣ, жадный къ жизни, завистливый и злобный, перенесшій всѣ приемы войны въ управленіе страной, продолжающій войну во имя другихъ цѣлей внутри страны. Стиль совѣтской власти — военный стиль. Это — стиль завоевателей. Но это менѣе всего означаетъ, что завоеватели эти чужды состояніямъ самого народа. Народъ и выдвинулъ ихъ въ моментъ своего паденія и кроваваго разложенія. Большевики осуществили народный идеалъ чернаго передѣла. И они вполне отвѣчаютъ русскому нигилизму. Это очень непопулярная и нелюбимая власть. Но непопулярная и нелюбимая власть можетъ оказаться единственной возможной властью, ее можетъ заслужить народъ. Русский народъ во время падшей войны и разложившейся революціи только и заслужилъ такой власти. И это не значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что русский народъ большевикъ. Катастрофа произошла въ самыхъ первоосновахъ русскаго общества и русской культуры, она произошла въ глубинѣ духа народа. Русский народный слой въ сущности никогда не могъ не только социальнo, но и религіозно принять русскій культурный слой и русское барство. Расколъ между верхнимъ и нижнимъ слоемъ у насъ всегда былъ таковъ, какого не знали народы Запада. Народъ не принялъ войны, потому не принялъ гуманитарно-демократической власти. И въ сужденіяхъ о революціи и о путяхъ спасенія отъ нея нельзя игнорировать духовное состояніе русскаго народа, состояніе его вѣрованій или его невѣрія. Все опредѣляется изнутри, а не извнѣ. Никто не обязанъ поклоняться вѣрованіямъ народа и волѣ народа, если онъ считаетъ эти вѣрованія и эту волю злыми. Я не признаю принципа суверенитета народа. Но безумно было бы игнорировать духовное состояніе народа. Власть не демократична по своей природѣ, но она должна быть народна. Все въ концѣ концовъ опредѣляется религіозными вѣрованіями народа, ими опредѣлялось и существованіе самодержавной монархіи. И если вѣрованія народныя ложны и злы,

то я всѣ силы свои долженъ прежде всего направить на обращеніе моего народа къ истиннымъ и добрымъ вѣрованіямъ. Духу принадлежитъ примать надъ политикой. Это теперь должно быть признано болѣе, чѣмъ когда-либо. Русский вопросъ есть сейчасъ прежде всего духовный вопросъ. Внѣ духовнаго перерожденія Россія не можетъ быть спасена. Неодухотворенная борьба за политическую власть сейчасъ лишь увеличиваетъ ея болѣзнь, лишь усиливаетъ разложеніе. Между тѣмъ какъ тѣ, которые вели активную борьбу противъ революціи и коммунизма, не имѣли великой идеи, которую они могли бы противопоставить идеѣ коммунистической. И въ Западной Европѣ невозможно активно идейное движеніе противъ большевизма, потому что не сознаетъ она правды, во имя которой могла бы подняться въ крестовый походъ.

Мы переживаемъ состояніе схожее съ паденіемъ римской имперіи и античной цивилизаціи III вѣка, когда только христіанство духовно спасло міръ отъ гибели и окончательнаго разложенія. Варварскія начала уже вошли въ дряхлѣющую и падающую культуру. Аристократическія основы культуры потрясены. И необходима новая переработка варварской стихіи, необходимо рожденіе свѣта во тьмѣ. Большевизмъ нельзя ликвидировать хорошей организаціей кавалерійскихъ дивизій. Кавалерійскія дивизіи сами по себѣ могутъ лишь усилить хаосъ и разложеніе. Онѣ поддерживаютъ то недолжное и опасное состояніе, въ которомъ власть создается лишь внѣшней военной силой, лишь солдатчиной. На этомъ пути и погибла римская имперія. Большевизмъ долженъ быть прежде всего преодоленъ изнутри духовно, а затѣмъ уже политически. Долженъ быть найденъ новый духовный принципъ организаціи власти и культуры. Военный принципъ въ наши дни можетъ стать и злымъ принципомъ и необходимо искать выходовъ изъ его исключительнаго господства. Этому научаетъ насъ и нынѣшнее состояніе Европы. Господство солдатчины грозитъ огрубѣніемъ всей культуры и помимо большевиковъ.

Я совсѣмъ не пассивистъ, наоборотъ, но бываютъ времена, когда необходимо возстать противъ того, чтобы историческія судьбы опредѣлялись исключительно военной силой. Россію погубило превращеніе народа въ войско. Войско разрушило государство. И спасти можетъ лишь какой-то высшій принципъ. Буржуазно-капиталистическій милитаризмъ самъ себя разрушилъ, онъ уничтожилъ войну въ старомъ и благородномъ смыслѣ слова. Войны роковымъ образомъ превратились въ революціи. И сейчасъ въ мірѣ все болѣе и болѣе побѣждаетъ типъ революціонныхъ войнъ. Новыя техническія открытія грозятъ истребленіемъ челоуѣчества. Нѣтъ, проблема большевизма не есть внѣшне-механическая проблема, разрѣшимая военной силой, эта — прежде всего внутренне-духовная проблема. Нельзя исключительно военнымъ путемъ освободить Россію и русский народъ отъ большевиковъ, какъ шайки разбойниковъ, которая держитъ его связаннымъ. Это — внѣшнее и поверхностное воспріятіе. Русский народъ въ огромной массѣ своей терпѣть не можетъ большевиковъ, но онъ находится въ большевистскомъ состояніи, во лжи. Это — парадоксъ, который долженъ быть понятъ до конца. Русский народъ долженъ быть выведенъ изъ большевистскаго состоянія, преодолѣть въ себѣ большевизмъ. Есть ли это проповѣдь пассивности въ противоположность активности, которую проповѣдуютъ тѣ, которые хотятъ разрѣшить русскую трагедію исключительно военной силой? Когда пала римская имперія и рушился весь древній міръ, Діоклетіанъ проявлялъ большую энергію, пытался укрѣпить имперію. Но меньшую ли активность проявлялъ въ Августинъ и не принадлежитъ ли ему болѣе мѣсто во всемірной

истории, чѣмъ Діоклетіану? Наше время есть прежде всего время дѣлъ, подобныхъ дѣлу Бл. Августина. Намъ нужна вѣра и идея. Спасеніе нынѣ погибающихъ обществъ пойдетъ отъ союзовъ и корпорацій, имѣющихъ крѣпкую основу, воодушевленныхъ вѣрою. Изъ нихъ сложится новая ткань общества. Они должны укрѣплять связи въ эпоху паденія старыхъ государствъ.

* * *

Русская революція совершилась по Достоевскому. Онъ пророчески раскрылъ ея идейную діалектику и далъ ея образы. Достоевскій понималъ, что социализмъ въ Россіи есть религиозный вопросъ, вопросъ атеистическій, что русская революціонная интеллигенція совсѣмъ не политикой занята, а спасеніемъ человѣчества безъ Бога. И тѣмъ, которые хотятъ понять смыслъ русской революціи, необходимо вдуматься въ прозрѣнія Достоевскаго. Можно открыть неисчислимое количество причинъ русской революціи. Многія изъ этихъ причинъ бросаются всякому въ глаза. Страшная война, которой духовно и матеріально не могъ выдержать русскій народъ, слабое правосознаніе русскаго народа и отсутствіе въ немъ настоящей культуры, земельная неустроенность русскаго крестьянства, зараженность русской интеллигенціи ложными идеями — все это безспорныя причины русской революціи. Но не на этихъ путяхъ раскрывается основной смыслъ русской революціи. Смыслъ этотъ раскрывается въ ея духовномъ первофеноменѣ. Въ историческомъ процессѣ дѣйствуютъ разнообразныя причины, которыя раскрываетъ историческая наука, но философія истории имѣетъ своей цѣлью раскрытіе основныхъ духовныхъ феноменовъ, первофеноменовъ, въ которыхъ и нужно искать смыслъ историческихъ событій. Такъ для новой истории такимъ основнымъ духовнымъ феноменомъ является гуманизмъ и его внутренняя діалектика. Онъ и лежитъ въ основѣ французской революціи, хотя она имѣла свои многообразныя специфическія причины. И вотъ я утверждаю, что въ основѣ русской революціи, разыгравшейся въ полу-азиатской, полу-варварской стихіи и въ атмосферѣ разложившейся войны, лежитъ религиозный фактъ, связанный съ религиозной природой русскаго народа. Русскій народъ не можетъ создать срединнаго гуманистическаго царства, онъ не хочетъ правового государства въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Это — аполитическій народъ по строенію своего духа, онъ устремленъ къ концу истории, къ осуществленію царства Божьяго. Онъ хочетъ или царства Божьяго, братства во Христѣ, или товарищества въ антихристѣ, царства князя міра сего. Въ русскомъ народѣ всегда была исключительная, невѣдомая народамъ Запада, отрѣшенность, онъ не чувствовалъ исключительной прикованности и привязанности къ земнымъ вещамъ, къ собственности, къ семьѣ, къ государству, къ своимъ правамъ, къ своей мебели, къ внѣшнему бытовому укладу. Русскій народъ приковывался къ земной жизни грѣхомъ и грѣхи его были не меньшіе, даже большіе, чѣмъ у народовъ Европы. Русскій народъ, вѣроятно, менѣе честный и добропорядочный народъ, чѣмъ народы Запада. Но народы Запада добродѣтелями своими прикованы къ земной жизни и земнымъ благамъ. Русскій же народъ добродѣтелями своими отрѣшенъ отъ земли и обращенъ къ небу. Въ этомъ духовно воспитано его православіе. Европейскій челоѣкъ считаетъ свою собственность священной и не позволить безъ жестокой борьбы отнять ее у себя. У него есть идеологія, оправдывающая его отношеніе къ земнымъ благамъ. Русскій челоѣкъ, даже если грѣхъ корыстолюбія и стяжательства овладѣлъ его природой, не считаетъ своей собственности священной, не имѣетъ идеологическаго

оправданія своего обладанія матеріальными благами жизни, и въ глубинѣ души думаетъ, что лучше уйти въ монастырь или сдѣлаться странникомъ. Легкость низверженія собственности въ Россіи произошла не только отъ слабости правосознанія въ русскомъ народѣ и недостатка буржуазной честности, но и отъ исключительной отрѣшенности русскаго челоѣка отъ земныхъ благъ. То, что европейскому буржуа представлялось добродѣтелью, то русскому челоѣку представлялось грѣхомъ. И русскій помѣщикъ никогда не былъ до конца увѣренъ, что онъ по правдѣ владѣетъ своей землей. Не случайно А. С. Хомяковъ думалъ, что онъ владѣетъ землями лишь по порученію народа управлять ими. И русскій купецъ думалъ, что нажился онъ нечистыми способами и раньше или позже долженъ покаяться. Православіе внушало идею обязанности, а не идею права. Обязанности не исполняли по грѣховности, право же не считали добродѣтелью. Буржуазная идеологія никогда не имѣла у насъ силы и не владѣла русскими сердцами. У насъ никогда не было идейно приличнаго обоснованія правъ буржуазныхъ классовъ и буржуазнаго строя. Буржуазный строй у насъ въ сущности почти всѣ считали грѣхомъ, — не только революціонеры-соціалисты, но и славянофилы и русскіе религиозные люди, и всѣ русскіе писатели, и даже сама русская буржуазія, всегда чувствовавшая себя нравственно униженной.

И европейскаго буржуа нельзя противопоставлять русскому коммунисту. По духовному складу русскаго народа, русскаго челоѣка такъ нельзя побѣдить коммунизмъ, нельзя побѣдить его буржуазными идеями и буржуазнымъ строемъ. Такова Россія, таково призваніе русскаго народа въ мірѣ. Хомяковъ и К. Леонтьевъ, Достоевскій и Л. Толстой, Вл. Соловьевъ и Н. Федоровъ низвергаютъ буржуазный строй и буржуазный духъ не менѣе, чѣмъ русскіе революціонеры, соціалисты и коммунисты. Такова русская идея. И русскимъ патриотамъ слѣдуетъ ее сознать. Русскій религиозный челоѣкъ сознаетъ, что передъ лицомъ Божьимъ европейскій буржуа не лучше, чѣмъ русскій коммунистъ. И не можетъ русскій челоѣкъ хотѣть, чтобы на мѣсто коммуниста пришелъ европейскій буржуа. Онъ не соглашается замѣнить коммунистическіе пороки буржуазными добродѣтелями, ибо добродѣтели эти онъ извергаетъ. Секуляризованная культура, добропорядочная и благоустроенная цивилизація не соблазняетъ русскаго челоѣка, русскаго религиознаго челоѣка. Поэтому и социализмъ у насъ носитъ сакральный характеръ, есть лже-церковь и лже-теократія. Русскіе люди всегда духовно противились власти буржуазно-мѣщанской цивилизаціи XIX вѣка, не любили ее, видѣли въ ней умаленіе духа. Въ этомъ Герценъ и К. Леонтьевъ сходятся. И нельзя русскимъ людямъ привить нѣмецкій или французскій патриотизмъ, западно-европейскій націонализмъ. Многіе русскіе патриоты и націоналисты выглядятъ безнадежными инородцами, чуждыми душъ Россіи. Все это нужно помнить, чтобы понять характеръ русской революціи. У насъ никогда не было буржуазной идеологіи. Никогда не было у насъ и идеологіи государственной. Катковъ не былъ характернымъ для Россіи мыслителемъ. Русскій духъ не можетъ признать верховенства государственной идеи, она всегда будетъ занимать подчиненное мѣсто, а часто и совсѣмъ отсутствовать. Русскимъ людямъ присущъ своеобразный анархизмъ. Русскій народъ устремленъ къ царству Божьему. И этимъ объясняются не только его добродѣтели, но и многіе его пороки. Ибо царство Божье нудится и есть бремя послушанія міру, которое долженъ нести челоѣкъ на землѣ, есть долгъ въ отношеніи къ историческому процессу, который русскіе люди часто забываютъ. Вотъ почему наша несчастная и безобразная революція должна быть признана національной. Душа

русского человека устремлена к царству Божьему, но она легко поддается соблазнам, подмѣнамъ и смѣшениямъ, легко попадаетъ во власть царства лжи. И царство лжи и подмѣнъ воцарилось въ Россіи. Въ большевикахъ есть что-то запредѣльное, потустороннее. Этимъ жутки они. Магические токи и энергии исходятъ отъ самаго средняго большевика. За каждымъ большевикомъ стоитъ коллективная намагниченная среда и она, повергаетъ русский народъ въ магическій сонъ, заключаетъ русский народъ въ магическій кругъ. Нужно расколдовать Россію. Вотъ главная задача.

* * *

Русскую революцію нужно пережить духовно углубленно. Долженъ наступить катарсисъ, внутреннее очищеніе. Тотъ не пережилъ духовно революціи, кто пережилъ ее корыстно, кто хочетъ возвращенія себѣ утеряннаго имущества, кто полонъ злобы и жаждетъ возмездія. Это — тѣлесное, а не духовное переживаніе революціи, обывательское къ ней отношеніе. Не духовно пережилъ революцію тотъ, кто къ ней приспособился и не сумѣлъ отстоять въ ней свободу своего духа, и тотъ, кто мечтаетъ о реставраціи старой, дореволюціонной жизни, полный злобы и мести, не сознаетъ своего собственнаго грѣха. Лишь подлинное покаяніе дѣлаетъ переживаніе революціи духовнымъ. Черезъ тайну и таинство покаянія раскрывается новая жизнь. Только покаяніе освобождаетъ отъ власти темнаго прошлаго, отъ давящихъ его призраковъ.

Кончилась барская, господская Россія и все тѣльное и грѣшное въ ней не можетъ быть возрождено. Вѣчное же въ старой Россіи неистребимо и должно войти во всякую новую жизнь. Въ аристократіи есть вѣчное начало и міръ не могъ бы существовать безъ аристократіи. Но русскому дворянству, какъ классу и сословію, никогда не будетъ возвращено то социальное значеніе, которое оно имѣло въ прошломъ. Вождельтъ этого значить наполнять сердце свое злобой и ненавистью. Никогда не вернетъ себѣ стараго своего положенія и русская буржуазія. Въ этомъ отношеніи произошелъ не внѣшній, а внутренний переворотъ. Революціи совершаются не только для социальныхъ интересовъ низшихъ классовъ общества, но и для того, чтобы имъ перестали говорить „ты“ и начали говорить „вы“. Въ этомъ отношеніи у насъ совершился безповоротный бытовоей переворотъ. Барско-господское отношеніе къ народу болѣе невозможно.

Въ Россіи разрушена структура социальныхъ классовъ. И это было легко сдѣлать, потому что у насъ никогда не было сильныхъ социальныхъ классовъ.

Но въ Россіи образовался новый слой, не столько социальный, сколько антропологическій слой. Въ русской революціи побѣдилъ новый антропологическій типъ. Произошелъ подборъ биологически сильнѣйшихъ и они выдвинулись въ первые ряды жизни. Появился молодой человекъ во френчѣ, гладко выбритый, военнаго типа, очень энергичный, дѣльный, одержимый волею къ власти и проталкивающийся въ первые ряды жизни, въ большинствѣ случаевъ наглый и беззастѣнчивый. Его можно повсюду узнать, онъ повсюду господствуетъ. Это онъ стремительно мчитъ на автомобиль, сокрушая все и вся на пути своемъ, онъ засѣдаетъ на отвѣтственныхъ совѣтскихъ мѣстахъ, онъ растрѣливаетъ и онъ наживается на революціи. Этотъ молодой человекъ, внѣшне мало похожій и даже во всемъ противоположный старому типу революціонера, или коммуниста или приспособился къ коммунизму и стоитъ на совѣтской платформѣ. Онъ заявляетъ себя хозяиномъ жизни, строителемъ будущей Россіи. Черезъ него и благодаря ему большевики побѣдили въ Россіи. Старые

большевики, русскіе интеллигенты-революціонеры, боятся этого новаго типа и предчувствуютъ въ немъ гибель коммунистической идеи, но должны съ нимъ считаться. Чека также держится этими молодыми людьми. Это — новый русский буржуа, господинъ жизни, но это не социальный классъ. Это прежде всего новой антропологическій типъ. Въ Россіи, въ русскомъ народѣ что-то до неузнаваемости измѣнилось, измѣнилось выраженіе русскаго лица. Такихъ лицъ прежде не было въ Россіи. Новый молодой человекъ — не русский, а интернациональный по своему типу. Въ Россіи появился вкусъ къ силѣ и власти, буржуазный вкусъ, котораго у насъ не было и рожденія котораго хотѣли наши буржуазные идеологи и который должны были бы теперь привѣтствовать. Война сдѣлала возможнымъ появленіе этого типа, она была школой, вырабатывавшихъ этихъ молодыхъ людей. Дѣти, внуки этихъ молодыхъ людей будутъ уже производить впечатлѣніе солидныхъ буржуа, господъ жизни. Эти господа проберутся къ первымъ мѣстамъ жизни черезъ дѣятельность чека, совершивъ неисчислимое количество разстрѣловъ. И кровь не остановитъ ихъ въ осуществленіи своей похоти жизни и похоти власти. Самая зловѣщая фигура въ Россіи — это не фигура стараго коммуниста, обреченная на смерть, а фигура этого новаго молодого человека. Въ ней можетъ быть загублена душа Россіи, призваніе русскаго народа. Этотъ новый антропологическій типъ можетъ свергнуть коммунизмъ, онъ можетъ обернуться русскимъ фашизмомъ. Но отъ этого еще не будетъ большой радости. Все дѣло не въ поверхности жизни, именуемой коммунизмомъ и совѣтской властью, а во внутреннихъ процессахъ, совершающихся въ Россіи. Страшно именно то, что въ коммунистической революціи Россія дѣлается впервые буржуазной, мѣщанской страной, какой она никогда не была. Ловкіе, беззастѣнчивые и энергичные дѣльцы міра сего выдвинулись и заявили свои права быть господами жизни. Имъ невѣдома уже будетъ русская тоска по Небесному Іерусалиму. Царская, дворянская, мужицкая, монашеская, странническая и интеллигентская Россія никогда не была буржуазнымъ мѣщанскимъ царствомъ. То, чего такъ безумно боялся К. Леонтьевъ, совершилось. И объ этомъ нужно глубже задуматься, чѣмъ о способахъ сверженія совѣтской власти. Русская эмиграція недостаточно понимаетъ, что русский вопросъ совсѣмъ не въ кучкѣ большевиковъ, стоящихъ у власти, которую можно было бы свергнуть, а въ огромномъ слоѣ новыхъ людей, пришедшихъ къ господству въ жизни, которыхъ свергнуть не такъ легко. Коммунистическая революція есть прежде всего матеріализація русской жизни, парадоксально связанная съ развоплощеніемъ историческихъ тѣлъ. Коммунизмъ есть борьба противъ духа и духовной жизни. И его моральные послѣдствія болѣе ужасны, чѣмъ послѣдствія государственныя, правовыя и экономическія, они будутъ длительнѣе. Россія переживаетъ эпоху доморализаціи, погони за наслажденіями жизни, аналогичную эпохѣ директоріи. Матеріализація и деморализація захватили не только коммунистовъ, этотъ процессъ гораздо шире. Русскіе люди привыкаютъ къ рабству, имъ болѣе не нужна свобода, они предали свободу духа за внѣшнія блага. Черное чувство зависти становится опредѣляющей силой міра. И трудно остановить его возрастающую власть.

Въ Россіи прерывается культурная традиція. Предстоитъ страшное пониженіе уровня культуры, качества культуры. Россія въ преобладающей своей части сдѣлается царствомъ цивилизованнаго крестьянства. Новая русская буржуазія, подъ которой слѣдуетъ понимать не классъ фабрикантовъ и банкировъ, а побѣдоносный социально-антропологическій типъ, предъявитъ спросъ на техническую цивилизацію, но не будетъ нуждаться

въ высшей культурѣ, всегда аристократической. Процессъ варваризаціи у насъ неотвратимо долженъ произойти. Мы можемъ утѣшать себя тѣмъ, что послѣ войны варваризація должна произойти и происходить частично и повсюду въ Европѣ. Революція разбила не только русское дворянство, но и русскую интеллигенцію въ старомъ смыслѣ слова. Интеллигенція столѣтіе мечтала о революціи и готовила ее. Но осуществленіе революціи оказалось ея гибелью, ея собственнымъ концомъ. Одна часть интеллигенціи стала властью, другая же ея часть была выброшена за бортъ жизни. Революція изобличила ложность идеологіи, которой жила интеллигенція. Должна народиться новая народная интеллигенція, но она будетъ очень понижена въ своемъ культурномъ уровнѣ, ей не свойственны будутъ высшіе запросы духа. Въдѣ и интеллигенція Чернышевскаго была уже значительнымъ пониженіемъ культурнаго уровня по сравненію съ интеллигенціей Чаадаева, Хомякова и Герцена. Когда русскій мужикъ пожелаетъ устроить свою жизнь, ему не понадобятся ни с.-р., ни кадеты, ни правые, онъ самъ устроится. Грядущій образъ Россіи двоится, онъ не можетъ быть воспринятъ цѣлостно. Старая, великая Россія была полна великихъ контрастовъ и полярныхъ противоположностей. И все же былъ у нея цѣлостный образъ. Одна и та же Россія чувствовалась на вершинахъ русской культуры, у великихъ русскихъ писателей, и въ самыхъ темныхъ нѣдрахъ народной стихіи. Этого, повидимому, болѣе не будетъ. Въ Россіи какъ бы происходитъ раздѣленіе на два царства. Качественно будетъ продолжать существовать вѣчная Россія, Россія духовная, призванная сказать свое слово въ концѣ исторіи, но количественно, можетъ быть, будетъ преобладать Россія безбожной цивилизаціи. Но и повсюду въ мірѣ должно произойти раздѣленіе и повсюду по видимости могутъ побѣждать враждебныя Христову духу начала. Наши усилія должны быть направлены къ побѣдѣ вѣчной, качественной Россіи и усилія эти не пропадутъ въ нравственномъ міропорядкѣ.

Старая интеллигентски-революціонная психологія теперь перешла къ контръ-революціоннымъ эмигрантскимъ кругамъ. Тѣ чувства, которыя раньше были направлены на самодержавіе, переносятся на большевизмъ. Большевизмъ для русской интеллигенціи замѣнилъ самодержавіе и исполняетъ его роль. Подобно тому, какъ раньше думали, что настоящая жизнь начнется лишь послѣ крушенія самодержавія, такъ и теперь думаютъ, что настоящая жизнь начнется лишь послѣ крушенія большевизма. Такъ вся жизнь ставится въ исключительно внѣшнюю перспективу, всѣ ожиданія связаны исключительно съ внѣшнимъ политическимъ переворотомъ. Контръ-революціонная въ отношеніи къ большевистской революціи интеллигенція осталась по психологіи своей старо-либеральной и старо-радикальной. Но ничего нѣтъ бесплоднѣе въ нашу эпоху, чѣмъ такого рода либерализмъ или радикализмъ. И опять слѣдуетъ напоминать о правдѣ старыхъ „Вѣхъ“, эта правда остается въ силѣ и при большевикахъ. Она прежде всего заключается въ томъ, что жизнь опредѣляется изнутри и духовно, а не извнѣ и политически, какъ думаютъ всѣ революціонеры и подобные имъ контръ-революціонеры, она призываетъ къ духовной работѣ и нравственному оздоровленію. Нельзя вѣрить въ спасительность политическихъ формъ, демократическихъ или монархическихъ. Спасаетъ только духъ, который создаетъ свои новыя формы. Для новаго вина нужны новыя мѣха.

Революція нанесла тяжелыя раны Россіи, отъ которыхъ она съ трудомъ сможетъ оправиться. Но въ одномъ отношеніи революція будетъ имѣть положительные результаты, она послужитъ дѣлу возрожденія Церкви и религіозной жизни въ Рос-

сіи. Революція всегда помогаетъ проявить дѣйствительное религіозное состояніе народа. Въ жизни религіозной у насъ накопилось много жи и лицемѣрія. Внѣшне-бытовое и корыстно-утилитарное отношеніе къ православной церкви преобладало у слишкомъ многихъ. Авторитетъ коснаго православнаго быта долженъ былъ быть разбитъ. У верхняго нашего слоя, у дворянства и бюрократіи религіозность не была глубокой и христіанство не принималось достаточно въ серіозъ. Религіозность садукеевъ всегда носитъ характеръ государственной и въ ней перспективы жизни временной всегда побѣждаютъ перспективы жизни вѣчной. Въ церковной жизни нашей были замѣтны признаки омертвѣнія. Религія разсѣяла живую атмосферу вокругъ церкви и разрыхлила почву, на которой возгорается религіозный свѣтъ. Въ атмосферѣ революціи нѣтъ уже никакихъ основаній притворяться православнымъ, нѣтъ уже никакихъ внѣшнихъ выгодъ отъ церкви и государственная религіозность не имѣетъ мѣста. Революція изначально носитъ характеръ антирелигіозный и антихристіанскій. Она гонитъ христіанство и гоненія эти приняла безобразный характеръ. Но гоненія никогда не были страшны для христіанства. Гоненіе для церкви лучше, чѣмъ насильническое покровительство. Въ гоненіяхъ христіанство крѣпло и возросло. Христіанство есть религія распятой правды. Религіозныя гоненія революціонной эпохи производятъ качественный отборъ. Церковь потеряетъ въ количествѣ, но выиграетъ въ качествѣ. Христіанство вновь требуетъ отъ вѣрныхъ сыновъ своихъ жертвоспособности. И эта жертвоспособность въ стихіи революціи была проявлена. Русскіе православные священники въ лучшей своей части остались вѣрны святынѣ, мужественно защищали православіе, мужественно шли на разстрѣль. Христіане показали, что они умѣютъ умереть. Русская православная Церковь внѣшне унижена и растерзана, но внутренне возросла и возвеличена. Она имѣетъ мучениковъ. Православная Церковь показала, что внутреннее единство ея, внутренней свѣтъ ея и мистическія основы ея остаются незыблемы и послѣ того, какъ внѣшнее церковное управленіе и внѣшній строй Церкви разрушенъ. Въ Россіи несомнѣнно происходитъ церковное углубленіе. Русскіе люди, претерпѣвшіе величайшія испытанія, живутъ въ религіозно напряженной атмосферѣ. Суровость и серіозность жизни, близость смерти, паденіе всѣхъ внѣшнихъ иллюзій и утеря тѣхъ внѣшнихъ вещей, которыя поработаютъ человеческій духъ, — все это обращаютъ къ Богу и духовной жизни. Интеллигенція, которая столѣтіе была враждебна вѣрѣ и проповѣдывала тотъ атеизмъ, который и привелъ къ революціи, начинаетъ обращаться къ религіи. Это — новое явленіе. И въ самой Россіи это движеніе къ религіозной жизни не носитъ корыстного характера, не связано съ реставраціонными планами и жадной вернуть себѣ утерянные блага жизни. Русскіе люди пережили подлинный духовный опытъ, измѣнили свое отношеніе къ благамъ жизни. Къ сожалѣнію нужно сказать, что русская православная Церковь на Западѣ, за рубежомъ нерѣдко подвергается угнетенію и засилію правыхъ политическихъ партій, воспроизводящихъ въ маломъ масштабѣ старыя отношенія церкви и государства. На почвѣ утилитарно-политическаго отношенія къ Церкви не будетъ ни возрожденія Церкви, ни возрожденія Россіи. Церковь не можетъ себя связать съ какой-либо застывшей политической формой. Только безкорыстно-духовное отношеніе къ Церкви, только согласіе на жертвы и на отказъ отъ привилегированныхъ благъ жизни можетъ вести къ религіозному возрожденію и спасенію нашей родины. Теперь не время ни для садукеевъ, ни для фарисеевъ. Теперь время реализаціи въ жизни евангельской истины. Будущее Россіи

зависитъ отъ религіозныхъ вѣрованій русскаго народа. Это должны сознать всѣ политики и покориться этой истинѣ. Лучшій изъ русскихъ старцевъ наканунѣ моей высылки изъ Россіи разсказалъ мнѣ, какъ къ нему ходятъ каяться коммунисты и красноармейцы, и говорилъ, что надѣется не на Деникина и Врангеля, а на дѣйствіе духа Божьяго въ самомъ грѣшномъ русскомъ народѣ. Это не только религіозно, но и національно болѣе авторитетный голосъ, чѣмъ голоса тѣхъ русскихъ эмигрантовъ, которые почитаютъ себя націоналистами и патриотами, но въ русской народъ не вѣрятъ. Слова старца прозвучали, какъ голосъ изъ иного міра, въ которомъ нѣтъ „правыхъ“ и „лѣвыхъ“, нѣтъ борьбы политическихъ партій за власть и борьбы классовъ за свои матеріальные интересы. И мы сами должны обратиться къ иному міру, чтобы въ немъ найти критеріи для нашихъ оцѣнокъ и энергію для нашихъ дѣлъ. Должно быть религіозно преодолено ложное идолопоклонство передъ государствомъ и національностью.

Спасена Россія можетъ быть лишь изнутри, лишь черезъ жизненные процессы, протекающіе въ самой Россіи. Народъ не хочетъ умирать и спасаетъ себя жизнью. Большевицкая власть къ жизни должна приспособляться. Въ совѣтское строительство вѣрять нельзя, оно ужаснѣе и кошмарнѣе совѣтскаго разрушенія. Это — система Шигалева, система скотоводства, примѣненная къ людямъ. Большевики лишь внѣшне поражаютъ своей силой. Но они до ужаса бездарны и на дѣлахъ ихъ лежитъ печать пошлости и скуки. Они имитируютъ людей власти. Но русской народъ за всѣмъ этимъ и несмотря на все это живетъ, онъ остался великимъ и одареннымъ народомъ. Въ нѣдрахъ Россіи, въ ея первичныхъ истокахъ происходятъ молекулярные процессы, которые и приведутъ къ ея спасенію. И вы сами можете быть участниками этихъ жизненныхъ процессовъ и измѣнять ихъ результаты, если вы духовно чувствуете себя внутри русскаго народа и

русской земли. Нѣтъ ничего безнравственнѣе принципа: чѣмъ хуже тѣмъ лучше. Онъ возможенъ лишь для тѣхъ, которые чувствуютъ себя внѣ того, чему будетъ хуже или лучше. Кто съ Россіей, русской землей и русскимъ народомъ, тотъ можетъ лишь желать, чтобы ему было лучше. Да и конецъ большевизма придетъ отъ улучшения, а не отъ ухудшенія положенія Россіи. Гнетъ голода и нищеты укрѣпляетъ большевиковъ. Жизнь въ самой Россіи есть мука, согласіе на жертву и подвигъ, на униженіе. Но этой мукой, жертвой и подвигомъ спасается Россія. Самый фактъ жизни въ совѣтской Россіи есть уже непрерывная духовная активность, духовное противленіе тѣмъ ядамъ, которые отравляютъ дыханіе. Коммунистическая власть принуждаетъ къ повиненію голодомъ и подкупомъ. И слабымъ людямъ трудно устоять.

Коммунистическая идея сама себя опозорила, она не можетъ уже имѣть никакого ореола, ядъ не можетъ войти внутрь. Процессъ выздоровленія есть медленный, но органический процессъ. Это есть прежде всего искупленіе отъ духа лжи, выходъ изъ царства призраковъ и фантазмовъ къ реальностямъ. Сейчасъ болѣе всего необходимо утверждать приматъ духовной активности надъ политической. Необходимо духовно бороться съ кровавымъ кошмаромъ, охватившимъ міръ. Исключительное преобладаніе политики увеличиваетъ этотъ кошмаръ и усиливаетъ жажду крови. Теперь нужно спасать свободу человѣческаго духа. Опять передъ христіанскими народами стоитъ вопросъ о томъ, принимаютъ ли они въ серіозъ свое христіанство и хотятъ ли направить свою волю къ его осуществленію. Если христіанскіе народы не сдѣлаютъ величайшаго напряженія духа для осуществленія христіанскаго пути, если не проявятъ величайшей активности, то въ мірѣ будетъ торжествовать атеистическій коммунизмъ. Свободный же духъ долженъ дѣйствовать независимо отъ того, какія силы преобладаютъ и торжествуютъ. Христіанство возвращается къ состоянію до Константина и должно вновь завоевывать міръ.

ДАВИД ОСМАН. СТИХИ

*В углу у желтой батареи я созидаю дни свои,
А за окном весна наглет,
И жжет, и бьетса дождь внутри
Соседнего большого мира,
А здесь живет моя квартира,
И рядом у другой стены
Два одинаковых подобья
Взасос от люльки до надгробья
В свой разговор заплетены.
Сегодня ночь,
И нет свечи,
От лампы не дожидаться света,
И пуговица, как монета,
Как две копейки на столе.*

*Есть одинокий дом в моем саду,
И узкая тропа,
И три ступени,
И первое начало красоты,
И дряхлые заброшенные тени.*

*Я здесь неведом для иных гостей,
Мое не безгранично право сада,
Я в нем сообщник памяти своей
И дерево, и куст моя награда.*

*О вещая печаль моих ночей,
О ожиданье праведного плача.
Я стерт, как медь монет прошедших дней
И цифры цен сам для себя назначил.*

Он погиб в Иерусалиме,
но первые московские слухи говорили о Сорбоне.

*Ты знаешь человека,
Погибшего в Сорбоне,
Заснувшего в Сорбоне,
Пропавшего в Сорбоне.
Я говорю с тобою
Сейчас о Якобсоне.*

*Кого еще уходом Россия приглубит,
Кому еще пустыней Исходный воздух будет,
Смерть пущена по кругу и ищет адресата,
Привычные к испугу вы вспомните когда-то
Вы вспомните когда-то
Погибшего в Сорбоне...*

Я говорю со всеми сейчас о Якобсоне.

ПАМЯТИ ТВОЕЙ СВЕТЛОЙ

*Зрачками звонкой тишины
На перекрестке гулких сосен,
Я ночью принят был в свои
И жил у суеты в забросе.
Отчаянность ночных громад,
Живые вещи навещала,
Здесь в бытность был зеленый сад
И в бытность здесь луна стояла...
Нет продыху от вялого листа,
Не изломать движеньем сонный воздух.*

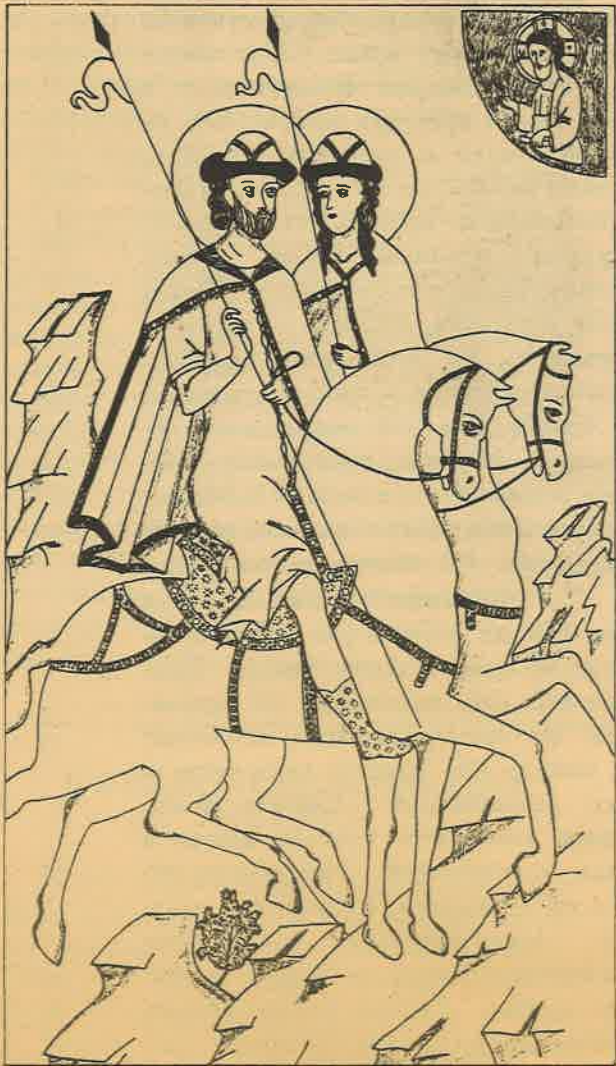
МЕТРО

*Вечерний перехват огней,
Летящих в пол-руки от тела,
Не обозначенный, ничей
Свет вдалеке кусочком мела.
Вагонной сытостью обвит,
Соприкасаясь рукавами,
Вдоль коленкорových орбит
Верчуст на нитке вместе с вами.*

*Глоток беды,
Глоток воды,
Совместность,
Общность,
Единенье.
Что справедливее борьбы?!
(Движенья за захват сиденья.)*

1977 г.

*И слово выйдя из меня
В сентябрь морозный
Дымом станет,
И тишина кленовой станет,
И темой станет для меня —
Осенний привкус,
Лист шуршащий,
И голос мой,
И я, стоящий,
В прохладных дебрях Сентября.*

Говорить об иконе довольно сложно, как вообще сложно говорить о многогранном комплексном явлении, затрагивающем практически любую область деятельности православного человека средневековой Руси. Из-за многогранности этого явления развитие иконописи не ограничивается только формально — стилистическим изменением пластического языка этого вида художественного изображения; иконопись существует и развивается как вполне самостоятельная и очень важная составляющая общей массы движения православной цивилизации. Отсюда, перед тем, как начать попытку классификации икон, то есть раздробления самого явления по временным, техническим, стилистическим, бытовым и прочим отличиям, хотелось бы немного поговорить об иконе в самом общем плане.

Чем была икона для православного человека средневековья? А, может быть, более точно, кем? Икона — нечто прекрасное не земной, а божественной красотой, ибо иконописец есть только инструмент в руках Господа, который является подлинным творцом в создании святого образа. Эта принадлежность к Божественному Художнику сразу изымает икону из общего ряда только красивых, украшающих наш быт произведений. Художник всегда вкладывает в свое детище частицу самого себя, и произведение Господне также несет в себе заряд Божественной силы, таким образом приобретая над человеком особую власть. О дифференциации этой власти, то есть на кого какая икона оказывает влияние и какое, мы поговорим позднее. Сейчас для нас намного важнее осознать, что в православном мироощущении икона не является просто вещью.

Это самостоятельное живое, духовное явление, наделенное мистической силой. Посланица мира горнего на землю. Связующий мост между мирами земным и небесным. Благодарнейшая слушательница, с которой можно поделиться всеми своими бедами и радостями. Икона чувствует и переживает. Она радуется и сама освещается. Икона плачет и источает миро. Она негодует и наказывает. Известная икона пятнадцатого века "Битва новгородцев с суздальцами" рассказывает нам о поведении чудотворной иконы "Знамение" во время сражения. Святой Образ никак не выражал своей прямой поддержки

* копирайт Александра Гасселя

Об иконе

Александр Гассель

ни одной из воюющих христианских сторон, пока в него не попала стрела, выпущенная одним из суздальцев.

Разгневанная икона послала на помощь новгородцам небесное воинство со святыми Борисом, Глебом, Георгием и Дмитрием Солунским. Суздальцы были моментально разбиты.

Икона "Битва новгородцев с суздальцами" интересна не только потому, что она рассказывает об этом событии. Делая это, она, в свою очередь, становится как бы житийной иконой другой иконы. Точно так же, как бесчисленные чудеса связаны со святыми людьми, они происходят и с образами. Пишутся жития святых и их житийные иконы. То же самое делается и для чудотворных икон.

Записываются исцеления, совершенные чудотворными иконами, случаи явлений святых образам людям, составляются жития святых икон, новые иконы иллюстрируют истории проявления божественной силы чудотворными иконами. Икона, как и человек, могла провиниться, вернее, не оправдать надежды молящихся. Убить намоленный образ нельзя, тогда его пускали "по воде", то есть в реку. Икону нельзя выбросить, даже если краска и грунт совсем осыпались. Освященные доски подновлялись, заново грунтовались. Нередко новый сюжет не соответствовал старому. Олифа, которая использовалась для покрытия, чернеет лет через 80, и образ становится почти неразличим. Старые рецепты обновления икон, как, например, "возьмем корыто со щелоком и моем в нем образ, пока не осветлится", звучали бы кошунством для современных реставраторов, но иногда это было единственным способом узнать, кто был изображен под почерневшей олифой.

Святые изображения сопровождали православного на всем его жизненном пути. Мерная икона с образом его ангела-хранителя делалась для человека при его рождении. Иконой он был крещен в церкви. "Чудотворную" он просит в трудную минуту. "Хранительницу очага" дарят родители молодым. Спасительный образок надевает ему на грудь близкий человек, когда он идет на войну. Охраняющие его лики встречает он в путешествиях в маленьких часовнях, придорожных киотах, молельнях — "путницах" и на поклонных крестах на бесконечных русских дорогах. С "Целительницей" обходят его город во время эпидемии чумы. "Заступница" выносятся на стены и защищают его город от нападения врага. "Спасительница" врезана в стену городской башни, помогая ее неприступности. "Матушкой-помощницей" благословляют родители новобрачных. "Молитвенничек" висит в красном углу его дома. С ним он первым здоровается, переступая порог. "Усыпательнице" он ставит в церкви свечку, чтобы она позаботилась на небесах о его усопшей матери. С иконой "Надежда моя преблагая" его отпевают. Отгоняющий злые силы образ кладется в его гроб. Икона Спасителя врезана в крест на его могиле.

Сами народные обращения к иконе говорят о качествах, которыми человек определяет святой образ. Это — "слышательница", "молитвенница", "подательница ума", "матушка-заступница", "помощница".

Разрастанием иконографической культуры православия определяются образы, максимально помогающие в каких-то конкретных обстоятельствах. С ранних времен православный просил защиты у своего "прямого" небесного покровителя-святого, в честь которого он был назван.

Были иконы с изображениями святых, покровительствующих людям определенных профессий: так, святые Козьма и Дамиан и святой Пантелеймон помогали врачам, Никола — путешественникам, а Флор и Лавр — земледельцам. Иконы местных и национальных святых особенно почитались в "их" землях.

В русских церквях особенно часто встречались в древности иконы Бориса и Глеба, позже, особенно в Москве — Сергия Радонежского, в новое время — святого Серафима Саровского.

Есть национальные грузинские, греческие, болгарские и другие святые. Во всех описанных случаях молящийся получает необходимую ему поддержку от святого, независимо от того, как святой изображен иконографически. Развитая иконография Божьей Матери говорит нам о появившемся новом отношении православного к покровителю. Сотни появившихся канонизированных изображений дают ответы на большую часть более или менее конкретных просьб молящихся: человек обращается не просто к Богоматери, а к Богоматери в конкретной иконографии, к конкретной иконе Богоматери. Нужен хороший урожай — проси икону "Спорительница хлебов". Что-то затеваешь — помолись "Путеводительнице". Провинился — посоветуйся с "Поручницей грешных". Если тебе плохо, то пожалуйся "Утоли моя печали" или "Всех скорбящих радость", поставь свечку "Нечаянной радости".

Благоговейное почитание иконы накладывало особый отпечаток и на отношение к земному ее создателю — иконописцу. В церковном понимании иконостас, пишущий святой образ приравнивается к священнику, служащему литургии. Иконописание — особый священный акт объединения мастера с небесными силами. Перед началом каждой серьезной работы иконописец уходил в затвор или брал на некоторое время обет молчания, обдумывая Божественную задачу, моля Господа о помощи и ожидая Божественного просветления. Самые серьезные требования предъявлялись Церковью и к личности самого иконописца. Стоглав просто говорит в своих постановлениях, что и "иконописцу надлежит быть смиренну, кротку, благоговейну, непразднослову, не смехотворцу, не сварливу, не завистливу, не грабежнику, не убийцу", а если не может, то пусть не занимается иконописью, а живет, как все... До нашего времени дошла легенда о том, как Дионисий, не всегда отличавшийся строгостью поведения, со своей бригадой решил в пост поесть мяса, и Господь это мясо зачервивел. Трудно себе представить, чтобы это был единственный случай нарушения поста православным с пятнадцатого века до наших дней, и даже если эта история действительно произошла, то она дошла до нас только потому, что это нарушение было совершено иконописцем.

К концу жизни Дионисий совсем не получал от церкви крупных заказов в столичных центрах. То, что в церковном сознании личность иконописца не отделялась от его творчества, привело к тому, что один из самых лучших произведений русской религиозной стеновой росписи — божественные фрески храма Покрова Богородицы — украшают стены маленькой церкви в небольшом провинциальном монастыре в Феропонтово, а не кафедрального собора в Москве или Новгороде. И сейчас ежегодно тысячи почитателей небесной чистоты его лазурной палитры совершают паломничества в эту небольшую деревеньку посреди лесов и озер в сотне километров от Вологды, бывшую постоянным местом ссылки различных

провинившихся церковных деятелей, включая патриарха Никона. Дионисий не был единственным художником христианского мира, не всегда выполнявшим формальные правила поведения, предписанные церковью. Его западные почти современники, такие, как Микельанджело, Караваджо или Бенвенуто Челлини тоже не представляли из себя образца благочестия, но им давали заказы и во Флоренции, и в Риме. Требования соблюдения иконописцами личного благочестия в восточной церкви были намного жестче, чем на Западе.

История с Дионисием была, скорее, тем исключением, которое подтверждало общее правило. Большой частью икографы были монахами, и рассказы об их боголюбивом поведении передавались церковными преданиями. Сам Господь впервые показал нам икону, оставив "Нерукотворный Образ". Первым христианским художником по преданию был апостол Лука. Существует много икон, изображающих этого святого пишущим икону Божьей Матери. Некоторые иконописцы были канонизированы церковью, как, например, преподобный Андрей Рублев. Подавляющее большинство осталось неизвестным, смиренно посвятив свою жизнь возведению моста между церквями земной и небесной.

Итак, мы произвели первую попытку разобраться в сюжетной стороне иконы, отделив изображение различных святых от различных иконографий одного сюжета, сказали несколько слов о том, как отношение к иконе влияло на отношение к личности иконописца. Теперь, забыв о литературном разнообразии, оставив на время в стороне стилистические и временные изменения, обратим наше внимание на функцию иконы: каждой иконе при изготовлении было предназначено определенное место в жизни. Именно это будущее место жизни и диктовало выбор сюжета, материала, размера и других особенностей святого образа. Создана ли икона специально для храма? Если да, то для какого? В какой области был расположен этот храм? Сельская ли местность или городская? Богатая община или бедная? Какие материалы были использованы? Если икона церковная, то каково ее место в стройной системе иконостаса? Если икона планировалась не для церкви, то для чего? Будет ли она постоянно висеть в укрытии или попадать под проливной дождь? Должна ли быть компактна, легка и спроектирована так, чтобы сама себе обеспечить максимальную защиту в путешествиях, или же ее стационарное положение позволяет мастеру не думать о всех этих сложностях?

Попытаемся же представить себе, какие бывают виды икон, исходя из общей системы русского православного богослужения.

Начнем с того вида икон, к которым мы привыкли больше всего, как к собственным иконам — святым образам, писанным на загрунтованной доске.

Иконы церковные. Иконостас церкви состоит из нескольких рядов или чинов, и икона из ряда называется чиной иконой. Храмовой или м е с т н о й иконой называется икона, для которой и был построен этот храм. Иконы а н а л о й н ы е обычно небольшие, кладутся на аналой в дни праздников. Маленькие аналойные иконы назывались пядницы (от слова "пядь" — расстояние между большим и указательным пальцами). Иконы в ы н о с н ы е выносились из церкви на крестный ход и другие религиозные шествия. Они были обычно двусторонними на длинной ручке.

Скульптурные иконы — деревянные, резные, залевкашены и расписаны в иконописной системе образы. Вставлялись в расписные киоты и помещались в местный (нижний) ряд иконостаса, рядом с расписными иконами. Они были запрещены указом Синода 1722 года о "строгом запрещении резных или истесанных, издолбленных, изваянных икон", убраны из иконостаса и большей частью уничтожены.

Икона деисусная — из деисусного чина.

Икона праздничная — с изображением праздника.

Икона житийная — обычно большого размера, посвященная какому-нибудь святому. Святой изображен в "среднике", по полям клейма с описанием событий его жития. Порядок клейм — слева направо, сверху вниз. Очень часто она служила храмовой иконой.

Икона минейная — размера может быть любого. И устанавливалась в храме и часто служила иконописцам вместо иконописного подлинника в дороге. На иконе изображены православные святые и праздники в ряд по дням календаря. На иконе большого размера может уместиться весь календарь. На маленьких иконах, как правило, помещаются праздники одного месяца.

Походные иконостасы — миниатюрного письма складни, часто с полным количеством рядов, для моления на войне, в путешествии, в местах, где нет церкви.

Иконы двучастные, трех-, четырехчастные и так далее — по количеству изображенных, разделенных независимых сюжетов.

Икона двурядица (трех-) — по количеству рядов, иконы из которых изображены на одной доске. Так, на двуряднице (обычно из иконостаса), если в нижней части изображена фигура из деисуса, то в верхней части будет икона праздничного ряда.

Икона мерная сделана точно в размер новорожденного младенца, с изображением его святого покровителя.

Икона семейная с изображением всех святых покровителей членов семьи.

Икона двусторонняя таблетка — две иконы писаны на обеих сторонах загрунтованного с двух сторон холста. Использовались иконописцами в путешествии как справочники и как образцы их работы.

Иконы домовые — вешались дома в "красном" углу — если возможно, то это восточный угол комнаты, как алтарная сторона в церкви; если нет, то дальний от двери угол.

Иконы-ладанки — маленькие нательные иконки.

Иконки-реликварии с врезанными под грунт частицами святых мощей или кусочками святой земли.

Ставротика — деревянный ящичек-ковчег, предназначенный для хранения частиц Чудотворного креста, обычно богато украшенный и расписанный образами.

Иконы выполнялись и на ткани, писанные или шитые разноцветными, в том числе золотыми и серебряными нитями, богато украшенные жемчугом и драгоценными камнями образа, пелены, хоругви.

Иконы металлические, литые. Золотые, серебряные, латунные, медные, оловянные и даже чугунные. Сплошные и прорезные (с вырезанными фонами). Металлические складни. Литые, заполненные выемчатой эмалью. Металлические со сканью (тонкие витые проволоочки, напаянные на лист металла). Иконы, выполненные в технике перегородчатой эмали (на лист металла наклеивается или напаяется рисунок из тонких проволочек, а промежутки между ними заполняются цветной эмалью).

Иконы, выполненные финифтью — роспись эмалевыми красками.

Существуют всевозможные резные иконки из драгоценных камней, кости, дорогих пород дерева, оправленные в золото и серебро. Тончайшей работы пасхальные яйца с написанными, вырезанными или выгравированными на них образами. Образа, нарисованные на священных одеждах или украшающие святые сосуды.

Были иконы наградные. Панагии служили как знаки отличия высшего духовенства.

Иконы вкладные — вложены верующими в дар монастырю или церкви, часто в честь чудесного выздоровления или после смерти близкого в его память.

Этот, наверняка, далеко не полный список представляет предварительную попытку систематизировать мир иконописи и дает некоторое представление о том, как он обширен и разнообразен.

(Продолжение следует)

АНГЕЛЬСКИЙ ПОЛ

АНРИ ВОЛОХОНСКИЙ

Известно, что, когда Бог поделился с ангелами намерением сотворить человека, они возражали, в особенности, те двое, которых звали Узз и Азас.

Дело шло к закату Шестого Дня.

— Не понимаю, — говорил Узз.

— Где логика? — спрашивал Азас.

Всевышний: В наличном творении, как бы Я его ни разнообразил, все Мне чего-то не хватает.

Узз: Разве мы, ангелы, не творим Твою волю исправно и в должные сроки?

Всевышний: Творите.

Азас: А если Твоя воля постоянно водворяется, чем Ты можешь быть неудовлетворен?

Всевышний: Я мог бы иметь и другую волю.

Узз: Позволь. Свет — от тьмы, день — от ночи, суша — от моря, все отделено и разделено. Здесь Твоя воля абсолютна. Однако звери все же делают, что хотят.

Всевышний: Они просто не знают другой воли. Все, что бы они ни делали — для них естественно, а это и есть Моя воля.

Азас: Когда множество твари — крупной и мелкой — действует, хотя бы и по своему естеству, но разнообразно, мир неизбежно меняется, а с ним и Твои твари. Их эволюция соиздает формы, вид которых трудно предвидеть. Разве эта творческая сила естественного закона не творит как бы уже не Твою, а свою волю? И разве это не то, чего Ты добиваешься?

Всевышний: Так. Но это не все. У этой твари нет Моего образа и подобия. Все вы лишь продолжаете Меня во вне. А Мне нужно иное.

Узз: Что это значит?

Всевышний: Точно то, что Я сказал: Я намерен сотворить творящую тварь.

Азас: А по чьей воле — творящую?

Всевышний: По Моей воле человек будет способен творить.

Азас: А по чьей воле он будет творить?

Всевышний: По своей, разумеется. Как Я — который творит по Своей воле.

Азас: А не получится ли, что его воля будет отлична от Твоей?

Всевышний: Вполне возможно.

Азас: И, может статься, это будет злая воля?

Всевышний: Да.

Азас: Нет, нет и нет! Ты создаешь существо своевольное и неблагодарное, при этом сознательное и с воображением, способным обращать пути естества вплоть до того, чтобы отрицать Твое же бытие, и имеющее силу ума, довольную для неопровержимых аргументов. Еще и еще раз нет!

Узз: Внемли зову рассудка!

Всевышний: Говори.

Узз: Ты создаешь нечто между зверем и ангелом, Размножаясь во главе всей природы, Твой образ победит всех и останется на земле одиноким. Его множеству не достанет плодов и трав, будет голод, его дети станут гибнуть, даже еще не увидев света. Тогда он проклянет час, в который был создан — вот этот час. Он скажет: или Тебя нет, а если Ты есть, это значит, что Ты творишь зло. И будет прав.

На такие печальные слова Всевышний сказал в ответ:

— И вы, и Я, — мы будем действовать в точности, как говорили.

И Он отправился на берег реки, где в пыли кувыркалась стая лемунов.

А Узз и Азас с того времени всячески вредят человечеству. Азас сбивает с дороги женщин и мужчин, а Узз губит нерожденных младенцев.

Эту историю, почерпнутую из "Книги Сияний", рассказал полосатым философам на привале в Африке некто Соль Перец, узнать которого поближе читателю еще предстоит.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

О КНИГЕ ДЖЕЙН ЭЛЛИС "РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ"

В 1986 году в издательстве Индианского университета вышло обстоятельное исследование о современном положении Русской Православной Церкви. Ее автор Джейн Эллис в течение многих лет является сотрудником Кестонского колледжа в Англии, исследовательского центра по изучению религии в Советском Союзе и странах Восточной Европы, который собрал огромный материал по религиозному самиздату и христианскому диссидентству в Советском Союзе. В книге "Русская Православная Церковь. Современная история" впервые систематически излагается история православного диссидентства, то есть движения за освобождение Церкви, начавшегося в конце 50-х годов и продолжающегося до сего дня.

Книга состоит из двух частей. Первая описывает официальное положение церкви, вся вторая часть посвящена православному диссидентскому движению, то есть тому, что не признается иерархией и преследуется режимом, но что отражает самостоятельное движение внутри современного православия в России.

Рассмотрим содержание этой книги подробнее. Первая часть состоит из девяти глав. В первой главе говорится о приходах и епархиях церкви. Тщательно сравнивая разные источники, советские и зарубежные, Джейн Эллис приходит к заключению, что в настоящее время в СССР около шести тысяч действующих православных церквей, так что одна церковь в среднем приходится на 7.700 верующих. Здесь же приводится полный список епархий Русской Православной Церкви с указанием их фактического состояния. Вторая глава описывает приходскую жизнь: из кого состоит приход и кто им управляет, какой в среднем бюджет прихода и всей РПЦ, каков статус духовенства и через какие каналы советские органы, в частности, Совет по делам религии, могут на местном уровне влиять на приходскую жизнь. В особом приложении к этой главе рассказывается об архиерейском соборе 1961 года, который под давлением режима фактически исключил духовенство из жизни приходов, поставив священников в положение наемных служителей культа. Вся третья глава посвящена положению православного духовенства: числу священников, их зарплате и налогам, которыми они облагаются, официальному взгляду на духовенство и его реальному статусу в приходе. Следующая глава говорит о богословском образовании, о числе студентов в семинари-

ях и академиях, о процедуре приема в духовные школы и о том, какими методами Совет по делам религии и КГБ могут контролировать прием в семинарии и академии и процесс обучения в них. Пятая глава рассказывает о положении монастырей, о числе монашествующих, о гонениях на монахов и о давлении на монастыри, такие, как Почаевская и Псково-Печерская лавры, о безуспешной кампании верующих и монахов за открытие старейшего русского монастыря Киево-Печерской лавры. В шестой главе анализируются публикации Московской патриархии, а в седьмой говорится о положении мирян. Здесь Джейн Эллис говорит о числе верующих, об их возрастном и социальном составе, о дискриминации, которой они подвергаются на работе и при получении образования, о невозможности организовать религиозное просвещение как для взрослых, так и для детей, наконец, о практическом отсутствии Библии и религиозной литературы.

Восьмая и девятая главы посвящены епископату Русской Православной Церкви и ее отношению с государством. Здесь говорится об образовании, среднем возрасте, обязанностях епископата, приводится полный список всех архиереев, анализируются данные о епископате из доклада ЦК КПСС, сделанного Фуровым, заместителем председателя Совета по делам религий. Отдельный экскурс посвящен поместному собору 1971 года. Подробно разбирается советское законодательство о религии и описывается весь механизм государственного контроля над церковью, говорится об использовании советским режимом Московской патриархии в своих внешнеполитических целях через так называемое "движение за мир", наконец, приводится устав Совета по делам религии при Совете министров СССР.

Эта часть дает почти исчерпывающую картину РПЦ как общественного института, закованного в кандалы государственного контроля, который едва дает ему шелохнуться.

Тем более впечатляюща вся вторая часть книги, рассказывающая историю православного диссидентства, то есть свободных движений в Церкви, которые идут помимо зажатых иерархии и большинства духовенства, и вопреки государственному давлению и преследованию.

Эта часть книги состоит из четырех глав. Первая из них посвящена возникновению православного диссидентского движения и охватывает период с конца 50-х годов до 1974 года. Здесь

рассказывается о первых самиздатских статьях в защиту Церкви Анатолия Левитина-Краснова и Бориса Талантова, об открытом письме двух священников Эшлимана и Якунина патриарху Алексею, в котором впервые было определено реальное положение Церкви, о формировании демократического и националистического движений, каждое из которых оказало свое влияние на движение внутри церкви. В этой главе говорится и о возникновении неославянофильского журнала "Вече", основанного и издаваемого Владимиром Осиповым, и о самиздатской полемике о церкви, которая развернулась вокруг великопостного письма Солженицына патриарху Пимену в начале семидесятых годов. Джейн Эллис также говорит здесь о правовой защите церкви со стороны демократического движения, а также и об участии православных верующих в самом демократическом или правозащитном движении.

Следующие две главы "Рост православного диссидентства" и "Расцвет православного диссидентства" охватывают периоды с 1974 по 1976 год, период формирования правозащитного движения в церкви, и период с 1976 по 1979 год, время деятельности "Христианского комитета в защиту прав верующих", основанного о. Глебом Якуниным, "Христианского семинара", организованного Александром Огородниковым, бесед-проповедей о. Димитрия Лудко, и православного феминистского движения в Ленинграде.

Последняя глава "Репрессии против православного диссидентского движения" говорит о расправе над организаторами и активными участниками этих движений и усиленных репрессиях режима с целью подавить всякую независимую деятельность в церкви. В заключении автор доводит историю разных независимых движений в церкви до 1985 года. Таким образом, книга дает полную картину православного движения за религиозную свободу за последние тридцать лет. Эта история написана с большим профессионализмом и внутренним проникновением в проблематику православия и религиозного возрождения в Советском Союзе. Надо добавить, что книга Джейн Эллис превосходно документирована, около восьмидесяти страниц занимают в ней сноски и именной и предметный указатель.

Появление этой книги можно назвать событием в литературе о православии в советском обществе. Ее можно считать подлинным даром к приближающемуся юбилею Тысячелетия Крещения Руси.

ОБЗОР "ВЕСТНИКА РХД" №149

Вышел в Париже 149-ый номер Вестника РХД, пока единственного у нас журнала русской христианской культуры. В номере три большие раздела, посвященные богословию, литературе и судьбам России. В первом разделе доминирует тема о софиологическом богословии. Самиздатская статья "Уста праведника изрекают премудрость" посвящена о. Павлу Флоренскому. Согласно статье о. Павел уже занял прочное место в советском академическом богословском мире. Перечисляя иерархов и профессоров духовных академий РПЦ, писавших исследования о Флоренском, автор приводит и слова архиепископа Питирима, председателя издательского отдела МП, который в своем выступлении на юбилее о. Павла Флоренского в МДА в феврале 1982 года прямо сказал, что на преподавателях и студентах академии лежит "высокая, ответственная и

почетная миссия быть продолжателями и благоговейными хранителями того наследия, которое оставил нам блаженной памяти отец Павел". О Флоренском сегодня открыто говорится, как о крупнейшем выразителе и апологете православия в нашем веке, творившем на родине и исповедавшим свою православность своей жизнью и своей смертью в сталинском лагере. Вместе с Флоренским Православная Церковь в России, наконец, принимает наследие русской религиозной мысли Владимира Соловьева и его последователей, которые сделали своей задачей истолкование вечной христианской истины в терминах нашего времени.

В статье "О тварности" эмигрантский богослов игумен Геннадий Эйколович рассматривает проблему отношения всего сотворенного к Творцу в двух разных интерпретациях современного

русского богословия: так называемой "неопатристической" о. Георгия Флоровского и софиологической — о. Сергия Булгакова. Глава из неизданных воспоминаний о. Василия Зеньковского, крупнейшего историка русской философии, рассказывает о деятельности богословской комиссии, созданной митрополитом Евлогием, ректором Богословского Святосергиевского института в Париже, для разбора учения о. Сергия Булгакова после того, как последний был осужден в ереси карловацким собором 35-го года и митрополитом Сергием Страгородским от лица Московской патриархии. Зеньковский, сам противник булгаковского учения, пишет в своих воспоминаниях, что комиссия после тщательного рассмотрения отвергла как безграмотные и необоснованные обвинения о. Сергия в ереси. Две статьи посвящены памяти о. Александра

Шмемана. Дмитрий Поспеловский рассказывает о нем, как о новом апостоле Америки, который сочетал свою любовь к России и работу для ее духовного просвещения с кипучей деятельностью по созиданию поместной американской православной церкви. Другой автор, Никита Струве говорит об о. Александре как об европейце, который знал французскую литературу не хуже русской, для которого "парижский воздух был необходим", так как в нем он вдыхал "полутрагическую западную культуру, заложенную античностью и христианством". Эта вселенскость о. Александра, его принадлежность трем разным мирам: России, Европе и Америке объясняет его чарующую широту и многогранность. О. Александр был всегда проповедником и свидетелем свободы православия. Струве вспоминает одну из лекций о. Александра, прочитанную на съезде РХСД на тему "Авторитет и свобода". "С каким вдохновением, с какой убежденностью он говорил об очищающем ветре Святого Духа".

Следующий раздел "Литература и жизнь" посвящен 150-летию юбилею Пушкина, и состоит из пучка свидетельств: статей Василия Розанова, Владимира Гиппиуса из русского серебряного века, высказывания Флоренского из лагеря; двух самиздатских статей; статей, написанных в эмиграции; ответов на анкету Вестника о Пушкине Бобышева, Горбаневской, Кублановского, Лосева, Струве, архиепископа Иоанна Шаховского и Эткинды. Изложить в нескольких словах содержание этого пушкинского симпозиума невозможно. Но если выразить то основное, что о нем говорилось, то придется взять слова о. Александра Шмемана из краткой, но на редкость точной статьи о нем: "Пушкин был, быть может, единственным русским писателем, который не

усомнился в нужности культуры и не искал ни оправданий ее, ни обвинений".

В разделе "Судьбы России" опубликовано два самиздатских документа о Церкви в связи с приближающимся юбилеем Крещения Руси. Статья Кирилла Головина "Грядет день" оценивает положение РПЦ при политике гласности и перестройки и отмечает, что это новое положение не многим отличается от прежнего. В некоторых отношениях оно даже хуже. Автор приводит интересные факты: в 1986 году в ленинградской публичной библиотеке была проведена втихомолку операция — из каталога журнального зала вынуты все карточки с названием духовных журналов, будто бы не выходящих нигде. В библиотеках стало намного труднее получать религиозную литературу, выходящую до революции. Православие продолжает переживать трудные времена. Наряду с притоком в церковь молодежи и интеллигенции в городах, общее число православного населения уменьшилось. Необходимы проповедь и религиозное просвещение, но они-то и стоят под запретом.

Другой документ о церкви и ее подготовке к юбилею представляет собой четыре ответа на анкету самиздата. Ответы анонимны, но ясно, что они принадлежат людям, недавно обретшим себя в православии. Тем самым они выражают собой самосознание нового поколения православных верующих. При разнице взглядов на феномен "религиозного возрождения", которое опрашиваемые предпочитают называть "религиозным пробуждением", и на роль в нем церковной иерархии, все они объединяются в призыве к внутреннему обращению и осознанию верующим собственной миссии в Церкви.

Номер завершается двумя некрологами: о ре-

Икона Печерской Богоматери, XVII века

жиссере Андрее Тарковском, умершем в эмиграции, и о Владимире Кормере, писателе и публицисте, скончавшемся в Москве. Дав его верный портрет, Кублановский назвал Кормера "яркой и незаменимой фигурой Москвы 70-х и 80-х годов".

ОБЗОР ЖУРНАЛА "СИМВОЛ" №16

Вышел шестнадцатый номер журнала "Символ", журнала христианской культуры, издающегося два раза в год при славянской библиотеке в Париже. Нынешний номер посвящен христианской философии истории, которая в нем представлена в трех аспектах. Первый — метафизический, рассматривает историю в перспективе эсхатологии. Ему посвящена большая часть раздела, названного "Последний Суд". Этот раздел составлен из статей об Апокалипсисе известных западных богословов и назван так потому, что картина Страшного Суда, конца истории, доминирует в церковном понимании человеческой истории. И Восточная, и Западная Церковь предлагает верующим икону или барельеф Последнего Суда. На Востоке фреска с изображением Христа, восседающего на престоле Судии, перед которым собрано все человечество, находится на внутренней западной стене храма, на Западе подобное изображение помещается на фасаде храма. И там, и здесь, "всякий раз, когда христианин входит в храм или покидает его, неизменно, благодаря тому месту, которое он занимает в топографии храма, его взору предстает изображение Страшного суда." И вот истории в перспективе Последнего суда посвящены следующие статьи: статья "Суды Божии в откровении Иоанна Богослова" Ганса Урса фон Бальтазара, католического богослова, иностранного члена французской академии наук, статья "Чаяние окончательного и славного пришествия Иисуса Христа" тюбингенского профессора богословия Вальтера Каспера, две статьи кардинала Даниелю — "Христианское понимание истории" и "Эсхатологическое чаяние", и статья специалиста в области политической философии Анри Юда, "Бог — судия человека".

Второй аспект философии истории — это христианство как движущая сила европейской культуры, без которой последняя вырождается и изменяет самой себе. Этому посвящены три другие статьи первого раздела: проповедь Папы Иоанна-Павла II "Евангелие во имя неразделимой

Церкви", сказанная в заключении торжественного празднования памяти просветителей славян, свв. Кирилла и Мефодия Католической Церковью в 1985 году, статья Реми Брага "Римское будущее Европы" и статья Альберта Герреса "Вера и неверие с точки зрения психоанализа".

Наконец, третий аспект христианской философии истории, представленный в номере, — это историософия, возникшая на базе православия, философия истории русских религиозных мыслителей. В этом разделе, названном "Наши публикации" впервые опубликована статья главы славянофилов Алексея Хомякова о философском письме Чаадаева. Затем опубликована забытая статья о Павла Флоренского "Около Хомякова" и статья Николая Бердяева "Идеи и жизнь", написанная по поводу статьи Флоренского о Хомякове. Публикации подготовлены профессором Иллинойского университета Ричардом Темпестом, который предварил их вступлениями и снабдил комментариями.

Статья Хомякова "Несколько слов о философском письме" отмечена спокойствием тона, мудростью и обоснованностью возражений. Хомяков указывает на неверные посылки подхода Чаадаева к России и на его плохое знание отечественной истории и религии. Этот ответ Хомякова, единственный достойный ответ Чаадаеву того времени, никогда не был опубликован и замалчивался в официальных кругах. Интересные подробности о том, как правительство Николая I игнорировало славянофилов, мы находим в статье о. Флоренского "Около Хомякова", представляющей собою мозаичное сочинение, состоящее из рецензии Флоренского на монографию о Хомякове профессора Завитневича, таблицы родственных связей ранних славянофилов и рецензии Флоренского на кандидатскую диссертацию о Хомякове некоего Херсонского.

Хотя статья Флоренского лишена цельности, в ней множество интересных мыслей и историче-

ских подробностей, проливающих свет на природу славянофильства. Флоренский объясняет, почему самый крупный представитель русского национального самосознания — глава славянофильского направления Хомяков — замалчивался как при царском режиме, так и после революции. Флоренский указывает, что для Хомякова православная Церковь была живым и свободным организмом, воодушевленным любовью, который способен воссоздавать общественную жизнь на евангельских основаниях. Это казалось опасным как сторонникам государственной идеи, так и социалистам. "Крайние государственники, равно как и революционные и социалистические деятели — и те, и другие, — пишет Флоренский, — не любили учения Хомякова, чутьем воспринимали в нем если не будущую победу, то по меньшей мере действительного противника. Так государственники и революционеры протягивали друг другу руки."

В своей статье "Идеи и жизнь" Бердяев защищает Хомякова от весьма умеренной критики Флоренского и превозносит Хомякова за тот дух свободы, который он видел в православии и который открыл другим.

Эта публикация важна для всех интересующихся историей русской религиозной мысли.

Наконец, в последнем разделе патристики напечатаны два произведения Феофилакта Болгарского, толкования на послания апостола Павла Титу и Филимону, возвращающие нас в русло святоотеческого восприятия Священного Писания.

Две статьи журнала представляют особый интерес.

Статья Брага "Римское будущее Европы" говорит о религиозно-культурных основах европейской цивилизации, которая вышла из римской. В чем же характерная черта римской цивилизации? Браг видит ее в способности заново актуализировать классическую древность, будь то гуманизм греческой культуры или богосозна-

ние иудейского монотеизма, переданного Европе христианством, единственным носителем которого для нее в течение пятнадцати веков была Римская Церковь. "По сравнению с двумя народами-творцами — греческим и еврейским, — пишет Браг, — ничего нового римляне не принесли. Римская самобытность состоит в возобновлении и восстановлении. Быть римлянином — значит воспринимать старое как новое, обновлять это старое, пересаживая его на новую почву, а сама эта пересадка превращает старое в некий принцип, или источник нового развития. Быть римлянином — значит иметь за собой классицизм как образец для подражания, а перед собой — варварскую стихию, которой необходимо овладеть. Римлянин сознает себя греком по отношению к варварской стихии и варваром по отношению к греческому культурному миру".

Греческий мир с его классическим искусством и философией и иудейский мир с его библейской вестью и верой в Бога-Творца, в равной мере вошли составляющими в римскую культуру, хотя бы потому, что и эллины и иудеи — оба римляне. Если греческая культура вошла непосредственно в римскую, то иудейство повлияло на формирование европейского культурного мира прежде всего через посредство христианства, носителем которого в течение многих веков была Римская Церковь. Поскольку римская Церковь является наследницей римской империи, то римскость — это неотъемлемое качество Церкви, ибо представляет собою саму структуру христианского феномена. "Христиане суть римляне, — развивает свой тезис Браг, — поскольку у них есть свои греки, с которыми они связаны неразрывными узами. Эти греки — иудеи. Можно сказать иначе: по отношению к Ветхому Завету христианство есть то же, что римляне по отношению к грекам. Христиане как бы привиты к дереву иудейского народа, причастны к его опыту Богопознания."

Это интересное в культурологическом смысле утверждение Брага грешит некоей вялостью в религиозном смысле. Христианство представляется как всего лишь универсализация иудейского религиозного опыта, хотя оно несет в себе нечто качественно новое — а именно: опыт самого Христа, опыт Богочеловека и богочеловечества, который намного богаче простого расширения замкнутого опыта иудаизма до европейских или всемирных масштабов.

Но Браг хочет оставаться в культурологических рамках и далее утверждает, что если для иудеев образ отношения к истине есть мудрость, то для христиан такой образ отношения есть культура. Браг считает "римскость" основным определением Церкви потому, что в сравнении с Израилем она то же самое, что римляне в сравнении с эллинами. Церковь восстанавливает то, что раскрывается нам в образе "ветхого". Она основана на Христе, на Его Пришествии, которое и проповедует как нечто совершенно новое".

Но вот эта Европа, которая в прошлом была римской, сегодня быстро утрачивает это качество. Европа считает, что классический источник ею исчерпан и что ее культура уже не может чему-либо научить другие народы. Отсюда потеря сознания своей миссии.

"В прошлом, — пишет Браг, — европейская экспансия влекла за собой распространение вселенской культуры. ...Но у современного империализма лишь одна цель — навязать другим свой собственный образ жизни".

Другое грозное обстоятельство — релятивизм. Европа начала расценивать вселенскость, носителем которой она является, как некую местную особенность, имеющую значение только для нее одной и совершенно не обязательную для других культур. "Например, можно услышать, что свобода, демократия и т. д. не подходят для известных народов, ибо частью их достойной всяческого уважения традиции является деспотизм или официальная ложь. В результате получается, что свобода и истина — это какие-то местные чудачества, наподобие шотландского обычая носить юбки или французского обычая употреблять в пищу улиток", — пишет Браг и заключает, что будущее Европы лежит на пути преодоления этого релятивизма, возвращения к римскому сознанию цивилизаторской мысли в мире.

Европа должна раскрыть в себе два качества: самоуверенность и самосознание, то есть она должна сознавать как присущую ей ценность, так и собственное недостоинство и ущербность; ценность по отношению к внутренней и внешней варварской стихии, которой она должна овладеть, и ущербность по отношению к культуре, которой она должна служить и которую обязана передавать.

Статья Герреса "Вера и неверие с точки зрения психоанализа" затрагивает ту же проблему с внутренней стороны, а именно со стороны психологических и идеологических компонентов современного секулярного мировоззрения. Это мировоззрение не имеет границ, оно характерно для человека нынешней научно-технической цивилизации, для христиан и для нехристиан. И те, и другие готовы принять бытие Бога, но Бога не требовательного, не налагающего Своих нравственных рамок, — пишет Геррес. — Этот Бог имеет дружескую склонность без осуждения взирать на удовольствия, которые позволяет себе человек. Этот Бог готов принять верующего в Него таким, каков он есть. Его может удовлетворить даже посредственность. От "только благодатью" и "только верой" Реформации необходимо было лишь убрать "только Писанием" (и целые поколения прилежно и успешно работали в этом направлении), в результате чего было выработано мертвое божество буржуазного декадентского христианства, которое никому не причиняет беспокойства, которое все понимает и все автоматически прощает даже тогда, когда его и не просят об этом. Это бедное божество так неизмеримо радуется уже добровольному проявлению простого признания его существования, что готово дать за это любую награду, если только оно может что-либо дать. Эта вера рассеивает любые страхи о наказании за гробом. И исповедание этой веры не нуждается ни в организации, ни в иерархии, чтобы сформировать некое незримое общество, которое в настоящее время представляет самую большую и наиболее привлекательную "церковь". Она дает своим членам такие преимущества, с которыми не может конкурировать

ни одна из форм христианства. Она позволяет приобщиться религии, лишенной бремени каких бы то ни было конкретных форм, позволяет не затрагивать культа собственного "я", самовосхваления и самопрощения и позволяет получать от жизни все, что можно, считая себя хорошим человеком.

Впрочем, и эта так называемая "церковь" имеет свою дисциплину. Она налагает на своих членов строгие интеллектуальные табу, запрещающие все метафизические вопросы как бессмысленные, примитивные, неразрешимые и ненаучные. Ее этика состоит в отставании многочисленных важных вещей, вместо одной необходимой, и в коварном утверждении, что христианская мораль просто не действует в современном реальном мире.

Как указывает Геррес, такая форма веры посредством устранения всего того, что внушает трепет, успешно синтезировала божество.

Эта форма веры дает ответ на вопрос о причинах метафизического легкомыслия столь большого числа людей. Они не углубляются в основные вопросы о жизни и смерти, потому что уже получили на них ответы со стороны этой туманной "веры". Но то, что на первый взгляд представляется нежеланием думать, на деле является инстинктивным логическим решением любой ценой держаться за это удобное и вполне удовлетворяющее божество.

Правда, в конце концов, это верование приводит к метафизическому обнищанию и скуке, а отсутствие духовных событий должно компенсироваться другими ощущениями, например, сексуальностью и агрессивностью. При этом традиционное церковное богословие преподносится этим сознанием в такой форме, что выглядит совершенно неприемлемым и абсурдным, провоцируя тем самым страстную реакцию.

Эта картина, нарисованная Герресом, не представляет ли собою некий метафизический образ того гедонистического перmissive общества, в котором мы живем, которое бежит от иудео-христианского сознания личности с ее вечной ответственностью в некое идейное месиво из переселения душ, сексуальной революции, любви к наживе и страху перед завтрашним днем, которое лучше всего отражается в его собственном храме — комнатке гадалки и советчицы, в которой рядом с безвкусной статуэткой католического Иисуса мы находим не менее безвкусного Будду, колоду карт, пару предметов из магического арсенала, или же в приемной психоаналитика, заменившей собою католическую исповедальню.

Статья Герреса представляет собою интересный анализ тех психологических и интеллектуальных предпосылок современного сознания, которые влияют на веру или неверие современного человека. Она интересна и для русского читателя потому, что описывает тип секулярного сознания, который характерен для современных людей, независимо от того, живут ли они под коммунистическим режимом или же в западном мире.

Таково содержание шестнадцатого номера журнала "Символ", предлагающему обильный материал для размышлений.

ЮБИЛЕЙ СВЯТО-ПОКРОВСКОГО ПРИХОДА В МИННЕАПОЛИСЕ

Г. СОЛДАТОВ

11 октября приход Покрова Св. Богородицы отпраздновал свое столетие. Сто лет тому назад прихожане купили землю для храма. До этого они собирались на дому у кого-либо и для совершения богослужений приезжали униатские священники.

Божественная литургия была отслужена Первоиерархом Православной Церкви в Америке Митрополитом Феодосием в сослужении еписко-

па Чикагского Бориса и многочисленного духовенства. На богослужение прибыло более тысячи прихожан и друзей из других приходов.

Накануне на вечерне присутствовал также местный католический архиепископ Рош в знак примирения с происшедшим 100 лет тому назад расхождением между его предшественником и карпатороссами. С ним прибыло много католического духовенства, также подошедшего для

елеопомазания и крестоцелования. Во время службы православный митрополит и католический архиепископ сидели вместе. После богослужения архиепископ Рош в церковном зале обратился с поздравительным словом к собравшимся, призвав вместе защищать общие христианские духовные и моральные ценности и забыть ошибки прошлого.

Архиепископ Рош — первый католический

Свв. Борис и Глеб

С иконы Московской школы XIV в.

епископ, переступивший порог церкви за все 100 лет, назвавший прихожан не схизматиками, а "братьями христианами".

Вечером, в воскресенье, на банкет съехалось православное духовенство всех местных церквей, прихожане и их друзья, мэры Сент-Поул и Миннеаполиса, а также другие представители местной администрации.

Владыка Митрополит открыл банкет, благословив присутствовавших, и в своем поучительном слове пожелал прихожанам быть и в дальнейшем примером. В лотерею было продано 500 билетов, по сто долларов каждый. Главный выигрыш был 10 тысяч, второй — 7 тысяч, и пять выигрышей по тысяче долларов. 25 тысяч от лотереи пошло в пользу церкви.

В начале этого века этот приход также назывался "Новым Киевом". Такое название ему было дано вполне по заслугам. Киев на берегах Днепра был религиозным, культурным и политическим центром, откуда Православие распространилось по всей Русской Земле; а из "Нового Киева" на берегах реки Миссисипи раздался призыв о. Алексия Товта ко всем карпатороссам вернуться к вере праотцов, вернуться ко своим культурным ценностям.

В 1869 году в Сан-Франциско был основан русский православный приход. Там же находилась епископская кафедра Аляскинско-Алеутской епархии. Все внимание этой миссионерской епархии сосредоточилось на туземцах островов Алеутской цепи и Аляски, которые раньше были в границах Русской Америки.

В конце 70-х годов в районе Миннеаполиса начали селиться униаты карпатороссы. Молодые люди переселялись сюда из сел Бехерово, Комлос и Стебника в надежде на большую религиозную, культурную и экономическую свободу. Без разрешения на это местного католического епископа — Иреленда они купили землю и построили храм, освященный о. Нестором Волянским в 1889 году. В том же году сюда прибыл священник о. Алексий Товт и, как того требовали церковные каноны, отправился первым делом с грамотами за благословением к Иреленду. В течение разговора с епископом о. Алексием стало ясно, что местная католическая церковная власть не желает принимать женатое униатское духовенство и даже не признает законности униатства, а также игнорирует интересы и стремления верующих униатов. Епископ заявил, что "греки" должны ходить к местным католическим священникам — один был поляк, другой был немец, и потому грекокатоликам не нужен свой священник.

Вскоре начались преследования о. Алексия и прихожан-униатов. Делались различные предупреждения и угрозы. Собравшиеся униаты решили отправить посла к русскому православному епископу в Калифорнию. Владыка Владимир принял посла, но не знал, как поступить и посоветовал послу обратиться к местному католическому епископу. Карпатороссы в Миннеаполисе громко протестовали — "хватит нам подчиняться иностранному епископу, мы хотим своего, русского". В Калифорнию поехал сам о. Алексий и во время литургии в соборе Сан-Франциско был воссоединен с верой своих праотцев — св. православием.

В 1891 году в Миннеаполис приехал епископ Владимир и принял весь приход в православие. Святейший Всероссийский Синод прислал свое признание на воссоединение 405 прихожан в Миннеаполисе, в это число вошло 44 человека из ближайших ферм, в епархию. Священнику и теще было назначено жалование от епархии. Храм был бедным, икон не было, стояли только 12 статуй, а на престоле деревянная чаша для причастия.

Поздравления приходу с возвращением в православие прислали различные духовные лица и даже патриарх Александрийский, иноки Почаевской Лавры прислали 12 прекрасных икон, а иконы для иконостаса были присланы в подарок от Св. Синода. Были присланы дорогие, золотые евхаристические сосуды, а также изумительной работы дарохранительница. Отец Алексий привез выкупленную серебряную чашу — подарок православным на Балканах от царя Алексея Михайловича. Св. отец Иоанн Кронштадтский прислал поздравление по случаю возвращения в православие с поучением крепко держаться веры своих праотцев и предсказал светлое и великое будущее православию в Америке.

Вскоре о. Алексием пришел указ обслуживать Чикагский район, где уже стал образовываться православный приход, а помимо этого, по возможности, способствовать возвращению в православие униатов в других городах США. Отец Алексий, однако, переехал в Пенсильванию в приход города Вилкес-Барр, где он стал настоятелем. Дальнейшая просветительская работа о. Алексия принесла много плодов. При его деятельном участии в лоно православной Церкви вернулось более пятнадцати бывших униатских приходов. Он создал Русское Общество Взаимопомощи. При его сотрудничестве начала издаваться газета "Свет" и так далее. За его миссионерскую деятельность Св. Синод наградил его палицей, митрой, золотым крестом из Кабинета Государя и возвел его в сан протоиерея. За его помощь славянам в Америке и миссионерство от русского правительства он был награжден орденами Анны Третьей и Второй степени и Св. Владимира Четвертой и Третьей степени.

В продолжение своей миссионерской и культурной деятельности о. Алексий написал много статей, а также опубликовал катехизис "Где искать правду", в которых призывал всех славян в США вернуться в Православие. Русский архив в Миннесоте недавно издал первые две (из возможных пяти) собрания его статей, писем и проповедей и, если Бог даст, вскоре будут изданы остальные.

В целях расширения миссионерской деятельности в 1897 году при Св. Покровском приходе была открыта "Миссионерская Школа", которая стала просветительным центром для православной молодежи в Америке. При школе был открыт также приют для сирот. Занятия велись на русском и английском языках. Помещения для учащихся не хватало и поэтому брали в школу только небольшой процент желающих учиться. Тогда епархия купила соседний участок и отпустила 2.500 долларов на постройку нового здания. Необходимо указать, что католическая семинария в штате была открыта только в 1885 году и в ней арх. Иреленд ввел систему дискриминации славян.

Запросы о присылке духовенства и учителей присылались из многих мест Северной Америки,

а оканчивающих "Миссионерскую Школу" студентов не хватало. Было ясно, что нужно иметь несколько школ. После обмена мнений на съездах и печатно по этому вопросу архиепископ Тихон (в будущем патриарх всея Руси, теперь причисленный РЗЦ к лику Святых) в 1905 году перевел "Миссионерскую Школу" из Миннеаполиса в Кливленд, а в Миннеаполисе по его распоряжению была открыта духовная семинария, для которой он, во время своей поездки в Россию сам выбрал преподавателей. Тихон начал в Миннесоте и Висконсине деятельную работу по воссоединению с православием американских старокатоликов и епископалов. За свою деятельность он был награжден двумя духовными семинариями в Висконсине почетными степенями доктора богословских наук. Дальнейшие переговоры по объединению были нарушены в связи с антирусской пропагандой во время русско-японской войны и затем в связи с переводом Владыки в Россию.

Благодаря целому ряду обстоятельств Св. Покровский приход в Миннеаполисе стал православным духовным и миссионерским центром.

Слава о нем не замедлила распространиться далеко за пределами ближайших городов и штатов с православными верующими. Он пользовался авторитетом и служил достойным примером для целого ряда православных общин и приходов. Сюда обращались за советом, за поддержкой, за помощью. Приходская библиотека снабжала духовной и классической литературой, а также учебными пособиями; склад — иконами, крестиками и так далее.

Владыка Тихон бы настоящим миссионером и святителем: он лично посетил почти все в то время основанные приходы и даже часовни.

Семинария в 1912 году была переведена в Танафли, Нью-Джерси. Результатом ее деятельности в Миннеаполисе было сближение будущего духовенства в Северной Америке и развитие зарождавшегося Владыкой Тихоном стремления создать Американский Православный Экзархат, в который вошли бы, по плану Владыки, различные православные этнические группы и каждая со своей собственной администрацией и епископом. По мнению Владыки Тихона, на этом была бы основана Православная Церковь в Америке, объединенная одной верой и английским языком. Впоследствии бывший ректор семинарии о. Леонид Туркевич стал Митрополитом Русской Православной Церкви в Америке, а инспектор семинарии, о. М. Ильинский стал Митрополитом Макарием — во главе Московского экзархата в Северной Америке, а из среды семинаристов вышел ряд деятельных священников, диаконов и учителей, а один стал даже архиепископом, возглавлявшим Японскую Православную Церковь. В настоящее время предпринимается изучение архива миссионерской школы и семинарии и их влияния на Православную Церковь в Америке. Работа выйдет отдельной книгой.

Сегодня среди прихожан есть судьи, адвокаты и представители в штатной системе законодательства. Многие прихожане стали учителями, докторами и торговыми дельцами, однако жизнь их по-прежнему вращается вокруг церкви. Приход продолжает вести миссионерско-учебную работу. Это не только самый старый православный приход в США (за исключением Аляски), но и самый многочисленный. В приходе теперь более тысячи членов, в воскресной школе около 160 детей. Каждый год в Православие переходит, в среднем, по 10 человек; для детей организуется летний лагерь; имеется хорошая библиотека и много различных клубов (включая русский) и организаций, проводящих занятия и семинары. Многие прихожане ездят на родину на Карпаты повидать родственников и родные места. Часто организуются поездки в СССР.

Пожелаем, чтобы приход Покрова Пресвятой Богородицы и далее продолжал свою успешную миссионерскую и культурную работу, служа опорой православному свидетельству в Америке.

Вид на Патмос с моря. Гравюра 18 в.

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ "ПУТЬ"

Издается при храме Христа Спасителя
340 Ист Семьдесят Первая улица, Нью-Йорк, Нью-Йорк 10021
По благословию преосвященного Петра, епископа Нью-Йоркского
и Нью-Джерсийского

РЕДАКТОР о. МИХАИЛ АКСЕНОВ МЕЕРСОН

ORTHODOX ALMANAC 'PUT'

PUBLISHED IN RUSSIAN BY CHRIST THE SAVIOR
ORTHODOX CHURCH IN MANHATTAN
340 East 71-st Street, N.Y. N.Y. 10021
With blessing of the Right Reverend Peter Bishop of New York
and New Jersey
Orthodox Church in America

REV. MICHAEL AKSIONOV MEERSON. EDITOR.

Запросы и пожертвования присылать по адресу:
Almanac PUT' - Christ the Savior Orthodox Church
340 East 71-st Street, New York, N.Y. 10021

Прошу выслать альманах "ПУТЬ"
по адресу : (по-английски, печатными буквами)

Имя и фамилия _____
Адрес _____

Предполагаемое пожертвование на номер	3 доллара
На весь год	15 долларов
Для проживающих за границей	20 долларов
В целях поддержания издания	25 долларов

Suggested donation	for one issue	\$3.00
Suggested donation	for one year	
In USA		\$15.00
In foreign countries		\$20.00
Supporting donation		\$25.00

PUT
Christ the Savior Orthodox Church
340 East 71 st Str.
New York, N.Y. 10021

NON-PROFIT ORG.
U. S. Postage
PAID
New York., N.Y.
Permit No 5660